Без компромиссов

Александр Абердин

SHOUT
SHARE
IT

•

• **Аннотация:**

Почему все Постапокалипсисы в обязательном порядке наполнены бесчеловечностью, грязью и подлостью? Разве катастрофа не может заставить людей сплотиться ради того, чтобы выжить? Почему все считают, что выжить смогут только озверелые сюрвайеры, которые уже сейчас понаделали в тайге схронов и натащили туда консервов, оружия и дизельного топлива. Разве это единственный способ выжить? А почему все авторы, словно сорвавшись с цепи, считают, что мутации обязательно приведут только к появлению злых зомбей с кровавыми глазами и оскаленными рожами, да жутких монстров? Разве невозможны иные варианты? Все эти вопросы я прежде всего задаю себе, уважаемые читатели, а потому предлагаю вам несколько иной вариант Апокалипсиса и жизни после него, то есть Постапокалипсиса. В том, что я не сомневаюсь, будто Апокалпсис возможен не для всего мира, я нисколько не сомневаюсь, как не сомневаюсь в том, что это будет именно наша с вами страна – Россия, не думаю, что мы в состоянии хоть чем-то на это ответить, но всё же верю в то, что не все из нас погибнут и кто-то рано или поздно отомстит за разорение России и гибель миллионов людей. Во всяком случае я на это очень надеюсь и потому даже взял на себя смелость представить себе, как это может всё произойти и что из этого в конце концов получится. Хотя, конечно, такого я не хотел бы увидеть иначе, как в самом страшном своём сне.

Александр Абердин

Без компромиссов

Глава 1. Муты, ловеки и чистые люди

В блиндаже было тепло и сухо. Пахло скипидаром и тушенкой, которой мы догрузились после ужина. Ещё пахло сгоревшим порохом. Вернувшись из рейда, мы не стали чистить пулемёты и ракетомёты. На запах, исходивший от наших тел, а мы уже месяца два, как не были в бане, я не обращал никакого внимания из-за того, что жутко устал. Во всяком случае он не мешал мне медленно погружаться в сон. Мысли у меня в голове ворочались всё тяжелее и тяжелее. Близилось весьма опасное равновесие между полудрёмой и глубоким сном, когда ты либо уснёшь, как убитый, либо что-то не даст провалиться тебе в темноту и тогда будешь пытаться уснуть по новой. Первый признак, что ты просто жутко, смертельно устал. Вымотался настолько, что даже не можешь уснуть. В этот самый момент кто-то со скрежетом приоткрыл дверь блиндажа и сердито проорал:

- Первый взвод, выходи строиться!

- Строиться? - удивился я мысленно - Зачем? Мы ведь уже пошамали и завалились спать. Была даже команда отбой дана.

Хотя чей-то крик развеял мою дрёму, я решил, что не стану подниматься с топчана, на который рухнул одетым, и вылезать из тёплого блиндажа в промозглую, холодную ночь, чтобы снова месить грязь. Усталость минувших двух с половиной недель навалилась на меня с удвоенной силой и я решил, что даже если меня станут расстреливать, то пусть сделают это в тепле. К сожалению Муня ещё не уснул, хотя и начал похрапывать, а потому поднялся и без лишних разговоров закинул к себе на спину сначала меня, после чего ко мне присоединился его братец Бика. Третий брат-близнец, Бибитиба, так и вовсе был с ним неразлучен. Ещё бы, ведь он и великан Муня были сиамскими близнецами. Бибитиба, в отличие от меня, уже спал, и во сне машинально ухватился рукой за широкий ремень портупеи и просунул ногу под ремень, стягивающий необхватную талию моего друга, которого я мало того, что знал с рождения, так ещё и был той самой причиной, по которой все трое не умерли сразу после рождении.

Между прочим, хотя бы в порядке благодарности за это, Муня мог бы раз в жизни не корчить из себя образцового солдата, но нет, он решил выйти на ночное построение. Так что мне тоже пришлось ухватиться рукой за ремень и просунуть ногу под ремень, чтобы не свалиться со спины этого чёртового дисциплинированного носорога. Мой друг, направляясь к выходу, загрохотал по бетонному полу стальными, кованными сапожищами и передними ходилками. Бибитиба, между прочим, дрых, как суслик, сложив руки на здоровенной, лысой, потому что покрыта роговыми пластинами, башке братца и подложив себе под щёку кожаную подушку, набитую вместо перьев свинцовой дробью. Чтобы разбудить брата, Муня не стал толкать дверь своими стальными, откидывающимися вверх, ходилками, а решил взять её на таран, причём головой братца Бибитибы. Раздалось громкое "Бам-м-м" и тяжеленная стальная дверь, обитая изнутри толстыми дубовыми досками, распахнулась настежь.

Брат нашего великана даже не проснулся, хотя его голова была покрыта не роговыми наростами, а длинными и толстыми, треугольными чешуйками, которые могли вставать торчком. Почти точно такие же, только более эластичные и совершенно белые, росли вместо волос на моей голове. Муня рывком рванулся вперёд и, чтобы не выстуживать блиндаж, с силой лягнул дверь и та с пушечным грохотом захлопнулась. Нет, так он когда-нибудь точно развалит блиндаж, надо будет обязательно

сделать ему выволочку. Дисциплина дисциплиной, а ремонтировать по три раза в месяц двери это не дело. Тем более, что это приходится делать мне, так как он только и может, что их ломать и ещё выступать в роли подъёмного крана. Дав себе слово, что займусь этим завтра с утра пораньше, я решил, что поспать можно и на спине друга. Особенно если нашему взводному приспичило потрепать языком на ночь глядя. Хотя лежать спине у Муни было намного хуже, чем на дубовом топчане, она ведь тоже была покрыта роговыми пластинами, от неё всё же исходило куда больше тепла, чем от отполированных моим телом дубовых досок.

Пока наш великан добирался до офицерского блиндажа, перед которым на плацу под маскировочной сетью проводились сеансы трепнологии и балабольства, я снова задремал. Даже не смотря на то, что противная, нудная и холодная октябрьская мжичка сменилась мелким, колючим дождём и моя якобы непромокаемая боёвка принялась вбирать в себя влагу. По-моему её просто неправильно пошили. Перевернули ткань не той стороной. Эта сволочь почему-то категорически отказывалась впитывать в себя пот изнутри, но зато моментально вбирала влагу снаружи. Правда, она при этом фильтровалась и собиралась в специальных контейнерах подмышками и на боках. Удобно, можно всегда попить чистой, хотя и тёплой, воды. Жаль только, что радиации в ней было ноль, но это и к лучшему, гамма-детекторы врага не обнаружат. Тем не менее, господи, как же мне надоел этот бесконечный дождь, который как начался в начале августа, так и не прекращается вот уже два месяца.

В полудрёме мне припомнились стихи: - "Я сижу на дне окопа и имею бледный вид. У меня промокла жопа, потому что моросит". Это точно. Из-за бесцеремонности Муни, моя поясница заголилась и так как я лежал на его спине, опершись ногой на толстый текстропный ремень, упрочнённый стальными накладками, прижавшись к ней животом, под углом почти в сорок градусов, то вода холодными струйками затекала мне в штаны. Ну, и хрен с ней. Пока этот верзила не встанет в строй, всё равно не пошевелюсь. С Муниной спины я не боялся свалиться, она у него широченная. В талии почти два, а в плечах все три с половиной. Из всех толстокожих мутов-гигантов мой друг самый огромный. В принципе я тоже отношусь к толстокожим мутам с крепким костяком, но меньше него вдвое. К тому же я неправильный мут, нетипичный, но и мне подобных за последние двадцать лет родилось немало. Вообще-то мы все четверо неправильные, а Муня с Бибитибой так и вовсе. Они же сиамские близнецы, причём большая часть Бибы вросла в тело брата и

снаружи торчит толь верхние две трети его мощного торса, причем цвет кожи у них разный.

Тело Муни своим цветом похоже хорошо обожженную глину, а тело его сиамского брата бледное, с синевато-зеленоватым оттенком. Зато третий братец родился чёрным, как антрацит, причём с изумрудной каймой вокруг роговых пластин, но они у него, как и у меня, мягкие и эластичные. В плане цвета кожи я им полная противоположность, так как всё моё тело снежно-белого цвета и даже зрачки не чёрные, а серовато-голубые. В каком-то смысле слова я слепой, так как мои глаза не видят в обычном спектре ни одного из цветов. Для меня даже большая часть ультрафиолетового спектра и та невидима. Зато я прекрасно всё вижу своим инфракрасным зрением и к тому же обладаю зрением рентгеновским и вижу электромагнитные поля и любое радиоактивное излучение. В общем у меня уникальное зрение, но и это ещё далеко не все мои способности.

Наш блиндаж стоял дальше всех и потому Муне пришлось поторапливаться, но мы с Бикой не свалились. Муня, Бибитиба и Бика это детские прозвища моих друзей. Моё же прозвище Атылка и все четыре обозначают один и тот же предмет - бутылку. Я появился на свет на пять лет раньше, чем они, но из роддома нас выписали одновременно. Сначала наши акушерки, медицина ловеков не для нас, выхаживали меня, при этом я чуть было не прикончил свою мамку, а потом уже я спас от стопроцентной смерти эту троицу тем, что моя кровь что-то делала с молоком не только их мамки, лучшей подруги моей матери, но и молоком летающих коров. Мы все четверо муты, то есть мутанты, но так нас зовут только те люди, с которыми мы вместе живём вот уже почти девяносто лет и всё это время сражаемся с внешним миром. Если бы не люди, которых мы называем промеж себя ловеками, то большинство мутов умерло бы с голоду. Муты ведь родом с Атомных гор и из Атомной степи, то есть из Атомного края, который ловекам противопоказан, а там дело с харчами обстоит не очень хорошо. Те животные, которых можно есть, сами кого хочешь слопают, а мясо тех, что не кусаются, ядовито даже для мутов.

Если бы муты не помогали ловекам, то их бы давно уже уничтожили по обе стороны от Атомных гор, а так, благодаря сотрудничеству, мы всё ещё живы и как пиндосы и еэсэсовцы не пытаются нас уничтожить, у них ничего не получается. Когда-то против нас воевали ещё и китаёсы, но они первые получили по башке так, что спрятались от нас за свою Великую Китаёсскую Стену и носа из-за неё не высовывают. С ними у нас заключено перемирие. Зато весь остальной мир нас всех считает мутантами

и уродами, которых нужно обязательно уничтожить, иначе мы уничтожим их и так оно и есть. Мы действительно рано или поздно уничтожим всех "чистых людей", как они себя называют, а таких не так уж и много. Во всяком случае не больше, чем нас. В принципе чистюли правы, мы действительно все мутанты, даже те, кто не трансформировался ещё в мамкином животе.

Во внешнем мире, в котором нас зовут уродами и монстрами, тоже ведь не всё слава Богу. Подавляющее большинство просто балансирует на грани первичной трансмутации, при которой выживает и приспосабливается без квалифицированной помощи максимум семьдесят процентов людей. Там всех мутантов давно уже уничтожили и генетическая полиция готова в любую секунду сжечь каждого, у которого появятся первые признаки первичной трансмутации. Поэтому к нам часто перебегают те, у кого она началась, но этого ещё никто не заметил. Помирать ведь никому не хочется, а у нас они имеют право выбора, остановить процесс и остаться людьми или с куда большей гарантией, что они не умрут, дать трансмутации завершиться. Многие предпочитают стать мутантами, ведь тогда они смогут иметь детей, а если мутацию грубо остановить, то, извините, шансы стать отцом или матерью пятьдесят на пятьдесят. Если бы жизнь у мутантов была бы совсем уж паршивая, то наша численность не увеличивалась бы каждый год в среднем на семь процентов только за счёт перебежчиков из внешнего мира, которым мы не всегда рады. Довольно часто ими оказываются, те, кто ещё вчера нас бомбил.

Существует всего две формы мутации - жесткая и мягкая, а вот видов в обоих великое множество. Вот, кажется, чего хорошего в том, ты за несколько недель лишаешься практически всех костей? Ан, нет, не всё так плохо, ведь если превратился в человека-спрута, человека-слизня или вовсе в человека-амёбу, то перед тобой открывается масса возможностей. Все три этих основных вида делятся на множество подвидов и некоторые даже обретают способность летать, превращаясь в дирижабли, наполненные водородом, но из-за авиации врага это очень рискованное занятие. Беспилотники могут в любой момент свалиться на тебя из космоса и тогда всё, кранты. Что ни говори, а реактивные двигатели молодых летунов не выдерживают никакого сравнения с реактивными двигателями беспилотников пиндосов. Правда, самые мощные из летунов-стариков, которые способны генерировать электрические разряды огромной мощности, могут стрелять узко направленным ЭМ-импульсом и тогда кранты уже беспилотнику. Точнее не совсем кранты, ведь им не дают упасть на землю и разбиться. Они их ловят сетями, разминируют и пускают в дело.

А вот в воде мягкие муты живут припеваючи, как и под землёй, если они превращаются в мутов-копателей, но это совершенно особый народ. Они все, как правило, трансформеры и даже могут придавать себе совершенно человеческий облик, но для этого нужен очень сложный и жутко дорогой экзоскелет. В нашем отдельном штурмовом батальоне воюют тридцать шесть здоровенных мутов-копателей, которые дадут тысячу очей форы самому бешеному из всех кротов. Они способны рыть под землёй ходы со скоростью пешехода, причём в очень плотном грунте и даже камне. Тоннели у них получаются диаметром от полутора до двух метров. Муня, конечно, в такой не влезет, да и для меня он будет тесноват, но для ребят поменьше в самый раз и потому нашу роту так ценит командование и боятся пиндосы с еэсэсовцами. Так что копатели у нас на особом счету и хотя на полноценные экзоскелеты для них армейское начальство так и не разорилось, все они имеют шикарные индивидуальные титановые раковины на гусеничном ходу. В Атомном крае таких не сыскать. В отличие от чистых людей, живущих в подземных городах, мы живём бедно.

Жизнь жестких мутов тоже неплоха. Во всяком случае даже такие "неправильные" особи, как мы, не жалуются. Это в детстве, когда мне было лет семь, я стремился стать таким, как все, но у меня из этого ничего не получалось, что меня сильно ранило. А ещё я боялся, что таких, как я, нет больше на свете ни одного, но потом на свет вслед за мной стали появляться белые электрические муты и моим страхам наступил конец. Когда мы были год назад в отпуске, а мы все четверо родом из Фиолетового Кратера, точнее жили в городке, раскинувшись вокруг него, то даже Муня прибалдел, так повстречался с девчонками из рода мутов-гигантов. Нам с Бикой в этом плане было всё же намного легче. Выбор был намного богаче, но и у этого охламона имеется сразу три подружки, с которыми он часто общаются. Он же ещё и телепат. Ну, я тоже почти телепат, как и Бика, но могу слышать только то, что говорит мне мысленно эта троица и ещё умею так телепатически орать, что меня слышно вёрст на триста и при этом мои телепатические вопли слышат даже те ловеки, которые телепатами вообще не являются. Такая вот у меня телепатическая глотка.

Зато я, можно сказать, немой. Точнее говорить могу, вот только слишком низким голосом и ещё издаю свист уходящий в ультразвук, причём и одно, и другое вырывается из меня одновременно. В результате даже самые крепкоухие жесткие зажимают уши и падают на колени, а почти все ловеки и вовсе теряют сознание. Бика тоже предпочитает помалкивать потому,

что издаёт просто жуткие скрежещущие звуки, но от его рулад хотя бы в обморок не падают, но и он предпочитает помалкивать. С Муней та же самая песня. Тон его голоса даже ниже, чем у меня. Так что за каждого из нас говорит Бибитиба. Вот у него голос, так голос, любой оперный певец от зависти повесится. Ещё бы, диапазон от баса-профундо до чистейшего и очень звонкого дисканта. Любые свистки рядом с ним в пыль не попадают. Вот только на сцену им нельзя. Они вдвоём весят тонну восемьсот. За наши голоса нас так и прозвали Три Соловья-разбойника и их Переводчик. Поэтому анекдоты за нас рассказывает Красавчик Биба, который из-за своих роговых надбровных дуг и "очков" вокруг глаз, а также рогового носа весьма похож на орла, но у него и подбородок тоже роговой.

Наконец Муня занял своё место правофлангового и замер по стойке смирно, только стоя на четвереньках, чтобы мы не свалились с его огромной спины. По своему внешнему виду он похож на гориллу с вросшими в плечи головой, только не волосатую, а с совершенно безволосым телом с очень толстой кожей, покрытой ещё и мощными роговыми щитками, как и тела всех жестких мутов, на спине которой сидит гориллёнок. В отличие от всех остальных жестких мутов, его роговые щитки очень прочные, пуленепробиваемые и образуют внешний экзоскелет. В общем Муня это ходячий танк, обладающий чудовищной силой, а Красавчик Биба вырос ему под стать. Хотя руки у него на вид не мощнее моих, он совершенно спокойно не только удерживает на весу их общую тушу, но и передвигается на руках по канату или стальным перекладинам. Но его роговые пластины всё же будут послабее, чем у братца и потому он всегда надевает бронежилет. Муне он не нужен, как и куртка-боёвка. Он обходится титановым шлемом со специальным креплением, портупеей, штанами и лишь в сильные холода надевает на себя меховую куртку.

Самая большая мечта Муни поиграть с настоящей гориллой, но я той заранее не завидую. Если он выпрямляется во весь рост, то от земли до его макушки будет шесть метров двадцать три сантиметра, а до маковки Красавчика Бибы - семь пятнадцать. Вот и подумайте, где он и где горилла. Сила у моего друга такова, что он способен одним ударом убить такую громадину, как гора-бык, а эта хищная зверюга весит пятнадцать тонн и три тонны приходятся на роговые щитки панциря, только это их не спасало. Своего первого гора-быка Муня и Бибитиба убили, когда им не было семнадцати. Радости было на весь Фиолетовый кратер. Ещё бы, мы приволокли с охоты столько мяса. В то время нас было пятеро. С нами водил дружбу ещё один парень, Кабан, тоже мут,

но не человеческой породы. Некоторые лошади из-за Гнилой войны, породившей мутации, стали разумными существами и жесткими мутами, немного похожими на нас, только у них вместо пальцев на руках три роговых когтя. Это из-за Кабана, который любит сокращать слова, мы говорим ловек вместо человек.

А через восемь лет нас не смотря на то, что мы были неправильными мутами со странностями, загребли на десять лет в армию. Всё правильно, без нас пиндосы перебили бы всех людей, а потом умерли бы и мы. Ещё два года и наша служба закончится, но пока что мы стояли на правом фланге - первый взвод первой роты, хотя нас всего четверо. Это потому, что с нами в блиндаже никто не может прожить больше недели и всё из-за наших странностей. Поэтому к нам заходят в гости всего на несколько часов. Ловеки, чтобы спрятаться от начальства, оно же состоит в основном из чистюль, причём тех, кто учился во всяких там элитных школах и военных училищах в подземных городах чистых, не затронутых мутациями людей. В подземных городах, чистых и светлых, живут одни только чистюли, у которых нет мутантных генов. Говорят, что у них там не жизнь, а сплошная красота. Всё механизировано и автоматизировано и даже работяги знай себе, нажимают на кнопки. Думать же ни о чём не надо. За них это делают компьютеры, которые мы для них добываем, громя технику пиндосов. Они же воюют с нами дистанционно, с помощью своих боевых машин или посылая в бой евроэсэсовцев на самолётах и вертолётах.

Некоторые чистюли на поверхности без защитных комбинезонов не могут и дня прожить, другие будут покрепче. В общем одни это научная и культурная элита, а вторые офицеры, которые нами командуют, но без той жратвы, которую выращивают для них на чистых фермах, они бы давно уже загнулись. Так что наша главная задача защищать не чистюль, а фермеров - людей, которые балансируют на грани мутации. А также их поля, накрытые маскировочными сетями, и скот. Вот на них-то и охотятся в первую очередь пиндосы, но это у них получается с каждым годом всё хуже и хуже. Летающих мутов становится всё больше и больше, а на земле им даём прикурить мы, жесткие муты и солдаты-ловеки при помощи наших копателей. Пиндосы строят боевые автоматические крепости размером с пятиэтажный дом на гусеничном ходу, а мы их захватываем. Сегодня под вечер мы как раз вернулись из такого рейда. Три недели назад тяжелый воздушный крейсер пиндосов приволок такую громадину, что даже мы, бойцы первой роты, когда её увидели, ахнули.

В высоту она была метров сорок, в ширину все шестьдесят и в

длину под девяносто. Двигалась же эта зараза быстро и что самое гнусное, нацелилась на хозяйство Бондаря, которое кормило чёртову прорву народа, чистюль, ловеков и мутов. Попахать пришлось всему батальону, но нашим копателям удалось прорыть длинный, глубокий тоннель, минёры закачали в него чёрт знает сколько тонн взрывчатой пены и когда рвануло, то крепость оказалась запертой на острове посреди реки. Пиндосы прислали за ней крейсер и вот тут-то пришлось попотеть нам, первому штурмовому взводу, состоящему из трёх с половиной самых здоровенных мутов. Хотя великаном все считают Муню, мы с Бикой тоже не малыши. У него рост два девяносто, а у меня и вовсе три двадцать шесть. Если до этого мы носились по степи среди холмов, как угорелые, показывая пиндосам, что у нас есть здоровенные ракетомёты и что как только они помчатся на полном ходу к хозяйству Бондаря, то мигом получат в корму дюжину ракет, то после того, как образовался остров, нам пришлось попахать всерьёз.

Своими наскоками и меткой стрельбой из двух крупнокалиберных авиационных пулемётов, Муня так тот и вовсе берёт на охоту скорострельную авиационную пушку, он же здоровяк, и лишь Красавчик Биба не расстаётся со снайперкой, калибра двадцать четыре миллиметра, мы не только остановили крепость, но и заставили её вернуться к месту высадки среди холмов, поросших ползучими хищными кустарниками. Они тоже наш враг, но не такой опасный. Когда крепость оказалась отрезанной на острове, пиндосы послали за ней летающий крейсер с двадцатью восьмью лётчиками на борту. Беспилотники к тому времени у крепости закончились и как только он состыковался с ней, Муня выскочил из кустов, которые отравил своим ядом Бика, и зашвырнул меня прямо на к ней на крыло. Вот тут-то я и заорал так, что даже наши парни, которые прятались в тоннелях на другом берегу, потеряли на несколько минут сознание. Четверо еэсэсовцев так и вовсе вроде бы откинули коньки после моей звуковой атаки. Это произошло два дня назад. Сразу после этого прилетели на вертолётах чистюли-лётчики со своими технарями, забрались внутрь и перегнали крейсер вместе с крепостью на какую-то подземную базу.

Нам же пришлось возвращаться к месту дислокации по грязи пешком. Хоть бы транспортом каким обеспечили за такую победу, так не фига. Ну, это потому, что с нами не было нашего комбата. Мы ведь уже третий месяц воюем без него. Не знаю уж что он там и кому сказал, но его куда-то увезли. Вряд ли его отдадут под трибунал, но разжаловать из майоров в лейтенанты могут запросто, он же не чистюля, а обычный ловек. Народ на плацу

галдел и глухо ворчал, что всех снова выгнали на дождь. Маскировочная сеть, под которой мы стояли, нас нисколько не выручала. С неё вдобавок ко всему ещё и капали крупные холодные капли. От них-то я и проснулся на несколько секунд раньше, чем Муня стащил нас обоих со спины и поставил на чавкающую раскисшую грязь. Обстукав ручные ходилки о свои громадные стальные сапоги, он откинул их вверх и выпрямился. Ещё через несколько секунд я понял, почему. Из штабного блиндажа вышли наши офицеры и глаза у всех были до того тоскливые, что мне стало как-то не по себе. На нас явно надвигались крупные неприятности.

Как и мы, офицеры также были одеты в обноски. В основном это были перешитые еэсэсовские боёвки чёрного цвета и изредка камуфляжные. Оружие у нас тоже было по большей части трофейное. Своих-то оружейных заводов у нас нет. Да у нас их вообще никаких не было, если не считать небольших мастерских. Из штабного блиндажа вышло четверо командиров роты, четверо их заместителей и двенадцать командиров взводов, я был вроде тринадцатого, но чисто символически. Наш взвод был ведь самым настоящим недоразумением и являлся таковым только по весу выдаваемой нам кормёжки. Мы весели столько же, сколько весит взвод, состоящий из одних ловеков, две с половиной тонны, и потому кормили нас соответственно. Некоторых вышестоящих офицеров это бесило, но поскольку в бою мы стоили целой роты, то даже самые спесивые чистюли помалкивали. С нынешнего же вечера всё, похоже, было в прошлом, так как впереди всех к нам шагал одетый в новенький полевой мундир щёголь лет двадцати пяти на вид с такой высокомерной рожей, что мне сразу же сделалось очень грустно и захотелось домой.

Офицеры из чистюль почему-то получаются двух видов, вредные зануды, соблюдающие устав от а до я, жуткие поборники дисциплины, помешанные на муштре и проведении занятий, и спесивые придурки, считающие быдлом не только мутов, но и ловеков. Пристально посмотрев на юного хлыща с майорскими погонами на плечах, я сразу же смекнул, что есть ещё одна категория офицеров - уроды, люто ненавидящие мутов и считающие нас скотами. Хотя я и не телепат, как Муня и Бибитиба, кое-что способен чувствовать. Наш новый комбат даже своих офицеров считал быдлом, не способным ни на что, а на ловеков смотрел, как на рабочий скот. Вот от того-то мне и взгрустнулось. Спесивые в нашем батальоне не задерживались надолго и, получив пару орденов, приживались при штабах. Уставники? С ними было не так уж и трудно ужиться, хотя девяносто процентов всех тех знаний, которые они пытались

вбить в наши головы, никому и даром не были нужны. Что толку с того, если я буду знать, что та на треть зараженная радиацией и всякой ядовитой, мутагенной дрянью территория когда-то называлась Россией и у неё была своя история?

Это всё, конечно, любопытно, только мы, муты, родом из Атомного края, лежащего по обе стороны Атомных гор, которые когда-то назывались Уральскими, а я со своими друзьями так и вовсе родом из центра Атомного треугольника, в вершинах которого когда-то находились такие города, как Серов, Омск и Орск. Внутри этого треугольника в первые же недели Гнилой войны взорвалось двадцать семь термоядерных боеголовок, но больше всего их свалилось на город Курган, из-за чего на его месте образовался Фиолетовый кратер. Он-то и стал главным источником того химического мутагена, который запустил не только наследственные мутации у людей, которым от него досталось в микроскопических дозах, но и привело к трансмутации чуть ли не всего живого. Стремительно, за каких-то несколько дней, видоизменялись люди, животные и растения, причём большая часть растений и живности погибла, но процентов тридцать пять выжило. Первыми трансмутировали те люди, животные и растения, которые до этого были заражены генномодифицированными продуктами.

Те же люди, которые не употребляли их в пищу никогда или в ничтожно малых количествах, сумели избежать этой напасти, но не все, а только те, кто находился в укрытиях. В Кургане хранилось на складах кое-что такое, что в результате пяти очень мощных подземных взрывов превратилось в то, что породило в огромном радиоактивном облаке этот самый химический мутаген, но это не единственная гипотеза его происхождения. Старый друг нашей семьи, Профессор, был очевидцем этого взрыва. Как и множество других людей, он ещё дня за три до нанесения удара покинул Курган вместе со всей семьёй. Все двадцать семь ракет рванули одновременно, но самое огромное грибовидное облако поднялось над Курганом и оно каким-то странным, необъяснимым образом всосало в себе все остальные двадцать два радиоактивных облака, после чего на огромной высоте что-то вспыхнуло малиновым светом и разлетелось во все стороны на тысячу триста километров. Так началась та самая жуткая Фиолетовая гроза, которая длилась почти пять часов. Хотя сам я её не видел, благодаря телепатическим способностям Муни и Бибы она хорошо отложилась у меня в памяти. До мельчайших подробностей.

Наступила ночь, но с неба били огромные фиолетовые молнии, ударявшие в землю. Грохотал страшный гром, вниз

сыпалась фиолетовая пыль и всё живое охватил ужас. Только за полночь гроза утихла и сразу после неё начались трансмутации. Некоторые деревья оживали и превращались в хищников, часть людей и животных, словно обратилась в камень, а другие превратились в бескостных слизней и спрутов. Друг на друга первые люди-муты не нападали. Они, как могли, отбивались от деревьев, ставших хищниками и жаждавшими их крови. Многие люди не смотря на то, что сделались из-за пыли, сыпавшейся с неба всю ночь, фиолетовыми, не потеряли человеческого облика. Вот они-то как раз все и умерли через какое-то время. Гнилая война, устроенная пиндосами, на этом закончилась. Они и сами не ожидали, что в результате их превентивного удара по самому крупному, основному военно-промышленному региону России произойдёт такой катаклизм, в результате которого фиолетовая дымка окутает весь мир за каких-то трое суток.

Увидев со спутников, во что в Атомном краю превращаются люди, животные и растения, те, кому было куда прятаться, покинули города, но за пределами области Фиолетовой грозы ничего подобного не происходило. Все эти трое суток дул западный ветер и большая часть фиолетовой пилы осела в Сибири, но в итоге почти вся Россия, Средняя Азия, северо-западный Китай и Монголия подверглись заражению, которое не было радиоактивным. Теперь то тут, то там регулярно появляются очаги и очажки мутаций, но им подвержен куда больше живой, но не растительный мир. Учёные из числа чистых людей и со временем создали препарат против трансмутации, но его нужно пить регулярно, каждые три дня. Некоторым людям это надоедает и они, махнув рукой на всё, отправляются в Атомный край, чтобы им укололи уже другую вакцину, которая сделает их по выбору либо жесткими, либо мягкими мутами. У нас есть одно неоспоримое преимущество перед ловеками. Хотя прошло восемьдесят семь лет, ещё ни один мут не умер от старости. Не страшны нам также никакие болезни, кроме кумулятивного снаряда большого калибра в грудь.

Профессору, когда он, его дочь и двое внуков стали мутами, жена и зять у него умерли через два месяца, уже было шестьдесят два года, а по нему не скажешь, что ему в будущем году стукнет сто пятьдесят лет. Он парень ещё о-го-го, ни одной юбки не пропустит, вот только дети у мутов рождаются редко. Больше двух мало в какой семье встретишь, а тройня это вообще чуть ли не чудо. Наш друг Профессор ничего страшного в этом не видит, да и я тоже. Мутов вообще мало чем можно испугать. Не испугались же мы тогда, когда спустя полгода с юга прилетели пиндосы, чтобы уничтожить нас. Спрятались под землю, а когда

они поняли, что в шевелящихся зарослях никого нет, то стали высаживать десанты. Вот тут-то им всем и настал конец. Здорово тогда зверьё подкормилось, пожирая их трупы, а у первых мутов появилось оружие и боеприпасы.

Через три года пиндосы смекнули, что так никаких солдат не напасёшься и отступили. Россия, за исключением тех районов, которые не подверглись сильному загрязнению, то есть за вычетом Кавказа, областей к западу от Владимира и Тамбова, Колымы, Магаданской области, части Восточной Сибири и Приморья, уже тогда была огорожена по всему периметру стеной двадцатиметровой высоты, но этого пиндосам показалось мало. Хотя за пределами Атомного края никаких трансмутаций не происходило, они решили уничтожит в оставшейся части России всё живое, чтобы мутации не перекинулись на них, будто это заразное заболевание. Захватывая "чистые" земли, они сгоняли с них всех людей вглубь России, а тех, кто пытался сопротивляться или умолял их не делать этого, расстреливали. Привозили в Россию русских и из других "чистых" стран, говоря, что в них уже сидит эта зараза, но не всех, а тех, кто победнее и не имел никаких особых заслуг перед пиндосами и сбежал на Запад, чтобы просто выжить. Так что теперь Москва и Санкт-Петербург давно уже не являются русскими городами, но мне на это плевать, я ведь не русский, я мут.

Всё, что смогли сделать пиндосы за три года войны, это уничтожить в Атомном краю почти всю растительность, включая ожившие деревья, а потому мутам уже через год стала грозить голодная смерть и тогда копателями были прорыты большие транспортные тоннели. Муты обратились к ловекам за помощью и они нам не отказали, а потому, когда на них попёрли китаёсы, то наши прадеды, я ведь мут в четвёртом поколении, врезали им так, что мало никому не покажется. Я не раз слышал, что пиндосы говорят, будто муты людоеды. Брехня это всё. Дохлых китаёсов мы скармливали живым деревьям и прочей живности, так что хоть какая-то польза от них была. Так началась эта бесконечная война, в которой теперь уже евроэсэсовцы, среди которых немало русских с той стороны, пытаются уничтожить чистых людей, ловеков и мутов, но мы все зарылись под землю, накрыли угодья фермеров маскировочными сетями из мутовской паутины, под которыми сверху фиг что увидишь, и помирать не собираемся.

Всё было бы ничего, вот только иной раз чистюли, которые почему-то думают, что на свете нет никого умнее их, донимают. Не было печали, так черти накачали, прислали нам сопляка-комбата, от которого толка, как от козла молока. Последние три года у нас в батальоне вообще не было потерь, но теперь точно

будут и для того, чтобы не гибли нормальные парни, кому-то точно придётся грохнуть этого хлюста, который, пройдя десяток шагов, остановился и смотрел на нас с таким презрением, что меня взяла оторопь и сон, как рукой смахнуло. Откуда только берутся такие уроды? Чёрт, откуда бы он не приехал в наш укрепрайон, всё равно его город был построен под землёй мутами и ловеками в надежде на то, что их учёные смогут хоть в чём-то разобраться. Сейчас на это лично у меня нет совершенно никакой надежды, как нет её и на то, что этот сраный чистюля-барчук не погонит нас в лобовую атаку. Точнее не захочет погнать, так как я его тут же пополам разорву и скормлю какой-нибудь зверюге.

Вот интересно, способен этот холёный офицерик понять, что если больше половины ловеков в армию загоняют силком, то все муты идут на войну добровольно, хотя среди нас потери выше, чем среди них и особенно чистюль. Они же в рейды если и идут, то всегда находятся в хвосте из тоннелей носа не высовывают. Зато на наши плечи взваливается самая трудная и тяжелая работа, а нам ведь тоже помирать, ох, как не хочется. Будь моя на то воля, я бы от Фиолетового озера никуда не уезжал. Это для чистюль и ловеков оно ядовитое, а для меня и моих друзей нет лучше места на свете, чем его оплавленные взрывами берега и воды, похожие на аметист. Ладно, приготовимся выслушать всё, чем нас этот тип намерен обрадовать, а потом начнём думать, что делать дальше. В любом случае ничего хорошего наш батальон точно не ждёт и это единственное, в чём я не сомневался ни единой минуты. Муня и Бика тоже.

Глава 2.Сигнал "Алая заря"

Офицеры во главе с нашим новым комбатом остановились на посыпанной щебнем дорожке между нами и плацем, раскисшим от грязи, на отсыпку которого щебня не хватило. К этому я уже давно привык. Всё самое хорошее чистюлям, а нас можно по два с лишним месяца в гарнизонную баню не водить. Вот такая у Новой России армия. Военный городок нашей бригады это так, одно название. Наш бывший комбат, майор Перебор, называл его деревней хоббитов. Кто такие хоббиты он и сам толком не знал, но был почему-то уверен, что они, как и русские, жили в норах. Так оно и есть. Вот уже пятый год мы воюем во втором штурмовом батальоне двадцать седьмого пехотного полка третьего штурмового корпуса. Ещё наш штурмовой корпус называется казанским. Это потому, что наша главная задача прикрывать Новую Казань. Интересно, почему эту небольшую возвышенность в лесу назвали именно так, ведь руины старой Йошкар-Олы находятся ближе, чем разрушенная бомбёжками Казань?

Наш военный городок тоже находится под землёй, точнее внутри большого холма, поросшего лесом, но там живут офицерские семьи и находятся склады и ремонтные мастерские, а мы ютимся в блиндажах, вырытых вокруг него. К тому же нашему батальону отведён самый незавидный участок - лесная поляна, которая лишь наполовину прикрыта маскировочной сетью. Поэтому треть батальона, точнее солдаты его первой роты, постоянно рискуют попасть под огонь беспилотника пиндосов, но она ведь целиком состоит из мутов, а их даже многим ловекам не жалко. Вот нам и приходится, прежде чем выйти из блиндажа до ветра, вглядываться в небо, только что это всё мёртвому припарки и потому самое лучшее - двигаться быстро, зигзагами и не щёлкать клювом. Вообще-то не всё так плохо. Пиндосы так ещё и не смогли вычислить Новую Казань, а потому не выпустили по нам ещё ни одной тяжелой ракеты, способной зарыться в землю метров на двести и взорваться с огромной силой.

Термоядерных боеголовок они больше не применяют, но их новая взрывчатка не намного слабее. Не применяют они и химического оружия. Боятся, что это приведёт к ещё более опасным мутациям в природе, которая и так балансировала на тонком канате, протянутом над глубокой пропастью. Последние пятьдесят лет они только и делали, что наращивали высоту западной, южной и восточной стен, которые мало того, что уже были высотой в полтора километра, так они ещё и установили на них гигантские вентиляторы, но я не думаю, что это их спасало, хотя как знать, ведь с юга мы и так были отгорожены от остального мира горами, а север он и есть север, там одни льды, где хозяйничают громадные хищники. Там и Муня с Бикой не продержались бы больше двух часов. Зато к югу от севера муты, ловеки и чистюли даже и не думали помирать, хотя пиндосы вместе с еэсэсовцами и прилагали к этому множество усилий. Их самой большой мечтой было перебить нас всех до одного.

Они не могли с нами ничего поделать только потому, что мы зарылись под землю на глубину минимум в десять метров. Наши враги только и могли увидеть из космоса, что небольшие общины, живущие среди руин городов, группки "старьёвщиков", да отрядики охотников и собирателей - рыскающие по лесам. Иногда они засекали из космоса выбравшиеся на поверхность армейские части, но обычно не успевали послать туда свою авиацию. Ещё реже им удавалось засечь фермерские хозяйства. Вот тогда бомбёжки были массированными, но они не оставались безнаказанными. Два, три, а то и все пять самолётов наши зенитчики успевали сбить, да и летающие муты, если облачность этому благоприятствовала, тоже наносили по ним удары.

Еэсэсовцы очень не любят погибать, а пиндосы ещё меньше. Поэтому их самым главным оружием в борьбе против нас вот уже почти семьдесят лет были сначала сверхтяжелые танки с дистанционным управлением, а потом самые настоящие сухопутные крепости.

Для их доставки на нашу территорию были построены огромные воздушные крейсеры-конвертопланы, способные поднимать в небо махины, весящие десять, двенадцать тысяч тонн. За всё время их было сбито всего четыре штуки и вот теперь нашему взводу удалось захватить мало того, что совершенно целёхонькую крепость с практически полным боекомплектом, так ещё и воздушный крейсер. Ну, и что, нас поблагодарили за это? Да ни фига! Наше офицерьё, которое не приблизилось к месту операции и на десть километров, как только она завершилась успехом и трофейный крейсер поволок крепость куда-то на север, сели на тоннельные электроджипы и укатили домой, а нам пришлось рассыпаться по степи и бежать, как угорелым, к лесу. И им плевать на то, что это именно я ещё три года назад предложил майору Перебору устроить такого рода ловушку для сухопутной крепости и когда крейсер намылится перебросить её на другое место, вырубить звуковой атакой его экипаж и захватить сцепку.

Наконец мы это сделали, но вместо того, чтобы дать нам хотя бы отоспаться, ведь мы все две с половиной недели вкалывали, как проклятые, мы вчетвером вместе с семью зенитчиками, прикрывавшими нас, наверху, а все остальные в тоннелях, толкая вагонетки с жидкой, вспенивающейся взрывчаткой, нас выгнали из блиндажей под дождь. Хорошо, что перед этим дали пожрать горячего. Зато наши офицерики, вернувшиеся почти двое суток назад, помылись в бане, вон какие чистенькие, отоспались, отожрались, да и к нам явно вышли из-за стола. От них от всех попахивало водкой, а не самогоном, за распитие которого нас нещадно дрючили. Они стояли метрах в сорока от нас, уже достаточно мокрых и злых, пусть и в потрёпанном, но действительно водоотталкивающем обмундировании, и посмеивались, а мы мало по малу зверели. Очень уж всё это некрасиво выглядело. Муня, который успел немного "прочитать" нового комбата, "слил" мне в голову всю информацию об этом майоре, Станиславе Шереметьеве.

Князь, таким было его прозвище в военном училище, был рыба ещё та, сынок крупной шишки из Новой Москвы. Его папаша был начальником тыла всей подземной армии, так что неудивительно, что его сынок был одет в новенький, с иголочки, полевой хамелеоновый мундир пиндосовского образца, но с нашими нашивками и погонами. Это юное чудо, которому ещё не

исполнилось двадцати четырёх лет, а уже на тебе, майор, мучительно соображало, как бы присвоить себе лавры победителя, но этого не смогли бы сделать даже наши офицерики. Все возможные варианты операции подобного рода мы разрабатывали с майором Перебором, после чего тот отправил диск с планом операции прямиком в генштаб. Может быть именно поэтому его и не было теперь с нами, а когда на холмистом берегу Волги пиндосы сгрузили новейшую крепость, нам приказали её захватить.

Офицерам было сразу приказано поручить разработку операции мне, наблюдать и обеспечивать всем необходимым. Разрабатывать особо было нечего, ведь сухопутная крепость встала как раз напротив хозяйства Бондаря, которое специально для этого "засветили". Пока беспилотники разбирались с минными заграждениями, мы по тоннелям, а до места высадки от нас было всего сто сорок километров, добежали до места и наши копатели сразу же стали рыть тоннель на глубине в девяносто метров, чтобы заполнить его взрывчаткой. Нам же пришлось выбраться наружу, чтобы не дать крепости не только тронуться в путь, но и прижать её поближе к Волге. Для этого нам пришлось несколько раз "нарисоваться" и показать операторам, что у нас имеются ракетомёты со сверхмалыми термоядерными боеголовками. Пускать ракеты с дальней дистанции не имеет никакого смысла, их моментально собьют, а вот если подобраться поближе, метров на пятьсот, тогда от крепости останутся одни только гусеницы.

Чтобы пиндосы в это окончательно поверили, мы шмальнули по ним дважды с приличным недолётом, после чего они целый час гвоздили по нам из всех калибров, но мы уже были под землёй. Зато когда они увидели нас снова, то мигом отогнали крепость за холмы и наши минёры подорвали тоннель, заперев её на острове. Протока получилась мало того, что глубокая, так ещё и широкая, но мы в тот момент тоже были на этом островке. А вот всем нашим ребятам перед взрывом пришлось выбраться наверх. Он был таким мощным, что обрушил тоннели на протяжении трёх километров. Зато весь батальон под шумок смылся и без потерь добрался домой. Нам же, как только операция была успешно завершена, пришлось ещё и перебираться через протоку и мы догнали их только возле леса, а потом пиндосы начали бомбить и брошенное хозяйство, и лес рядом с ним, так что нам пришлось ещё и по самолётам пострелять всем батальоном.

И вот, после двух с половиной недель таких мытарств, мы стоим в темноте под уже почти что проливным дождём и смотрим, как над нами посмеиваются чистое, сытое и слегка

навеселе офицерьё, которое только и мечтает, что об орденах размером с блюдце, да ещё о чистой квартире как минимум в Новой Казани и должности инструктора в военном училище. А ведь наши мечты были совсем иными и мы пошли на эту войну с одной единственной целью, найти способ, как её прекратить. Хотя мои слова, точнее мысли, могут показаться кому-то странными, но так оно и было на самом деле. Мы ведь самые необычные из всех мутов, хотя "нашего полку" уже здорово прибыло, но в любом случае такие, как мы, в ближайшие три года в армии точно не появятся. Они для этого ещё слишком молоды, но уже успели научиться в наших, мутовских военных училищах очень многому. До тех пор, пока всеми делами в армии заправляют чистюли, пиндосы будут вести на нас охоту. Для того, чтобы это изменить, мы и отправились на эту чёртову войну добровольцами.

Нас готовили к ней начиная с пятнадцати лет. Что ни говори, но мы ведь тоже потомственные военные, правда, простые солдаты, хотя я уже старший сержант, да и мои друзья тоже сержанты. На счёт того, у кого образование лучше, у офицериков или у нас, я бы с удовольствием поспорил. Хотя бы потому, что нашим учителем был настоящий профессор, пусть и биолог, но это даже к лучшему, так как мы хорошо разбираемся в природе мутаций. Об этом, как и ещё об очень многом, мы все восемь лет помалкивали. С чистюль хватит и того, что первый штурмовой взвод состоит из самых огромных парней во всей армии, которые умеют хорошо воевать. Всё остальное им знать не нужно. Майор Перебор догадывался, что я обладаю каким-то особенным зрением, но он и понятия не имел, насколько оно особенное, как и не знал, что моё тело представляет из себя очень мощную ходячую электростанцию. Не знал он и о том, что Муня и Бибитиба, наверное, самые мощные телепаты, а Бика химический реактор, способный создавать в двух своих дополнительных желудках чуть ли не любые химические вещества, в том числе и смертельно ядовитые.

Мы стали такими не просто так, а благодаря Профессору, который сумел создать вакцины, управляющие мутациями. Поэтому первым на свет раньше кого-либо появился я и не смотря на то, что меня едва сумели выходить, пять лет пролежать в специальной камере это не шуточки. Зато благодаря мне и моей крови ему удалось создать препараты, благодаря которым теперь уже все супер-муты появлялись на свет жизнеспособными. Хотя, нет, всё это произошло только благодаря Профессору и его уму, а вот хвалёная наука чистюль так ничего и не смогла произвести на свет. Всё, чего они смогли добиться, так это создать целое семейство препаратов, противостоящих мутагену, который

появился в результате уничтожение Кургана. Тогда на высоте двадцати километров образовался внутри термоядерного облака химический реактор, который всосал в себя ещё двадцать два облака и превратил все продукты взрыва в мощный химический мутаген. Вот он-то и покончил со старой Россией и создал новую.

Как и Профессор, я тоже убеждён, что первопричиной были те самые пять термоядерных боеголовок, которые взорвались в Кургане. Все они проникли глубоко под землю и, похоже, что их корпуса были изготовлены из какого-то особого сплава, который вступил в сложную реакцию с другими материалами, хранившимися в городе. В тот день, а это произошло двадцать девятого сентября две тысячи девятнадцатого года, на планете началась новая биологическая эпоха и потому рано или поздно мутирует вся земная биосфера. Мутаген распространился по всей Земле, но только в Атомном треугольнике и поблизости от него произошла тотальная мутация всего живого. Мутировали даже вирусы и микробы. Поэтому я не просто верю, а знаю, что есть способ, как включить процесс мутаций во всей остальной биосфере, причём таких, которые можно будет смело назвать благотворными, то есть ведущими к созданию жизнеспособных форм. Они в том числе могут стать ещё и нашим оружием, но для этого нам нужно узнать, из какого материала или металла были созданы прочные, тугоплавкие корпуса тех пяти боеголовок, а это можно сделать только в том случае, если нам удастся проникнуть в логово пиндосов.

Как это сделать, не знал ни Профессор, ни мы, но, кажется, путь к этому уже наметился. Похоже, что на борту сухопутной крепости имелась роботизированная биохимическая лаборатория. К сожалению я не смог проникнуть внутрь, перегонщики пожаловали очень уж быстро, но она точно там была. Это означало ничто иное, как стремление пиндосов хорошенько изучить нас, мутов. Для чего, гадать не надо, чтобы найти способ, как нас уничтожить ещё одним мутагеном. А вот это была уже совершенно бесперспективная затея. Всё, что не могло выжить, давно уже откинуло в новой природе концы, а обо всём остальном вовремя позаботился Профессор. В нашу задачу входило только одно, хорошенько всё изучить и подготовит условия для заброски к пиндосам нашего агента, такого мягкого мута-телепата, который сможет легко выдать себя за человека, но в то же время ему не составит особого труда превратиться в червя-копателя и скрыться от преследования под землёй. Пока что мы в этом не сильно преуспели.

Единственное, что мы смогли сделать, это изучить чистюль, да ещё выкачать информацию из трёх захваченных в плен

пилотов-еэсэсовцев, но этого было крайне мало. События минувших дней нас очень обрадовали. Если пиндосы стали оснащать свои крепости биохимическими лабораториями, то значит вскоре они начнут засылать к нам десантные отряды, в состав которых будут входить учёные. Раз так, то нам, пожалуй, следует перейти в армии на новую ступеньку, а точнее полностью её перестроить. Для этого нужно будет вытолкать из армии всех чистюль, они для неё балласт, отправить по домам работяг и фермеров, а самим начать воевать с пиндосами и еэсэсовцами всерьёз. Без чистюль и ловеков это будет делать гораздо легче. Вот тогда уже мы сможем совершать рейды глубоко в тыл врага и наносить удары по его военным базам. Хотя у нас не было ни одного спутника и с радиосвязью дела обстоят хреново, кое-какие сюрпризы мы можем им преподнести. Причём такие, что это приведёт их в шок.

Всё это, конечно, замечательно, но мне жутко не понравились мысли Князя. Этому сопляку почему-то взбрело в голову, что между ним и званием героя Новой России стоим мы, а потому он решил спровоцировать нас на скандал и таким образом отдать под трибунал. Что же, это в духе чистюль. Им чуть скажи слово против, так уже всё, ты отказался выполнить приказ командира, а поскольку за такое всё же не расстреливали, то тебе светило года три дисбата, то есть самой настоящей военной каторги. Для мутов строить новые подземные города было плёвое дело, а вот ловеки боялись такого наказания пуще смерти. Странный народ эти ловеки. Они почему-то смотрят на чистюль, как на единственный свет в окошке, хотя если чем и отличаются от них, так это тем, что с нашей помощью в любой момент могут стать мутами, но почему-то боятся этого.

Глумливо посмеявшись над нами издали, офицерики двинулись вперёд. Князь накрыл им в штабном блиндаже шикарный стол, задарил каждому не только по два комплекта новой амуниции, но и по ящику водки и стал для них чуть ли не родным отцом. Они не смогли сделать для нового комбата только одного, так и не смогли дать ему толковой подсказки относительно нас, но этот мозгляк решил, что он и сам сможет прижать нас к ногтю. Муня, который то и дело тягостно вздыхал справа от меня, мысленно сказал:

- Атылка, Князь усёк, что Биба дрыхнет и решил устроить вечернюю поверку. На скандал нарывается, сучёнок.

- Тогда буди его, - шепнул я в ответ, - иначе точно будет скандал. Ты же знаешь, как эти придурки визжат, когда я говорю с ними телепатическим способом.

- Не выйдет, Лют, - вздохнул Муня, - он в полном отрубе.

Это плохо, если Бибитиба отключился, то это минимум на сутки, а то и все двое. Его теперь не разбудить ни телепатически, ни пинками по рёбрам. Тут может помочь только одно, если я заору во всю глотку на двух частотах, но тогда не только всему батальону не поздоровится, но и доброй половине нашего военного городка. Так что я даже и не знал, что делать, но тут Бика весело сказал:

- Лют, ничего не остаётся, как перейти к плану "М".

План "М" означал ничто иное, как мятеж, которым мы должны пригрозить армейскому начальству, если оно в нужный момент откажется передать в наши руки все армейские дела. Угроза мятежа должна была прозвучать из моих уст через три года, когда в армию придёт новое пополнение и в том числе парни и девушки вроде нас. Мы к тому времени должны стать контрактниками. К ним, всё-таки, отношение получше. Поэтому я с опаской спросил:

- Ты думаешь мы готовы, Ир?

- Вполне, - ответил Бика, настоящее имя которого было Ирис, у всех мутов, как правило, цветочные и растительные имена, или взятые из природы, но только не такие, как у чистюль и ловеков, - ты просто никогда не думаешь о том, что в армию первым делом вернутся ветераны. Зациклился, понимаешь, на молодёжи, а всё дело-то как раз и не в ней. Но даже не это главное, Лютик. Нам нужно допросить лётчиков и как следует изучить ту лабораторию, которую ты разглядел внутри крепости, а этим должен заняться Профессор со своими парнями.

Нас прервал комбат, который вышел вперёд и рявкнул:

- Батальон, равняйсь, смирно! Я ваш новый командир, бойцы, а вы тут, как я погляжу, совсем развинтились. Ничего, я быстро приучу вас к порядку. Вашим внешним видом, свиньи, мы займёмся завтра, а сейчас я лично проведу вечернюю поверку. Если кого-то нет в строю, пусть пеняет на себя. Пойдёт под трибунал и я буду требовать высшей меры наказания - расстрела. - батальон шумно засопел, а этот юный, но до безобразия спесивый и наглый придурок направился к нам, встал в десяти метрах, достал из планшета новенький сверхтонкий компьютер и презрительно усмехнулся - Так, что тут у нас за зверинец? Ага, первый взвод первой роты. Вот с него-то мы и начнём. Старший сержант Лютик Бор. - услышав свою фамилию, я молча поднял правую руку и этот хлюст тут же взвился на дыбы - Что ты мне тут машешь руками, белорожая обезьяна? Немедленно отвечай, как положено по уставу - здесь!

В ответ на это я радостно оскалился, а командир первой роты, капитан Нелюбов, тут же истошно завопил:

- Господин майор, пусть он лучше руками машет. У старшего сержанта Бора очень уж голос опасный. Ультразвук с инфразвуком.

Капитан презрительно сплюнул:

- Только таких ублюдков в армии не хватало. Мало того, что имя совершенно идиотское - Лютик, так он ещё и говорить толком не умеет, зато вымахал за три метра. Ладно, с тобой я ещё разберусь, старший сержант. Сержант Мак Вереск.

Муня поднял руку и указал пальцем на спящего Бибитибу, а капитан Нелюбов с угодливой улыбкой пояснил:

- Этот тоже лишен дара нормальной речи, господин майор.

Князь, а это был атлетически сложенный красавчик под два метра ростом, немедленно разразился грубой бранью:

- ...! Он что у тебя там на загривке спит что ли, костяная горилла? Немедленно разбуди этого урода!

Парень явно нарывался. Князь прекрасно знал, что ни один мут даже пальцем не тронет чистюлю и нагло пользовался этим. Ну, что же, сам напросился. Подняв руку, я громко, очень громко, так, что меня наверняка услышали даже в Новой Казани, мысленно сказал:

- Господин майор, прекратите этот балаган. Вам прекрасно известно, что наш батальон только что вернулся из тяжелого рейда и все бойцы смертельно устали. Это, во-первых. Во-вторых, не смейте обзывать нас гориллами, ублюдками и уродами. Мы муты и потому отличаемся от вас, чистокровных людей, которых пиндосы уничтожили бы ещё восемьдесят лет назад, не приди мы к вам на помощь. Сержант Василёк Бор не просто спит. Он вырубился от усталости, так не спал больше двух недель. Поэтому даже мне будет трудновато его пробудить. Лучше не требуйте этого от меня, господин майор.

Моя просьба была подобна кружке бензина, которую плеснули в костёр. Князь по-детски топнул ногой, разбрызгивая грязь, и завизжал на всю округу, словно истеричная баба:

- А мне плевать на то, откуда вы вернулись! Немедленно разбуди этого урода, иначе он у меня пойдёт под трибунал!

- Ладно, мозгляк, ты сам напросился, - телепатически ответил я Князю, - пусть будет по-твоему, я его сейчас разбужу.

Весь батальон, как по команде, совершил стремительный бросок ко мне за спину и Ирис Вереск со скрежещущим хохотом отпрянул назад метров на двадцать, хотя как раз ему-то от моих воплей было ни холодно, ни жарко, а вот капитан Нелюбов испуганно завизжал:

- Нет, Лютик, не надо!

Всё правильно, всё наше офицерьё находилось прямо на

линии акустической атаки. Зато Василёк сделал шаг вперёд и, вздымая чуть ли не волну грязи, с грохотом встал на колени, да ещё и стукнул кулаками по раскисшей от дождей земле, чтобы Красавчик Бибитиба, смог как можно лучше расслышать мои рулады. Князь, забрызганный грязью, злорадно заулыбался. Он считал, что я уже наговорил достаточно, чтобы отправить нас всех в дисбат. Ну-ну, размечтался. Прежде чем начать будить сержанта Мака Вереска, я телепатически рявкнул:

- Муты, подъём! Алая заря, готовность номер ноль! - после чего громко и внятно сказал - Бибитиба, мать твою за ногу, немедленно просыпайся, стервец. Хорош дрыхнуть, сигнал Алая заря.

- А я и не спал к твоему сведению, - мысленно ответил Мак и со смешком добавил, - ох, и долго же ты телился, Лют. Между прочим, я связался с Профессором и он, узнав о лаборатории, дал добро на проведение операции согласно плана "М". В общем сигнал Алая заря уже подтверждён нашим Генеральным штабом. Так что действуй, командир. Поддержка нам теперь будет обеспечена на всех уровнях, но отдуваться за всех придётся именно тебе.

От моей акустической атаки всё наше офицерьё рухнуло мордами в грязь, но она всё же была щадящей и потому никто даже не потерял сознания. Почти все они обосрались. Ничего, будет меньше жрать на ночь. Муня проворно вскочил на ноги и усмехнулся:

- То, что я похож на гориллу, меня нисколько не оскорбляет, что есть то есть. Зато я не обсираюсь, когда меня бьют по ушам инфразвуком. Так, а теперь стоим и ждём, что предпримет командование.

Мы-то остались стоять на плацу, а вот все наши боевые товарищи пришли в движение. Первыми, подхватив титановые раковины копателей, чтобы их гусеницы не вязли в грязи, с плаца умчались муты. По сигналу Алая заря они должны немедленно вооружиться, проверить всё своё снаряжение и быть в полной боевой готовности. Быстро поднялись на ноги и ловеки. Многие так ничего и не поняли, но кое-кто подбежал к нам, чтобы спросить:

- Лют, что это ещё за Алая заря? Неужели муты, наконец, решили вышвырнуть чистоплюев из армии и взяться за пиндосов по-настоящему? Отвечай, Лют, мы же все свои.

- Почему же только чистоплюев? - сказал вместо меня Мак, а я широко улыбнулся, хотя мои улыбки нравились далеко не всем - Все работяги и фермеры тоже отправятся по домам. Поверьте, ребята, так нам будет воевать гораздо легче.

Не все ловеки были с этим согласны.

- Но-но, парни, полегче, - проворчал старший сержант Микола Вершинин, - можно подумать, что это ты у нас мастак по минированию и разминированию. Так что я останусь с вами, чурбанами.

В ответ на это я подумал, а Мак сказал "моим" голосом:

- Хорош болтать, Микола. Парни, разбегайтесь по блиндажам. Сейчас сюда военная полиция примчится. Хотя то, что мы начали, задумано давно, произошло всё спонтанно и вам незачем влезать в эту бучу, которую через несколько минут назовут мятежом.

- И то верно, - согласился Микола, - айда по норам, мужики.

Торопливо направляясь к своему блиндажу, кто-то сказал:

- Вот бы никогда не подумал, что муты на такое способны. Они же всегда без звука терпели всё и ни один даже пальцем не пошевелил, чтобы дать офицерью укорот.

- Это потому, что ты их плохо знаешь, - ответили ему, - а мой батя всегда говорил, что муты ещё покажут всем, на что они способны и что тот, кто считает и тупыми, сам последний дурак. Ну, всё, ребята, дождались. Думаю, что эта ихняя Алая заря скоро так засверкает, что чистоплюи мигом языки в задницу засунут. Ну, всё, мужики, теперь можно точно начинать шить дембельские мундиры. Отвоевались.

Так далеко не заглядывали не то что мы, а даже сам Профессор и его друзья из нашего, мутовского, Генштаба. Офицеры, валявшиеся в грязи, всё это прекрасно слышали. Придя в себя, они не спешили подниматься. С штанами, полными дерьма, стоять ведь не очень приятно. Сигнал Алая заря был слышен километров на двести вокруг и был многократно продублирован множеством других "говорящих" телепатов, а потому все муты России уже были на ногах, если и вовсе не с оружием в руках, но никто даже и не думал выходить из блиндажей укрепрайонов и опорных пунктов, разбросанных по всей стране. О том, что муты готовы к мятежу, в штабе корпуса сообразили мгновенно, как поняли и то, где именно он начался. О моём бинарном боевом голосе были наслышаны очень многие, а потому уже через несколько минут в отдалении послышалось приглушенное рычание двигателей. Это к нам ехали на джипах, квадроциклах и мотоциклах верзилы из военной полиции. Естественно, при всём оружии. Встав на четвереньки, обосравшийся Князь выматерился и прорычал:

- ... Ну, всё, вот теперь вам всем крышка, уроды.

Бика насмешливо проскрежетал:

- Ошибаешься, козёл. Крышка будет тебе, кем бы там не приходился президенту твой папаша. С ним трибунал, но уже

наш, а не ваш, тоже разберётся, с вором поганым.

Нас лихо окружили и взяли на мушку. В военной полиции по большей части служили ловеки, но такие, чьи семьи жили пусть и в самых дальних углах, но всё же в подземных городах. Уже только поэтому от них нечего было ждать доброго слова. В отличие от пиндосов и еэсэсовцев, они отлично знали, как легче всего пришить мута, а потому на нас нацелилось несколько десятков противотанковых гранатомётов с кумулятивными гранатами. Да, но наши товарищи тоже не дремали и темноту дождя на мгновение прорезали лучи лазерных прицелов. Подавляющее большинство мутов обладает нактолопией и не нуждается в приборах ночного видения, которые были надеты на бравых вояк из военной полиции гарнизона. Если нацелить лазерные прицелы вверх, на тучи, то пиндосовские беспилотники-разведчики уже через несколько минут определят координаты военного городка и тогда минут через пятнадцать из космоса прилетят тяжелые ракеты и на месте холма образуется здоровенная воронка. Это было хорошо известно не только мне, но и им, но я всё же мысленно сказал:

- Опустите свои пукалки, придурки. Вам-то ещё повезёт, если у кого-то сдадут нервы и он случайно выстрелит. Вы сдохнете мгновенно, зато все те, кто прячется в верхних норах, помучаются перед смертью и спастись смогут только считанные единицы. Лучше подмойте этих придурков, особенно нашего бывшего нового ротного, князя Тер-Обосранца, а мы сами, своим ходом дойдём до штаба корпуса. Раз уж всё так случилось, то мне в любом случае нужно поговорить с генералом Верзилиным. Вам всё понятно или нужно кого-то шлёпнуть?

Поскольку я снова "говорил" телепатически, то откуда-то сверху сразу же послышались истошные крики:

- Опустить оружие! Пусть муты идут в штаб корпуса сами.

Ловеки уже и сами смекнули, что нас лучше не нервировать и потому принялись суетливо разряжать гранатомёты, а мы направились вверх по склону холма. Честно говоря, я ни разу не входил даже в блиндаж штаба батальона, не говоря уже о штабе корпуса и лишь знал, что он находится на противоположном склоне холма, обвитого в лесистой части словно лентой, автомобильной дорогой. Помимо неё под кронами вековых сосен было также проложено несколько десятков железобетонных лестниц, привезённых сюда из руин ближайших городов. Цемент был в дефиците и потому шел только на заделку швов, но у нас имелось кое-что получше, специальные водорастворимые полимеры, которые даже обычную землю так связывали, что она была прочнее бетона, не говоря уже про гравий. У нас имелось и

многое другое, чем мы не спешили делиться с не только с чистюлями, но и с куда более лояльными по отношению к нам ловеками. Как говорит Профессор, простота хуже воровства и я с ним полностью согласен. От избытка хитрости ещё никто не умирал.

Время хитрить прошло и теперь мне предстоял очень серьёзный и прямой, откровенный разговор сначала с генерал-майором Верзилиным, а потом и с президентом Новой России. Причём в любом случае, поймёт он сразу, что с прежними иллюзиями пора расстаться, или же после того, как ему реально докажут, что муты стали очень серьёзной силой, с которой нужно считаться. В Атомном краю у нас уже имелось почти семьсот пятьдесят тысяч прекрасно вооруженных и отлично экипированных солдат, а также быстрая и манёвренная современная техника. После того, как мы отбросили китаёсов от границ России, муты не пошли на Пекин, хотя и могли это сделать. Мы поступили хитрее, уступили им часть Восточной Сибири, Приморье, Дальний Восток и Камчатку вместе с Чукоткой, но при этом заставили пойти на подписание тайного договора с нами, а не с теми идиотами, которые находились тогда у власти в России. Пусть и не сразу, но мы заставили китаёсов выполнять обещанное.

Вообще-то в те годы, потерпев от нас сокрушительное поражение, китайское руководство ведь ни о чём не думало, когда бросило в бой свыше двухсот пятидесяти дивизий, а наши деды и прадеды, хотя их было в восемь раз меньше, их уничтожили практически полностью, Китай не мог выполнять своих обязательств. Прошло почти пятьдесят лет, прежде чем мы стали получать от китаёсов всё, что нам требовалось, пусть и в ограниченных количествах. Потихоньку, помаленьку, через пень-колоду и гнилую воду, эти поставки начали увеличиваться, но ещё раньше по тайным горным тропам и подземным тоннелям к нам стали приходить люди, у которых началась трансмутация. В первую очередь именно поэтому в Китае так и не был введён закон об обязательном ношении электронных сигнальных устройств и его границы открыты для въезда туристов со всего мира. Помимо Китайской тропы существовала ещё Иранская, по которой также можно было попасть в Россию, если тебя угораздило стать мутом.

Не знаю, хорошо это или плохо, но каждый год трансмутации подвергается до полумиллиона человек, причём в основном мужчин и женщин в возрасте старше сорока пяти лет. В иные годы до двух третей этих людей безжалостно уничтожается и мы ничего не можем с этим поделать. Всех остальных мы принимаем

у себя пусть и не с радостью, на первых порах от них очень много беспокойства и неприятностей, но во всяком случае не сжигаем заживо прямо на улицах. Иногда к нам перелетают даже еэсэсовцы, которые, вдруг, поняли, что завтра или послезавтра всем станет ясно, что они стали мутантами. Их нам особенно трудно выдёргивать из лап армейской контрразведки, в которой, как мне кажется, работают самые тупые идиоты, не способные понять, что телепатия надёжнее любых пыток, а среди мутов телепатов почти пять процентов и есть очень мощные.

Ничего, уже очень скоро всему этому будет положен конец, тем более, что почти все ловеки так или иначе на нашей стороне. Все их мечты о том, что учёные чистюль наконец создадут надёжную вакцину против трансмутации, давно уже лопнули, как мыльный пузырь, но им об этом просто не говорят и потому они готовы верой и правдой служить им. А ведь такая вакцина есть и она создана не учёными чистюль, а нами, мутами, вот только действует эта зараза довольно странно. Антимутаген не даёт ловеку превратиться в мута только до семидесяти пяти лет, а потом либо пускай себе пулю в лоб, либо становись мутом и начинай новую жизнь. Об этом я тоже заявлю во время встречи с президентом. Меня ведь направили в подземную армию не только потому, что я закончил специальную мутовскую разведшколу, но и из-за моего очень громкого "телепатического" голоса, который я обязательно применю, если чистюли не согласятся с нашими доводами и не пойдут на перемены. И вот ведь что самое интересное, чистюли не смогут меня пристрелить, так как на самом деле мы все гораздо крепче, чем это им кажется.

Глава 3. Первый ультиматум

По обе стороны от штабного блиндажа батальона росли две раскидистые, кряжистые столетние сосны, а на его крыше пробивалась сквозь хвою трава. Помимо сосен его укрывала ещё и маскировочная сеть, сплетённая из толстых репшнуров. Они были изготовлены из размягчённых смесью кислот роговых панцирей гора-быков и других панцирных хищников и травоядных. Что у меня, что у Ириса (раз пошел серьёзный разговор, то буду пореже употреблять наши детские прозвища), кожа была не в пример мягче и тоньше, чем у Василька и Мака. У нас даже были потовые железы, но и наши роговые щитки не брала пуля калибра семь девяносто пять, отскакивала, а пуля, выпущенная из крупнокалиберного пулемёта, застревала в них. Да, что ни говори, а по прочности наши щитки превышали лучшие сорта кевлара и зилона пиндосов. Поэтому на первый взгляд было полнейшей глупостью использовать сверхпрочную нить, изготовленную из роговых панцирей и кожи, на маскировочные

сети, но не всё так просто.

Если живая роговая ткань никак не влияла на чистых людей и полумутантов, как следовало бы называть ловеков, но с лёгкой руки Кабана это словечко быстро прижилось у мутов, то после переработки она доставляла им немало беспокойств. Даже просто держать в жилом помещения изделия, изготовленные из неё, уже было небезопасно, а уж надевать на себя что-либо пошитое из такой ткани, так и вовсе чуть ли не самоубийство. Только там, куда никогда не заходили чистые и ловеки, муты носили одежду, пошитую из неё, то есть в городе, раскинувшемся вокруг Фиолетового кратера - нашей столице. Там мало того, что воды озера всё ещё были сильным мутагеном, так и радиоактивность почти в восемьдесят раз выше. Нам-то она ничем не вредила, а вот всех чистых и ловеков запросто могла прикончить.

У наших маскировочных сетей имелось ещё одно преимущество перед любыми другими помимо их невероятной прочности - биосканеры пиндосов моментально показывали, что это мутировавшая трава, причём плотоядная. Поскольку таких мест избегали даже муты, то это всегда сбивало их операторов с толка. Вскоре мы вышли на дорогу, четырежды огибающую большой, почти два километра в поперечнике, пологий холм. Хотя он весь порос вековыми соснами, за которыми тщательно ухаживали, военному городку было ведь уже больше семидесяти лет, дорогу так же накрывала маскировочная сеть. В этом не было ничего удивительного. Плотоядная трава часто росла и в лесу, а потому что на снимках из космоса, сделанных специальными камерами, что при аэрофотосъёмке с беспилотников пиндосы и еэсэсовцы всегда видели одно и то же - холм, поросший лесом, сунуться на который верная смерть для кого угодно. Для вящей убедительности на маскировочных сетях специально раскладывали скелеты животных и это практически всегда срабатывало.

Военный городок, как и все подземные города, был построен мутами. Холм был сложен из известняка, но муты-копатели, имевшие не две, а четыре руки хотя и полностью лишенные костей, но не смотря на это очень сильные, покрытые роговыми пластинами, почти полностью вжав голову, не смотря ни на что похожею на человеческую, в тело, играючи могли пробурить полутора, двухметрового диаметра тоннель даже в мраморе и с несколько большим трудом в граните. Поэтому сланец и известняк они брали играючи. Если работает один копатель, их ещё называют камнеедами, а это ребята крупные, длиной в четыре метра и под тонну весом, то получается малый тоннель, по которому можно ездить на специальном мотоцикле с

электрическим двигателем. Если же тоннель роют сразу четыре мута, то после не большой доработки к вашим услугам будет предоставлен тоннель, имеющий сечение в свету четыре на четыре метра, а если за дело взялось восемь могучих парней, то они очень быстро пророют вам тоннель размером восемь на восемь метров.

Магистральные же тоннели и вовсе имеют в ширину все двадцать пять метров и их проложено уже почти столько же, сколько раньше, до Гнилой войны, было в России автомобильных дорог. Опытные копатели ориентируются под землёй ничуть не хуже, чем я на поверхности, а у меня, между прочим, не голова, а компас, я же вижу электромагнитное поле земли, но и они его тоже видят. Если дорога роется в глинистом грунте, то копатели, тела которых вращаются под землёй, а они, как и я, тоже могут генерировать электрические разряды, так уплотняют и спекают ими грунт, что тоннель получается очень прочный и его стены блестят внутри, словно глазурованная керамика. Никто не знает, почему некоторые люди превратились в червей-копателей, хотя это и неправильное название, но в том числе и благодаря им нам, мутам, удалось выжить, ведь когда нас стали уничтожать, мы были практически безоружны. Многие мелкие животные, мыши, крысы и всякие там белки, тоже превратились в подземных хищников, но крупных среди них нет ни одного и это самое великое благо нового мира. Копатели обладают просто чудовищной силой, даже большей, чем жесткие муты.

Явились копатели также благом и для людей, чистых и ловеков, ведь почти девяносто процентов народа Новой России живёт теперь под землёй и потому пиндосы даже и не догадываются, сколько же нас всего, а численность населения в нашей несчастной стране уже перевалила за сто шестьдесят пять миллионов и уже больше половины, точнее девяносто два миллиона, это муты. Правда, к нам присоединилось немало народа из сопредельных государств, но муты не делятся по национальному признаку. Рано или поздно период трансмутаций закончится и кто его знает, какие способности обретут наши дети и внуки, а может быть и мы сами станем существами, способными к трансформации тела. Такие муты ведь тоже есть, только их пока что очень мало, всего семнадцать душ. Думая об этом под насмешливые замечания моих даже больше, чем друзей, я обогнул холм и стал первым подниматься наверх рядом с лестницей. Меня с моими пятьсот двенадцатью килограммами, она может быть и выдержит, Ира тоже, но под Васильком и Маком точно треснет, как гнилой сучок.

Мы шли не спеша, стараясь не наступать на корни сосен, а

потому постоянно лавируя между ними, но всё равно быстрее вояк из военной полиции. Тем пришлось бежать с полной выкладкой вверх по пологой лестнице. Сбавив темп, мы прошли по склону около километра и поднялись на высоту двух третей холма. Там находился самый верхний ярус подземного городка. В нём были довольно высокие потолки - двенадцать метров и находился не только штаб третьего штурмового корпуса вместе с некоторыми службами, но и жилые помещения для семей высшего комсостава. Ещё там находились лифты, на которых можно было спуститься в самый низ, на двухсотметровую глубину, в мощное бомбоубежище, которое вряд ли защитит кого-либо от пиндосовских тяжелых ракет-кротов.

Мы пришли не к главному входу в подземный бункер похожий в плане на снежинку, над которым возвышалось ещё тридцать метров известняка, а не доходя до него сотню метров. Это была небольшая вертолётная площадка, накрытая маскировочной сетью. Чтобы взлететь с неё, требовалось повалить взрывом шесть деревьев и потому они были заранее заминированы. Поднявшись на вертолётную площадку, мы остановились посередине неё, перед тяжелыми стальными, раздвигающимися воротами. Доблестные воины, сопровождавшие нас и дожидавшиеся наверху, приободрились и даже радостно заулыбались. Ещё бы, все муты остались внизу, а раз так то ничто не мешало им расстрелять нас из гранатомётов. Чтобы они не слишком радовались, я громко сказал:

- Придурки, даже не думайте о своих гранатомётах. Вы не успеете ими воспользоваться. Вторая акустическая атака будет такой, что здесь, наверху, мало кто останется в живых. Поэтому стойте по стойке смирно и ждите, когда вам прикажут разойтись по норам.

Настроение у чуть ли уже не двух взводов военной полиции снова испортилось. Про мои голосовые связки в корпусе были наслышаны, но никто не знал толком, как "громко" я могу орать в двух противоположных диапазонах сразу. От главного входа прибежал связист с полевым телефоном и испуганно протянул мне телефонную трубку:

- Господин генерал на связи, старший сержант Бор.

С сомнением посмотрев на свою руку, она была великовата для трубки, я усмехнулся. Василёк, громко засопев, лёг на живот, а Мак, жестом потребовав трубку, взял её двумя пальцами:

- Господин генерал, с вами говорит вместо старшего сержанта Бора его переводчик, сержант Мак Вереск. Не валяйте дурака, немедленно явитесь на вертолётную площадку, чтобы вступить в переговоры с парламентёром вооруженных сил мутов, но сначала

прикажите своим овчаркам покинуть вершину холма. - секунд через тридцать он бросил трубку связисту - Лют, генерал сейчас явится.

Это уже было неплохо. Хотя бы один чистый сообразил, что муты не шутят. Василёк быстро, но осторожно, чтобы не проломить толстые железобетонный плиты, которые привезли с какого-то аэродрома, поднялся на ноги. Дождь закончился и подул ветерок, но небо было затянуто тучами, хотя облачность сделалась выше. Скорее всего завтра утром выглянет солнце. Было полдесятого вечера и нам всем ужасно хотелось спать. Муня, который сразу же, как только генерал взял в руки трубку телефонного аппарата доисторической конструкции, по моей наводке, я же вижу электрические провода, как молнии в небе, на скорую руку просканировал мысли генерала, всё же решившего выйти к нам из бункера, предупредил меня:

- Лют, ты этого парня колом из армии не вышибешь. И не одного его, между прочим. Думаю, что в нашем Генштабе всё же недооценили чистых. Они, оказывается, все силы бросили на создание оружия возмездия и только поэтому держат нас в чёрном теле. В общем хотят возродить старушку "Сатану" и, как я понял, здорово в этом преуспели. Термоядерные боеголовки у них уже есть. Давай, начинай переговоры, а мы с Бибой свяжемся с Профессором и введём его в курс дела. Похоже, что тебе придётся по ходу не просто корректировать, а перекраивать все планы, разработанные нашими генералами.

Своим открытием Василёк просто убил меня насмерть. До этого дня за все восемь лет и два месяца службы, а точнее мучений, в армии чистых нам ни разу не удалось приблизиться хотя бы на километр ни к одному старшему офицеру, не говоря уже о генералах. Вот так она у них была устроена. Всех офицеров, начиная с подполковника и выше, совершенно не волновало, что творится за пределами их штабов. Для этого у них имелись майоры, через которых они спускали вниз приказы командования. Да мы и майоров видели не часто, пока нашим комбатом не стал майор Перебор. Тот хотя бы интересовался, в каких условиях мы живём и чем питаемся. Таким же образом обстояло дело и со всеми другими нашими коллегами из корпуса военной разведки и поэтому наш Генштаб действовал практически вслепую.

Вот такой вот вышел пердимонокль, как любит говорить Профессор в тех случаях, когда жизнь ставила перед ним трудноразрешимую задачу. Мы хорошо знали, чем живут ловеки, с которыми контактировали по всем вопросам. Знали, что представляют из себя младшие офицеры из разряда чистых людей, но не имели никакого представления о том, что твориться

в их городах и особенно в их властных кругах, хотя кое-какие слухи до нас всё же доходили. В частности мы знали, что чистые и даже ловеки всё-таки иногда слушают радиопередачи пиндосов, призывающие их покончить с мутами и тогда война закончится. Для того, чтобы слушать подрывные пропагандистские изыски пиндосов, мне даже не нужно было иметь радиоприёмник, за который можно было запросто угодить на каторгу. Слушая их передачи, я порой диву давался, до чего же они самоуверенные типы и как беспардонно врут. Наши чистые тоже были не подарок, но их контрразведка всё же свирепствовала, когда дело доходило до пресечения вражеской пропаганды. Так что хоть это немного радовало.

Наконец к нам подъехал на открытом тоннельном электроджипе генерал-майор Верзилин. В отличие от Князя, он был одет в потрёпанный, латанный перелатанный полевой мундир, причём штаны у него были чёрными, солдатскими, а генеральский китель цвета хаки. У меня от такого его прикида и вовсе глаза на лоб полезли. Генералу Верзилину было на вид лет сорок пять. Немного выше среднего роста, кряжистый и широкоплечий, фигурой он был схож со мной и Ирисом. Лицо у него было бледным, он же годами не видел солнца, но вид бодрый, хотя и настороженно-сосредоточенный. Особого страха он не испытывал, но был очень обеспокоен сигналом Алая заря и даже более того, уже знал о том, что муты могут поднять мятеж. Именно это его волновало более всего. Он не знал, насколько всё серьёзно, но подозревал, что их дела плохи. Приказав водителю остановить джип в пятнадцати метрах от нас, он вышел из машины и приказал:

- Всем покинуть уровень "А". Немедленно. Пошевеливайтесь.

Я стоял впереди, позади меня возвышался, опершись на стальные ходилки Василёк с Маком на загривке, а справа от них стоял по стойке смирно Ир. Как только генерал приказал своей шантрапе убраться, мой старый друг Муня немедленно лёг животом на бетон опершись руками на бетон так, как примерный ученик, складывает их на парте, но Красавчик всё равно немного возвышался надо мной. Генерал сделал к нам несколько шагов, отважный, чёрт, я указал рукой на своего переводчика и ещё один сержант Вереск тихо сказал:

- Здравия желаю, господин генерал. Чтобы не создавать вам неудобств, я буду разговаривать с вами устами сержанта Мака Вереска, он мой рупор, - мой переводчик постучал пальцем себя по груди и широко улыбнулся, - позвольте представиться. - коснувшись рукой своей груди, я слегка кивнул - Я майор Лютик Бор, командир разведгруппы корпуса военной разведки армии

Атомного края.

- Какой-какой армии? - усмехнулся генерал - Никогда не слышал ни о какой армии Атомного края, ни тем более о том, что у неё имеется свой собственный корпус разведки, старший сержант Бор.

Слегка повысив голос, я пояснил:

- Той самой армии, генерал, которая была создана сразу же после окончания Гнилой войны, буквально в первые же дни. Эта та армия, которая три года сражалась с пиндосами и не дала им уничтожить мутов. Да, мы понесли потери в той первой войны, но не такие уж большие. Зато мы доказали пиндосам, что своими бомбардировками они ничего не добьются. После этого мы выиграли вторую войну, куда более кровопролитную, но не для нас, а для китайцев, попутно муты пришли на помощь вам, но на первоначальном этапе не в качестве солдат, а для того, чтобы построить для вас подземные убежища и сделали это вовремя. Ещё до того дня, когда пиндосы начали бомбить ваши города. Все минувшие годы мы фактически воевали вместо вас и нам до смерти надоело то, как вы нами командовали и как издевались над нами. Поэтому я уполномочен заявить вам ультиматум, либо вы передаёте командование армией, а также все материальные и технические ресурсы в наши руки, либо воюете дальше сами, без нас и без полумутантов. Ваши сказки про том, что вы вот-вот дадите им вакцину от трансмутаций - злонамеренная ложь. У вас её нет и ваши учёные никогда не смогут её разработать. Зато наши учёные создали её и потому я уже сейчас, хоть сию минуту могу объявить о том, что наша вакцина защитит каждого человека от внезапной трансмутации вплоть до семидесяти пяти лет. После этого вместо того, чтобы умереть, человек может стать мутом и начать новую жизнь. Вот и подумайте сами, генерал, а не стоит ли вам испытать её на себе, чтобы уже никогда не бояться мутагена?

- Я вам не верю, - мрачно сказал генерал, - и никто не поверит, а потому вам никогда не получить доступа к нашим подземным заводам, которые куют для нашей новой армии, в которой уже не будет ни одного мута, оружие победы. Ваш ультиматум отвергнут. Мы никому и никогда не позволим разговаривать с нами языком ультиматумов.

Василёк немедленно подтвердил:

- Атылка, генерал не шутит. Он уже связался с Новой Москвой и ему приказали тянуть время, а если мы предъявим ультиматум, то отвергнуть его и пригрозить нам всеми смертными карами.

Усмехнувшись, я тихо сказал:

- Генерал, если бы не то обстоятельство, что в захваченной нами сухопутной крепости не была обнаружена роботизированная биохимическая лаборатория пиндосов для изучения мутов, мы ждали бы ещё три года, но обстоятельства заставили нас действовать сейчас. Вы надеетесь на оружие возмездия, генерал, но это полнейшая глупость. Ваши ракеты сконструированы в позапрошлом веке, а потому пиндосы, которые уже начали осваивать Луну и Марс, уничтожат их ещё на стартовых позициях. Они видят из космоса на нашей территории всё, что не скрыто под землёй или нашими маскировочными сетями. Ваша непреклонность вызывает уважение, но не более того. Поэтому мы договоримся так, господин генерал. Сигнал Алая заря прозвучал сорок три минуты назад. Через одиннадцать часов двенадцать минут мы покажем вам, как можно заставить пиндосов обрушить свои тяжелые ракеты на какой угодно объект. Для начала это будет просто холм, под которым нет ни одной норы. Ещё через двенадцать часов я хочу продолжить переговоры и, как знать, если у вас найдутся приемлемые аргументы для нас, то, возможно, тон ультиматума будет не просто смягчён. Он вообще не будет вам предъявлен по той причине, что мы просто найдём с вами общий язык. Поймите, генерал, нас, мутов, уже больше, чем вас, и это ваша жизнь зависит от нас, а не наоборот. И вот ещё что, мы смертельно устали. Поэтому будьте добры, прикажите выкатить из этого ангара вертолёт, он у вас всё равно неисправен, обеспечьте нас горячей водой, чтобы мы могли искупаться, и прикажите принести наши топчаны из блиндажа. Заодно у меня будет к вам такая просьба. Пошлите пять небольших грузовиков в старую Йошкар-Олу. Они должны поехать туда по сто сорок седьмому тоннелю и подняться наверх в промзоне, в семнадцатом складе. Он принадлежит старьёвщику Ревеню Грому. У него ваши люди возьмут пять контейнеров. Не волнуйтесь, оружия и взрывчатки там нет. В них лежит наше обмундирование и личные вещи. Поверьте, генерал, через одиннадцать часов девять минут пиндосы сами докажут вам, что нам даже не нужно напрягаться, чтобы уничтожить все ваши подземные города и военные базы, но мы в этом не заинтересованы. Наша единственная задача сделать так, чтобы вы перестали считать себя избранными и, наконец, поняли, что это мы вас спасли от гибели.

Выслушав меня с обмершим от страха сердцем, генерал кивнул:

- Хорошо, майор, я немедленно доложу обо всём командованию. Хотя мне не верится в то, что вы без нас представляете из себя хоть сколько-нибудь серьёзную силу, я

постараюсь убедить генерала Корнилова вступить с вами в переговоры, а там посмотрим.

- Генерал, наша новая армия ненамного меньше вашей нынешней, но она, благодаря поставкам из Китая, вооружена на порядок лучше. Да и наша наука тоже, как мне кажется, опережает вашу. Во всяком случае у нас уже сейчас имеется очень действенное оружие против пиндосов, но и оно вскоре будет значительно усовершенствовано. Поверьте, мы вовсе не намерены любой ценой добиваться окончания войны и не собираемся требовать от них её немедленного прекращения. Они в любом случае никогда не оставят нас в покое, а потому мы намерены разгромить врага и поставить его на колени. Пиндосы ответят за всё, что они сделали в прошлом и делают сейчас.

- Вы действительно мечтаете об этом? - удивлённо спросил генерал Верзилин - Но это же невозможно. Они сильнее нас и единственное, что их сдерживает, это боязнь того, что в результате новых термоядерных взрывов могут снова начаться массовые трансмутации. Хорошо, майор Бор, я прикажу чтобы вертолёт выкатили наружу и создали для вас в этом ангаре хотя бы приемлемые условия. Отдыхайте. Как только командование примет какое-либо решение, вас об этом немедленно известят, но я ещё раз скажу - не верю.

Через десять минут мы уже поливали друг друга горячей водой из шланга, а ещё через полчаса завалились спать и проспали до самого утра. Муты быстро восстанавливают силы, так что мы проснулись бодрыми, но жутко голодными. Контейнеры с нашими вещами уже стояли возле ворот ангара, а вот небольшой вертолёт куда-то укатили, но нас это нисколько не волновало. Вскоре нам привезли наши котелки с завтраком - гречневой кашей с мясом, здоровенный таз с салатом, хлеб, сливочное масло и компот из сухофруктов. Всё, как обычно, но мяса в каше было всё же побольше, чем раньше. В полдень, через час после того, как по наводке нашей разведки пиндосы превратили своими ракетами весьма немаленький холм в здоровенную дымящуюся воронку, примчался генерал Верзилин и взволнованно сказал:

- Господа офицеры, мне приказано немедленно доставить вас в Новую Москву. Путь неблизкий, поэтому вам следует подкрепиться перед дорогой. Сейчас нам принесут обед.

В своих новеньких хамелеоновых полевых мундирах, цвет которых мы специально остановили на хаки, вид у нас был куда лучше, чем прежде, но самое главное, нам троим привезли акустические декодеры. Когда вставляешь их в рот, то они незаметны, если не считать круглых чёрных динамиков в уголках рта. Есть они не мешали, а обед нам подали просто царский, из столовой старшего офицерского состава, а потому я для начала представил генералу, который также был одет в новенький мундир, трёх капитанов Вересков. Василёк, сидевший на топчане перед импровизированным столом, сложенным из контейнеров со столом на голове, тихо сказал:

- Господин генерал, надеюсь вас не смутит то, что мой брат вынужден обедать сидя высоко над вами.

Генерал Борис Верзилин пожал плечами:

- Капитан, это ведь ваш родной брат, а не какая-то там тварь, присосавшаяся к вам. Поэтому ни о чём не беспокойтесь. Господа офицеры, вы позволите предложить вам немного спиртного?

- Будем признательны, - улыбнулся я, - тем более, что у мутов

несколько иное отношение к спиртному. Мы не так сильно пьянеем от него, как чистые люди или полумуты, но зато оно бодрит нас ничуть не хуже кофе, о котором вы все давно уже позабыли.

Нам немедленно подали водки, налив её в стальные стаканы, три из которых были ёмкостью в полтора литра, а четвёртый пятилитровым. Для каждого из нас это было то же самое, что сто грамм для генерала. Выпив ледяной водочки, мы с принялись с аппетитом уплетать борщ со свининой и сметаной, после чего слопали по шикарному куску жареного мяса с картофельным пюре и солёными огурчиками. В этом плане муты мало чем отличаются от людей, но в то же время мы можем есть то, чего обычный человеческий желудок переварить не сможет. После первого генерал спросил:

- Майор, что вы знаете о нашей ракетно-ядерной программе?

Улыбнувшись, я вздохнул:

- Не так уж и много, генерал, но она совершенно несостоятельна. Поймите, пиндосы ушли далеко вперёд в техническом плане, а потому с вашей стороны просто глупо надеяться нанести им хоть какой-то урон с помощью допотопных ракет.

- Да, но мы не хуже вас знаем, что они панически боятся очередного повышения уровня радиации. - возразил генерал - А нашим учёным всё же удалось усовершенствовать пусть и старую, но очень надёжную ракету и она способна долететь до Америки по низкой, настильной траектории. К тому же наши учёные считают, что взрыв термоядерной боеголовки в Канаде приведёт к лавинообразному нарастанию трансмутаций в природе, а полумутов, как вы говорите, в Северной Америке живёт очень много. Больше, чем чистых людей. Если они трансмутируют, то американцам будет уже не до нас.

Махнув рукой, я усмехнулся:

- Генерал, всё это бредни ваших недоучек. Поймите, в этом плане мы впереди вас. Из городов Атомного края выехало, чтобы спрятаться в лесах и степях среди озёр очень много людей, среди которых было немало учёных. Да, больше много народа погибло, но остальные-то выжили и все они живы до сих пор. Даже став мутами они не потеряли своих прежних знаний. У нас нет школ, подобных вашим, но у нас есть такие учителя, которые вкладывают в наши головы знания с помощью телепатии. Поэтому поверьте, среди всех тех мутов, которые все эти годы воевали за вас, не было ни одного дурака и то, что мы молча сносили оскорбления и выполняли самые глупые приказы своих командиров, вовсе не говорит, что муты тупые скоты. Хотя вы

именно так и считаете. Только потому, что пиндосы нанесли колоссальный урон природе Атомного края, а там трансмутации подверглась вся биосфера, мы довольно долгое время зависели от поставок продовольствия ловеков. - улыбнувшись, я пояснил - Так мы зовём полумутантов, людей, которые могут в любой момент начать трансмутировать. Сейчас они этого очень страшатся, но наши учёные уже научились управлять не только процессом трансмутации, но и дальнейшими мутациями. Рано или поздно все люди станут мутами, но в этом нет ничего плохого, ведь трансмутации коснутся всей биосферы Земли и в этом, как это ни странно, виноваты в первую очередь пиндосы, которые начали экспериментировать с генами.

Генерал посуровел и нахмурился:

- Неужели это окончательный диагноз, то есть конец всему?

Василёк вздохнул и тихо сказал:

- Господин генерал, это не конец, а начало новой эры, точнее завершение перехода к ней. Неужели лично вы после того, как вам исполнится лет семьдесят пять или даже восемьдесят, став стариком, откажетесь от возможности пройти через трансмутацию и стать мутом любого из известных на сегодняшний день видов?

Покрутив головой, генерал, вдруг, спросил:

- Господа, вот лично вы, двое неразлучных братьев, неужели вы считаете себя счастливыми людьми?

Красавчик Биба рассмеялся:

- Генерал, мы не видим в этом ничего ужасного. Таких сиамских близнецов, как мы, родилось уже несколько десятков и, представьте себе, это всего лишь промежуточный этап. Поймите, лично мы появились на свет в результате контролируемой мутации только для того, чтобы усилить мощь нашей армии. В любой момент я смогу завершить свой рост, после чего слезу с загривка Василька и стану ещё одним большим жестким мутом, точно таким же, как мой друг и командир белый мут Лютик Бор или мой брат, чёрный мут Ирис Вереск, а мой брат, носивший меня столько лет, станет самым обычным мутом-гигантом. Только с такими солдатами, как мы, наша армия окончательно разгромит пиндосов и мы заставим их заплатить за все наши страдания очень высокую цену. Надеюсь вы не являетесь сторонником идей всепрощения, которые начинают потихоньку завладевать умами чистых людей? Говорят, что некоторые из них готовы простить им всё и вместе с ними уничтожить нас, пока мы не заполонили весь мир. Поверьте, этого не случится никогда. Мы никому не позволим уничтожить себя и не дадим в обиду своих союзников - людей.

Генерал сердито сверкнул глазами:

- Успокойтесь, капитан, я тоже сторонник войны до победного конца. Майор Бор был совершенно прав, когда сказал, что американцы, которых вы называете пиндосами, а вместе с ними европейцы и другие народы, не успокоятся до тех пор, пока не перебьют нас всех и не зальют напалмом всю территорию Новой России. Поэтому, господа офицеры, мы категорически не согласны с требованием мутов передать вам бразды правления нашей армией. Мы будем воевать до полной победы потому, что поступить иначе не можем.

Слегка улыбнувшись, я кивнул:

- Генерал, поверьте, у меня достаточно полномочий для того, чтобы обсудить и этот вопрос. Пожалуй в вопросах, касающихся стратегии, вы преуспели больше, чем наши генералы, хотя среди них немало ветеранов. Наверное потому, что вы, в отличие от них, всё же являетесь наследниками старой военной науки, вот только почему-то цепляетесь за ракеты, которые себя уже изжили.

Генерал Верзилин моментально встрепенулся:

- Возможно, майор. В таком случае скажите, как ещё можно нанести по врагу такой удар, от которого он не сможет оправиться и это даст нам возможность перейти в контрнаступление?

Покрутив головой, я с улыбкой приоткрыл тайну:

- Об этом не беспокойтесь, генерал. Технически мы уже готовы нанести такой удар. В Америку уже сейчас проложено на глубине в полкилометра, а местами даже глубже, три больших транспортных тоннеля. Всего же таких наши копатели прорыли одиннадцать тоннелей, в том числе ведущие в Индию и даже в Африку. Нам только и осталось, что завершить работы над созданием нового мутагена, а на это уйдёт не так уж и много времени, ведь его базовый прототип уже и так прекрасно действует. Поэтому-то мы и требуем от вас избавить армию от балласта в виде большей части младших и старших офицеров, а вот относительно генералитета я пока что ничего не могу вам сказать. Зато я могу официально заявить вам, что полумуты нам в армии не нужны. Стране, если уж речь зашла о нашем совместном будущем, нужны рабочие руки. К сожалению я не был ни в одном из ваших подземных городов. Говорят, что в них чисто, светло, тепло и сухо, зато полумуты живут в чудовищных условиях, но что самое неприятное, все трофеи, которые мы захватываем, словно испаряются. Куда вы все это прячете? Зачем?

Генерал, жестом велев подать десерт, нахмурился:

- Мне тоже не всегда удается это понять, майор. Что правда, то правда и когда мне говорят, что все трофеи идут на создание

оружия возмездия, я почему-то в это не верю.

- Воруют, - усмехнулся Мак, - если бы вы взглянули на того типа, который вчера решил поиздеваться над нами, то сразу всё поняли бы. Одет с иголочки, одарил новеньким обмундированием всех офицеров батальона, да ещё и по ящику водки каждому выставил, лишь присвоить себе все наши заслуги. Надеюсь, господин генерал, нам не нужно доказывать, что это только благодаря нам была захвачена новейшая крепость пиндосов и воздушный крейсер еэсэсовцев. Кстати, вы не скажете нам, куда его отогнали и что с экипажем?

Генерал, пододвигая к себе тарелочку с пудингом, ответил:

- Сцепка спрятана в надёжном месте, господа офицеры. Ещё два с половиной года назад с помощью мутовских маскировочных сетей мы не спеша перекрыли одно озеро, а потом осушили его и возвели над ним купол. Попутно был замаскирован под плотоядный кустарник маршрут подхода. Погода нам благоприятствовала и потому ничто не помешало надёжно спрятать сцепку. Теперь она стоит в большом, отлично замаскированном капонире. Наши лётчики и компьютерщики, перегнавшие сцепку, совершили настоящий подвиг. Кстати, господа, это доказывает, что люди тоже способны на многое такое, чего не смогут сделать муты. Что же касается пленных, то все они отправлены в Новую Москву. Похоже, что вы хотите с ними встретиться? Это можно будет устроить, мы ведь едем туда.

- Не отказались бы, господин генерал, - ответил я, - честно говоря, мы ещё ни разу не видели ни одного живого еэсэсовца. Хотя если честно, то мне очень хочется совсем другого, дать им возможность посмотреть на капитана Василька Вереска.

- Это не еэсэсовцы, а пиндосы, как вы говорите, майор, - улыбнулся генерал и коротко хохотнул, - да я и сам их так называю. Нашим врачам удалось откачать и привести в сознание четверых из них, которых поначалу приняли за умерших из-за вашей акустической атаки, капитан Верес. Они были в коме. Кстати, как вам удаётся, разговаривая со мной, не издавать ни инфра, ни ультразвуки?

- Очень просто, господин генерал, - улыбнулся Василёк, - я просто говорю очень тихо, но этого хватает, чтобы декодер воспроизвёл мои слова. Когда нашей маме сделали инъёкцию, никто даже и не подозревал, что нас родится у неё трое и я вырасту таким большим, да ещё и с луженой глоткой. Зато мне не нужен для ближнего боя пистолет или тесак. Я и без них сумею обойтись.

Генерал снова хохотнул:

- Да, уж, ближний бой. Капитан, когда вы стали будить своего

брата, то меня, словно кипятком ошпарило, хотя я и находился в бункере. Что же, господа офицеры, нам пора отправляться в путь.

Мы вышли из вертолётного ангара. К нему уже подогнали два низких тоннельных грузовика, дно кузовов которых устелили матрацами и накрыли их толстым брезентом, сложенным в четверо. В них даже были предусмотрительно положены контейнеры с сухпайком и поставлены бочки с водой. Кузова были длинные, девятиметровые, так что Василёк с братцем поместились в своём с запасом. Мы положили в их кузов контейнеры забрались в свой, улеглись и грузовики, урча электродвигателями, тронулись с места. Путь действительно был неблизким, ведь Новая Москва была построена под горой Краснояр в недрах Верхнекамской возвышенности и поскольку прямой дороги туда не было, нам предстояло проехать свыше семисот километров.

Глава 4. Новая вводная

Генерал Верзилин к нашей всеобщей радости отправился в Новую Москву не один, а прихватив с собой ещё одиннадцать старших офицеров. Они сели в открытые тоннельные электроджипы, их было четыре. Водителями грузовиков и элетроджипов также были офицеры. Впереди колонны ехал тоннельный грузовик с двадцатью младшими офицерами охраны. Они тоже были чистыми людьми. За все восемь лет службы, это была наша самая большая удача. Мы даже уже и не мечтали, что сумеем заполучить для "допроса" сразу тридцать девять чистюль из шестнадцати подземных городов. Нас они не боялись. Как чистые, так и ловеки прекрасно знали, что среди мутов встречаются телепаты, а они очень приметные. Наши телепаты в принципе похожи на обычных людей, но они ниже ростом, чем все остальные муты и у них очень большие глаза, так что в Васильке и Маке трудно было заподозрить мощных телепатов.

Именно таким мутом с не слишком толстой, кремовой, матовой кожей был Профессор, который после преображения взял себе имя Ясень Гроза. Чуть выше среднего роста, коренастый и плотно сбитый, с почти мягкими роговыми щитками, довольно-таки красивый по словам ловеков, с огромными изумрудными глазами, он был персоной нон грата в городах чистых. Ещё бы, ведь Профессор был не только телепатом, но ещё и очень мощным гипнотизёром и его гипнотическая сила была столь велика, что под воздействием его взгляда пилоты штурмовиков и вертолётов в панике катапультировались. Поэтому даже ловеки наотрез отказывались иметь с ним дело. Вообще-то Ясень и сам признавался, что с их стороны было большой глупостью рассказать чистюлям и ловекам, что он и ему подобные муты

телепаты. Тем самым муты первой волны сильно осложнили себе жизнь.

Таких же мутов, как я, обладающих способностью к "телепатическому вещанию", было намного больше. Взять хотя бы тех же копателей, они все поголовно были "говорунами". Просто у меня была самая мощная "телепатическая глотка", чем часто пользовались офицеры нашего батальона. Мощность же телепатов штука весьма относительная. Телепат должен точно знать, где находится интересующий его объект телепатического сканирования. В общем кого не вижу, того не читаю. Когда генерал засветился передо мной с телефонной трубкой в руках, я сразу навёл на него своих друзей и вдвоём они быстро расчихвостили его мозги. Едва забравшись в грузовик, Василёк с Маком сразу же принялись за работу и вскоре мы узнали, что жизнь в подземных городах не такая уж и приятная. Если у нас и у ловеков была в ходу полная анархия, как мы, так и они жили общинами и все вопросы решали сообща, то у чистых сложилась очень сложная иерархическая система, по сути их общество было кастовым.

На самом верху стояли учёные, хранители и военные, эдакий властный триумвират. До этого дня мы и знать не знали, что существуют хранители, те самые господа, в руках которых хранились ключи от всех "богатств" прошлой эпохи, а они и сейчас были немалыми. В предвоенные годы в России имелась такая организация, как "Росрезерв" и большая часть подземных складов находилась там, докуда враг так никогда и не дошел, оказалась в их руках. Когда пиндосы развязали Гнилую войну, эти склады практически не пострадали. Когда же они стали нас уничтожать, хранители прибрали к своим рукам ещё и все подземные военные заводы и принялись завозить туда всё то оборудование, которое только имелось в стране. Вот теперь мне стало понятно, откуда на "свет Божий" появлялись автоматы, пулемёты и патроны древнего образца. Оказывается кое-какая промышленность у чистых всё же имелась, но мы об этом ничего не знали.

Зато мы знали всегда, что почти сто лет назад, когда вконец проворовавшееся правительство и президент России легли под НАТО, в те годы, когда страна развалилась на части и образовалась Уральская Народная Республика, в которой верховодили откровенные бандиты и национал-коммунисты, решившие дать вооруженный отпор западу и начавшие изображать из себя грозную военную силу, готовясь к войне с применением термоядерного оружия с нашими врагами, "Росрезерв", генералитет, а вместе с ними МЧС наложили лапу

как раз именно на всё, что было надежно укрыто под землёй. За все семь лет, что УНР бряцала несуществующим термоядерным мечом, она только и смогла сделать, что силой присоединить к себе Независимую Республику Поволжья и в Екатеринбурге, куда перевезли из Воткинска часть оборудования и последних специалистов, начались работы по строительству межконтинентальных ракет "Тополь".

Все знали, что рано или поздно НАТО нанесет удар по Уральской Республике и что он будет термоядерным. Границы тогда были полностью прозрачными, точнее не было никаких границ, и народ кочевал, куда мог и куда хотел. Ура-патриотов, возмущённых тем, что все области, лежащие западнее Волги, были без малого чуть ли не оккупированы натовскими войсками, что было названо защитой российской демократии, насчитывалось немало и все они собрались в УНР. А потом натовцы стремительно покинули Российскую Демократическую Республику и народ ринулся в антирадиационные убежища, которых было построено немало в том числе и в Поволжье. Имелись они и в Уральской Республике, но в гораздо меньшем количестве. У нас все силы и средства были брошены на создание ракетно-ядерного щита, а на самом деле просто разворованы и проданы Китаю и Индии. Пиндосы об этом прекрасно знали, но всё же нанесли по УНР мощнейший термоядерный удар. Вот потому-то эту войну мы и называем Гнилой. Она именно такой и была. Ничего более подлого и бесчеловечного на мой1 взгляд придумать уже нельзя.

Ракеты с термоядерными боеголовками поразили практически брошенные города и потому пиндосы очень сильно просчитались, так как мутами стало очень много людей, но не в этом дело и не о том сейчас речь. В результате почти тридцать пять миллионов человек, среди которых практически не было ни рабочих, ни крестьян, укрылись под землёй и стали заложниками хранителей, учёных и военных, причём военными были как раз не те офицеры и генералы, которые вместе с руководством "Росрезерва" и МЧС сделались хранителями. Каста военных сложилась из сотрудников спецслужб и полиции, то есть из всех тех держиморд, которые ради спасения своей собственной шкуры и своих семей были готовы уничтожить кого угодно. Предвоенная истерия, связанная с распадом России, длилась недолго. Люди за пределами Уральской Республики быстро поняли, что Запад их не примет, более того, русских стали депортировать на историческую родину чуть ли не отовсюду, а потому, собрав всю свою волю и силы в кулак, стали готовиться к тому, что на их головы вот-вот посыплется радиоактивный пепел и они вскоре

умрут от лучевой болезни.

Подготовились же они, надо сказать, неплохо, но построили за эти семь лет под Валдайской, Среднерусской и Приволжской возвышенностями не капитальные подземные города, а как раз именно антирадиационные убежища, но такие, что в них можно было пережить и бомбардировки. Натовцы пытались этому помешать, говоря, что они не станут уничтожать Уральскую Республику ракетами с термоядерными боеголовками, но им, к счастью, не поверили. Рабочие, строившие эти убежища, а также члены их семей и весь обслуживающий персонал в итоге составил более половины населения убежищ, но после Гнилой войны, когда весь мир пришел в ужас, увидев, во что превратились благодаря мутагену люди, животные и растительность, причём с потрясающей воображение скоростью, а вместе с ними хозяева убежищ и складов и их сатрапы чуть ли не в одночасье стали невольными заложниками учёных.

Учёная братия не оплошала. Перед этим практически во всех странах Западной Европы и Северной Америки стремились избавиться от всех тех русских, кто не входил в число ворья, продававшего украденное в России направо и налево. Среди них было немало учёных, которым было разрешено не только продать своё имущество, но и купить всё то, что они захотят. Запад явно решил поставить над Россией эксперимент и посмотреть, смогут ли русские выжить после того, как страна, развалившаяся на части, будет биться в агонии ещё и после того, как термоядерные боеголовки взорвутся в Атомном треугольнике. В военном отношении Россия после распада уже не представляла из себя для Запада никакой угрозы. Устраивать тотальную термоядерную бомбардировку западу было не с руки, радиоактивные осадки могли достичь берегов Америки и Европы, а превратить в умерено радиоактивную пустыню Атомный треугольник они сочли возможным, тем более, что в нем собралось свыше пятидесяти миллионов человек и речь шла об очередном геноциде русского народа.

Учёные начали работу над созданием нового поколения медицинских препаратов, спасающих человека от радиации ещё задолго до начала Гнилой войны. Когда люди всей планеты увидели, как на теле Земли появился фиолетовый Атомный край, овоид, протянувшийся от Уфы на сотню километров дальше Омска с запада на восток и от Североуральска за Орск, до границы с Казахстаном и им было неизвестно с какой целью показано, во что превращается там всё живое, то все пришли в ужас и тут же стали требовать, чтобы мутанты были немедленно истреблены. Я думаю, что пиндосы специально создали

генетическое ОМП, которой мы уже разработали и теперь хотим довести до полного совершенства. Повсюду, во всех научных лабораторий и на крохотных фармацевтических производствах, которые были спрятаны под землёй, началась работа. Чистюли-учёные сразу поняли, что за пределами образовавшегося Атомного края, который они называли Кругом, а он был отчётливо виден из космоса, трансмутации практически не происходят уже в двух, трёх километрах от его границ.

Тот фиолетовый мутаген, который образовался в атмосфере, не смотря на то, что его частички имели размер в полторы тысячи микрон, легко задерживала обычная ватно-марлевая повязка, не говоря уже об угольных фильтрах подземных убежищ. Поэтому все те люди, которые укрылись в них, не были им заражены. В этом плане им повезло даже больше, чем пингвинам Антарктиды. Зато русские ученые начали исследовать его намного раньше других и уже очень скоро нашли, как от него защититься, а чуть позднее нашли способ, как ему противостоять. Защитного костюма, пошитого из самой обычной хлопчатобумажной ткани, надетого поверх ОЗК, вполне хватало, а потому уже буквально через полгода в подземных и полуподземных убежищах началось производство антидота от мутагена, который очень быстро превратился в своего рода валюту. Не хочешь становиться мутантом? Меняй свои продукты на наш антидот.

Практически любая кислота, даже весьма слабая, дезактивировала мутаген, но не всё было так просто. Он имел способность к "самолечению" и потому те препараты, которые на что только не меняли чистые люди, нужно было применять каждые три дня, что, однако, как это выяснилось спустя годы, не давало стопроцентной гарантии. Так в зависимость к ученым попали с одной стороны хозяева жизни и их цепные псы вместе с простыми работягами, а с другой ловеки. Мы же в это время воевали, причем довольно успешно, с пиндосами. В ходе этой войны, которую они назвали Первой войной с мутантами погибли почти все дети в возрасте до десяти лет, успешно пережившие стремительный процесс трансмутации. В основном умерли от голода, так как не могли есть то, чем питались более взрослые муты - падалью, но никакого каннибализма среди мутов не было.

Хотя с тех дней прошло уже очень много времени, их гибель до сих пор является самой саднящей раной для мутов первого поколения, да и нас не обошла стороной их боль. Не смотря на то, что практически весь мир знал о том, что это именно пиндосы произвели ничем не спровоцированные пуски ракет по Уральской Республики, эти твари выкрутились. Более того, они объявили, что это руководство УНР подорвало в своих городах

термоядерные заряды, чтобы создать таким образом мутаген и превратить своё население в хищных и безжалостных мутантов-людоедов. Пиндосы просчитались только в одном, они опоздали с началом бомбардировок. Если бы они принялись бомбить Атомный край сразу, то смогли бы уничтожить всех мутов, но за те сорок три дня мира после преображения, в нём изменилось буквально всё. Муты даже успели вернуться в покинутые города.

Как только пиндосы поняли, что за пределами Фиолетовой Зоны мутации не происходят, началась Первая война с мутантами. К тому времени нас насчитывалось двадцать три миллиона. Это были очень горестные дни, ведь почти шестьдесят процентов людей умерло в процессе трансмутации. Во всей остальной природе процент выживания был ещё меньше, а через сорок три дня на Атомный край посыпались ракеты. Правда, уже весьма скоро они закончились и пиндосам пришлось послать в бой свою стратегическую авиацию, но лётчики-муты с нею быстро покончили. Поднимая в воздух всё, что только можно, они шли в воздухе на таран и в самый последний момент катапультировались, а потому уже через три месяца пиндосы лишились всей своей дальней авиации и были вынуждены начать воевать с нами посылая в бой вертолёты и штурмовики, а также стрелять по нам из дальнобойных орудий и пускать ракеты среднего радиуса действия.

К этому времени они уже выяснили, что зона опасного, как они считали, заражения простирается на четыре тысячи километров, но это не так. Хотя в этой зоне выпало раз в десять больше мутагена, чем на всей остальной территории, что на Зараженной Территории, что в Новой Зеландии, где никто из мутов Атомного края никогда не был, риск внезапной трансмутации одинаковый. Тем не менее, определив границы Зараженной Территории, пиндосы и еэсэсовцы оккупировали территорию России к западу от тридцать восьмого меридиана от Двинской губы до Ельца, а от руин этого города Стена идет до бывшего Волгограда и дальше вниз по правому берегу Волги до Каспийского моря. Всех русских людей, живших к западу от этой границы, либо вытеснили на Зараженную Территорию, либо убили. Теперь эти земли принадлежат вместе со всем Северным Кавказом Европейскому Союзу, нашему непримиримому врагу.

Сделано это было нагло и бесцеремонно. Русских же при этом объявили главными виновниками взрывообразной трансмутации, приравняли к диким животным и решили уничтожить всех до единого. В живых пиндосы оставили только тех, кто своими действиями фактически сначала до предела ослабил страну, а в конечном итоге уничтожил её. Жаль, что все они давно уже

передохли и лично я сторонник того, чтобы на внуках и правнуках предателей их род окончательно пресёкся. Главной задачей пиндосов и примкнувших к ним еэсэсовцев было всё же уничтожение мутов, а потому на ловеков и тем более чистых людей они пока что не обращали никакого внимания. За пределами же Атомного края никаких трансмутаций в то время не происходило и что характерно, мутировавшие животные и растения туда и носа не высовывали. Вот им-то досталось больше кого-либо. Муты что, они сразу же спрятались под землёй, как всякая землеройная мелочь.

Три с лишним года, а если уж быть точным до конца, то все пять, ловеки и чистые люди были предоставлены самим себе. Муты очень быстро поняли, что чистая пища ничем им не вредит и уже в первые же месяцы копатели стали рыть транспортные тоннели на восток и на запад, где ещё стояли целыми и невредимыми города, которые ловеки покинули практически сразу же после того, как пиндосы начали с нами войну. Прорыли наши предки их и к тем местам, где на поверхность высовывали нос чистые люди. По наводке ловеков, когда те поняли, что путём специальной обработки мутаген в продуктах питания можно дезактивировать с высокой степенью надежности. Поняв же это, чистые люди наладили обмен своих препаратов на зерно, овощи, фрукты и мясо. Так большие желтые таблетки заменили собой деньги. Ловеки первыми сообразили, что пиндосы, уничтожив нас, на этом не остановятся, а то, что они сразу же стали возводить стену, причём с самых первых дней это было циклопическое сооружение, их убеждало в этом самым наглядным образом.

Они, конечно, были в шоке, когда увидели первых жестких мутов, но, услышав человеческую речь и увидев в руках парламентёров пулемёты, согласились на переговоры. Наши предки к тому времени закапывались в землю всё глубже и глубже. Копателей, к счастью, у нас хватало для того, чтобы строить надёжные бомбоубежища. Наше предложение, строить надёжные убежища под холмами и тоннели в качестве самых безопасных дорог, их соединявшие, в обмен на поставки продовольствия, понравилось в первую очередь ловекам. Вскоре и чистые пошли на сотрудничество с нами, но весьма своеобразное, точнее они попросту заняли по отношению к нам совершенно грабительскую позицию и за имеющиеся у них в большом количестве дизель-генераторы, драли с нас даже не по семь, а по все семьдесят шкур. Хорошо, что с автомобилями у нас на первых порах особых проблем не было. Все они, за исключением большегрузных, были ещё в первые недели спрятаны под землю.

Побеспокоились наши предки и о том, чтобы сохранить сельхозтехнику.

К тому времени, когда пиндосы поняли, что войну с мутами они проиграли, города и подземные деревни строились не только к западу, но и к востоку от Атомного края. Последнее предопределило неудачу Китая. Китайские танковые и мотопехотные дивизии были встречены на русской земле так, что это привело в ужас весь мир, что неудивительно, ведь муты к тому времени уже успели заматереть. Миллионы китайцев легли в землю Атомного края и превратились в удобрения для жалких остатков нашей флоры и фауны. Надо сказать, что наша флора хотя и имеет зелёный цвет благодаря хлорофиллу, всё же в своём подавляющем большинстве плотоядная, а многие растения так ещё и двигаются. Пиндосы нанесли ей просто колоссальный урон и природа Атомного края не восстановилась до сих пор, хотя уже прошло больше восьмидесяти лет. Профессор говорит, что только лет через двести, если мы не приложим к этому усилия, Атомный край снова станет зелёным, вот только отнюдь не безопасным.

С того момента, когда после того, как китаёсам в ходе двухлетней войны было нанесено сокрушительное поражение, не прошло и полугода, как пиндосы и еэсэсовцы возобновили войну, но уже на качественно новой основе и принялись методично, один за другим уничтожать все города на территории Новой России. Делалось это сначала с помощью одних только ракет, но потом они снова пустили в ход стратосферные бомбардировщики. К счастью это была уже вялотекущая война с довольно частыми паузами продолжительностью от пары недель до трёх-четырёх месяцев. Единственный город и единственный объект, который пиндосы так и не решились уничтожить, это Балаково и Балаковская атомная электростанция. Ценой титанических усилий людей, ловеков и мутов она работает и по сию пору, что приводит пиндосов в дикое бешенство. Только благодаря этой АЭС мы все не влачим жалкое существование.

Города чистых людей для нас закрыты и мы до сегодняшнего дня не знали о них практически ничего, ведь те двенадцать с половиной тысяч человек, которые живут в Балаково и его окрестностях, с ними практически не общаются. Они все муты и для чистюль давно уже отрезанный ломоть. Свыше семидесяти лет мы строили и расширяли для них подземные города, но даже это не сблизило их с нами. По сути они для нас точно такие же враги, как и жители внешнего мира, вот только те, становясь мутами, хотя бы начинают понимать, что именно сделали со всем миром пиндосы и во что его превратили. Не скажу, что я так уж недоволен своей жизнью, но мне всё же куда больше хотелось бы

быть обычным человеком. Хотя бы потому, что тогда нас не ненавидели бы чистые люди и не считали нас уродами.

Теперь возврата к прежней жизни нет, всё изменится только тогда, когда все люди станут мутами. И вся природа изменится точно также, как изменились мы. Только тогда, когда на Земле закончится эта бесконечная Гнилая война, развязанная пиндосами не только против нас, но и всех остальных людей. Правда, добрая половина пиндосов, если не больше, а вместе с ними процентов тридцать еэсэсовцев и их ближайших сподвижников пойдут на удобрения. Всем же остальным придется узнать, что такое настоящий ад. Легко они не отделаются и пусть даже не мечтают о том, что кто-то из мутов станет их жалеть. Мы то уже знаем, как нужно выживать в изменившемся мире, а вот им придётся на первых порах не сладко, но это будет вполне закономерным итого, ведь благодаря им число людей на планете сократилось на два с лишним миллиарда человек и большую часть этих людей они попросту уморили голодом.

Зато теперь пиндосы добились своего. На Земле цветёт и пахнет золотой миллиард с его бриллиантовыми ста пятьюдесятью миллионами высших существ, а все остальные люди обслуживают их интересы. Вот такая на Земле получилась демократия со всеми её свободами и прелестями, но и в подземных городах дело обстояло не намного лучше. У нас в Атомном крае всё делится поровну и если кто-то имеет больше, то он и вкалывает дольше, но зато прожиточный минимум такой, что никто не скажет, будто он живёт впроголодь. Ловеки живут несколько иначе. Среди них есть бедные и богатые. Тут, уж, кому как повезло, но и у них всё по справедливости. Не хочешь вкалывать на плантациях, спрятанных под маскировочными сетями - становись старьёвщиком и отправляйся в руины, разбирать завалы и добывать металлы, железобетонные блоки и всё, что можно пустить в дело. Работа эта хотя и тяжелая, умереть с голода точно не даст.

Только теперь, по пути из военного городка в Новую Москву я узнал, что в подземных городах народ живёт весьма своеобразно. Там все люди разбиты на двенадцать классов и их жизнь расписана от а до я раз и навсегда. Раньше я как-то не придавал этому значения, зато теперь узнал, что на самом верху у чистюль стоят учёные, они все относятся к первому классу. Затем идут хранители, это второй общественный класс, состоящий из потомков того ворья, которое подгребло под себя последние не разворованные крохи. Третий класс это высший командный состав подземной армии. По уровню жизни три первых класса ничем не отличались друг от друга, но при этом жили порознь и

чуть ли не враждовали друг с другом.

Учёный довольно быстро подчинили себе хозяев подземных складов и генералитет, но всей полнотой власти не обладали. Более того, президентом Новой России они сами сделали военного. За минувшие годы они достигли многого, но не сделали одного, так и не нашли панацеи, спасающей людей и ловеков от мутаций. Зато они постоянно говорили, что вот-вот наступит тот день, когда они смогут осчастливить всех и тогда у них появится самый главный козырь для переговоров с Западом. К счастью они понимали, что уничтожить мутов невозможно, а потому и нас также записали в свои козыри. Межконтинентальную ракету "Сатана" они тоже считали козырем, хотя это было не так. В любом случае они хотели только одного, прекращения войны и тут наши интересы были полностью противоположными, так как мы ни о чём, кроме полной и окончательной победы не думали.

У вы, но иного выбора у нас нет. Начавшийся процесс трансмутации биосферы необратим и его уже невозможно остановить. Единственное, что можно сделать, это взять его под контроль, к чему наши учёные уже подошли вплотную. Однако, позиция большей части генералов была всё же куда более жесткой. Они понимали, что если не будут обладать силой, способной нанести врагу существенный урон, то ни о каком мире не стоит даже и мечтать. Понимали они и то, что учёные явно лукавят, если не откровенно врут и потому относительно того, что ракета сможет полететь, у них имелись сомнения, хотя испытания ракетных двигателей прошли успешно. У ракетчиков были большие проблемы с ракетным топливом и они это знали. Куда большие надежды они возлагали на то, что копатели смогут прорыть тоннель в Западную Европу, желательно в Швейцарию, одно из пяти мест на Земле, где, отгородившись от всех, жили хозяева нового мира.

Хранители в свою очередь не доверяли ни военным, ни учёным. Они стремились только к одному, подгрести под себя каждую гайку, чтобы не потерять свою власть и это у них пока что получалось. Все трофеи, которые мы добывали в боях, и даже весь металлолом, который в виде осколков разлетался после взрывов ракет пиндосов, тут же оседали на их складах. Таковы были три правящих класса. Помимо них ближе к верхушке стояло ещё четыре класса: офицеры среднего звена - полковники, подполковники и весьма немногие штабные майоры, инженеры и техники, врачи и учителя. Эти четыре класса, а также все классы ниже них, были выключены из подземной политики. Они просто верой и правдой служили трём правящим классам, чтобы не

утерять достигнутого общественного положения.

Ниже них по своему положению были младшие офицеры, предел мечтаний которых было звание майора и должность командира батальона, мало что дающая. Затем следовали квалифицированные рабочие, как я понял, старательные, покорные и никогда не задающие вопросов. Следующий класс - обслуживающий персонал, был последним из так называемых привилегированных классов подземного общества и к тому довольно многочисленным, так как ниже них находились неквалифицированные рабочие и так называемые иждивенцы, обитатели подземного дна, по сути не способные ни на что, кроме порождение на свет новых детей. Внутри каждого класса, кроме иждивенцев, имелась своя собственная полиция, полностью подчиняющаяся военным, которая, как я понял, держала всё подземное общество в кулаке так, что никто не смел даже пикнуть. Свободными были только три высших класса, а все остальные подчинялись им во всём.

Имелась у людей низших классов хоть какая-то возможность подняться наверх хотя бы на три, четыре класса я так и не понял, но зато теперь знал, что три высших класса практически герметичны и даже в жены себе молодой парень мог взять либо девушку, происходящую из его класса, либо из близкого по положению, но и на это смотрели косо. А ещё генерал Вершинин был весьма доволен тем, что в подземных городах никто не голодал, все были одеты и обуты, места хватало даже с избытком, вот только рабочих рук не хватало и он склонялся к мысли, что под землю нужно пускать больше ловеков, а не воздвигать на их пути непреодолимые барьеры. Тем более, что для их расселения места имелись, а перчатки и маски надёжно защищали чистых людей от мутагена, с чем можно вполне смириться, но против этого возражали практически все жители подземных городов. Они боялись заразиться и стать мутантами, хотя это была полнейшая ахинея и чушь, но с этим были вынуждены считаться даже генералы.

Генерал, узнав о том, что муты уже создали вакцину, защищающую людей и ловеков от внезапных мутаций, они время от времени происходили на поверхности среди ловеков, но ещё ни один из чистых не превратился в монстра, что они также считали своим козырем, тут же начал действовать. Он немедленно связался с министром обороны и несколькими крупными военными чинами и сначала мы должны были встретиться с ними. Больше всего генерала Верзилина интересовало только одно, сможем ли мы наглядно и убедительно доказать, что такая вакцина существует. Мак, пока

мы ехали, постоянно транслировал всю ту информацию, которую извлекал из голов чистых Василёк, в Фиолетовый кратер, столицу Атомного края и потому наше руководство, подумав, попросило нас подготовиться к завершающей трансмутации, для чего отправило в путь нескольких специалистов, а также двоих телепатов из числа стариков. Мне же предстояло убедить министра обороны Новой России в том, что только они смогут извлечь всю информацию из пленных.

Обычно нам в этом отказывали, но на этот раз всё должно пойти по совсем другому сценарию. В жизни Василька и Мака должны были наступить огромные перемены. Им, наконец, предстояло расстаться друг с другом, причём без какой-либо хирургической операции. Профессор и его друзья, муты-учёные, ещё семь лет назад создали такой мутаген, который должен будет их довольно основательно видоизменить. Точно такая же трансмутация предстояла и мне. Как ни крути, но я ведь был полуфабрикатом и далеко не всё из того, что задумал Профессор, ему удалось воплотить во мне. То, что меня выходили, он и сам считал чудом, зато именно благодаря мне, точнее тем препаратам, которые были изготовлены из крови тогда всего ещё младенца ростом почти в полтора метра, спасло жизнь моим лучшим друзьям, но что самое главное, был создан такой мутаген, благодаря которому на свет стали появляться большие муты и муты-гиганты.

Да, мы были генетическими солдатами и нас породили на свет в первую очередь, как оружие против пиндосов. Мы знали это с самого раннего возраста и всегда были горды тем, что это именно на нас возлагались все надежды. Что же, ни о чём ином, как оправдать их, мы никогда не мечтали. Проф говорит, что после трансмутации мы трое станем очень похожи на людей с загорелыми телами и мягкой на ощупь кожей, которая скроет наши защитные роговые щитки. У нас будут даже настоящие волосы на голове, пусть несколько жесткие на вид и потолще конского. Вот только стричься нам, похоже, не придётся, так как вряд ли найдутся ножницы, способные их срезать.

Самые большие изменения ждали всё-таки Василька. Он станет парнем почти шестиметрового роста, точно таким же, как и те три девушки, с которыми наш друг познакомился во время отпуска в Фиолетовом кратере, а они нисколько не походили на самок горилл. Высокие, стройные и гибкие, они были к тому же ещё и красавицами, не говоря о том, что мечтали как можно скорее вступить в бой с пиндосами и еэсэсовцами. Мутов-гигантов родилось ещё не так уж и много, всего семь с половиной тысяч, но немедленно в строй могли встать не более трёхсот таких

солдат, которым сам чёрт не страшен. Зато больших мутов уже набиралось целых пять дивизий, но я не думаю, что нам придётся громить армии врага. Профессор, а вместе с ним наш министр обороны и верховный главнокомандующий генерал Клён Ветер, думали об этом, но я предложил им сначала попытаться реализовать наш план, хитрый, очень коварный и куда более жестокий по отношению к врагу. Они с ним согласились.

Поэтому, чем ближе мы были к Новой Москве, тем большее волнение меня охватывало. Нам нужно было во что бы то ни стало сначала перехитрить чистых и сделать это с таким расчётом, чтобы впоследствии они не смогли поднять хай. У них имелась своя корысть в жизни, а мы думали только о том, как завершить преображение всей биосферы на планете. Другого выбора у нас не было по той причине, что пиндосы, уничтожив Уральскую Республику, таким образом поставили крест на всём, чем жили люди в России раньше. Не мы это начали, но только мы могли завершить с минимальными потерями для Человечества. Так что мы были настроены очень серьёзно.

Глава 5. Переговоры и перемены

В Новую Москву, огромные подземные улицы-тоннели которой муты пробили в плотном мергеле поросшего лесами кряжа в верховьях Камы неподалёку от руин города, когда-то называвшегося Кудымкаром, мы приехали под утро. Нас привезли не в саму столицу, а на подземную военную базу в двенадцати километрах от нее. Все подземные города, построенные мутами, одинаковы. В своем вертикальном разрезе они похожи на шахматную доску, только между клеточками-тоннелями, имеющими в ширину сорок метров и в высоту двадцать, лежит не менее сорока пяти метров мергеля с прослойками глины и песка. Улица-тоннель представляет из себя два ряда двухэтажных жилых помещений, между которыми проложена дорога десятиметровой ширины, а над ними находится оранжерея. Все улицы-тоннели соединены между собой тоннелями-переходами и техническими тоннелями, в которых проложены трубы водопровода, канализации и электрические кабели.

Новая Москва в общем-то невелика, всего шестьсот восемьдесят километров тоннелей-улиц расположенных на шести уровнях. Та военная база, на которую нас привезли, была несравненно меньше, всего два уровня по шесть двухкилометровых тоннелей на каждом, но на ней имелись также ещё и поперечные тоннели, в также двенадцать залов размером семьдесят два на семьдесят два метра. В одном из таких залов, который представлял из себя спортзал, нас и разместили. Пока мы ехали, в спортзале устроили для нас неплохой гостиничный

номер с душем и туалетом подходящих размеров, отгороженными щитовыми панелями. Имелся в нём также стол и мощные стальные табуреты, способный выдержать наш немалый вес. Генерал Верзилин, окинув его взглядом, улыбнулся:

- Господа офицеры, я оставлю вас здесь. Завтра утром мы начнём переговоры, а сейчас извините, меня ждут.

Широко улыбнувшись, я ответил:

- Хорошо, господин генерал, мы подождём. Можете не торопиться и как следует подготовиться к переговорам.

Генерал кивнул и вышел, а мы остались одни и решили немного размяться. Спорт зал всё-таки. Телепатически посмеиваясь друг над другом, мы сбросили с себя кители, обнажились по пояс и затеяли весёлую возню, в которой Василёк, поначалу, отказался принимать участие. Поэтому мы стали бороться друг с другом. Наши просторные штаны были пошиты не из ткани, а из кожи гора-быка, которую порвать почти невозможно, такая она прочная, бутсы тоже, а потому ничто не мешало нам лупцевать друг друга вполовину силы, чтобы не проломить пол. Тем не менее грохот стоял нешуточный. Нам быстро надоело, что Василёк стоит рядом и даёт советы, а потому мы навалились на него втроём и вскоре уронили его на пол. Наш великан улёгся с задумчивым видом, а Мак сердито прорычал:

- Дайте мне только отклеиться от него, я вам задам, гадам. А ты что, орясина, не мог им головы пооткручивать?

- Ага, как же, попробуй их поймай. Они же шустрые, как понос, а тут ещё ты мешаешься, да и пол здесь всё-таки не гранитный, - насмешливо ответил Василёк и припечатал братца к полу, - ничего, Мак, посмотрим, каким ты станешь бойцом.

От продолжения разминки нас отвлекли ловеки, которые привезли для нас на электрокаре завтрак. Он был по сравнению с тем, что мы ели сидя в своём блиндаже, просто царским. Посмотрев на пятерых парней, вид у них был голодноватый, мы пригласили их к столу, но ни о чём спрашивать не стали. Нам и так всё было ясно. Генерала Верзилина ещё на подъезде встретил начальник военной базы генерал Строев, от которого мы узнали, что мои слова относительно того, что ультиматум не носит обязательной силы, если люди пойдут на переговоры с нами и особенно то, что у нас уже имеется вакцина против мутаций, вызвали огромный интерес в генеральской среде. Очень уж им хотелось разнести в пух и прах всю учёную братию, но так, чтобы об этом никто и ничего не узнал. К учёным у нас никаких претензий не было, зато они имелись к военным, особенно к тем идиотам, из-за которых нередко гибли наши товарищи.

То, что переговоры были отложены на целые сутки, нас

устроило. За это время наши товарищи успели добраться почти до самой базы и могли явиться по первому же вызову. Василёк и Мак были связаны с Профессором и ещё несколькими нашими генералами постоянно, а теперь связались ещё и с двумя прибывшими к нам на помощь телепатами. Чистые, разумеется, ни за что не согласятся, чтобы они присутствовали на переговорах, но я не думаю, чтобы нам отказали в телепатическом допросе пленных. Ждать в любом случае осталось недолго и потому мы, побездельничав ещё один день, вскоре были приглашены в зал переговоров. Это был ещё один точно такой же зал, в котором на стене висел большой экран, а перед ним стоял древний, но вполне живой проекционный телевизор и несколько телекамер.

Мне понравилась такая предусмотрительность, но поскольку связь всё же была кабельной, то я довольно быстро нашел то место на базе, где собрались в зале совещаний три с половиной десятка генералов во главе с министром обороны - генералом Воропаевым. Именно от него Василёк и узнал, что майор Шереметьев находится в камере гарнизонной тюрьмы, а его папаша смещён с занимаемой должности, хотя и не лишен генеральского звания и не понижен в классе. Как говорит Профессор, ворон ворону глаза не выклюет. На данном этапе нас это не очень-то волновало. У нас имелись задачи поважнее, а переговоры между тем начались в форме допроса.

- Кто вы такие? - грозно спросил генерал Воропаев.

- Лют, он боится, что ты пошутил, - подсказал мне Мак.

Слегка кивнув, я ответил:

- Генерал, я полномочный представитель верховного руководства Атомного края и главнокомандующего новой армии мутов, той, которая ещё не вступала в бой с нашим общим врагом. Неподалёку, между Глазовым и этой базой на перекрёстке остановились муты, которые привезли кейс со всеми документами, удостоверяющими наши личности, а также пакет с посланием от генерала Клёна Ветра. Вместе с посланниками прибыли также два телепата. Если мы найдём общий язык, то они допросят экипаж воздушного крейсера, захваченного в плен. Это даст куда больше информации о том, что им известно, чем любая другая форма допроса.

Генерал Воропаев сменил гнев на милость:

- Хорошо, ваш кейс немедленно доставят сюда, майор Бор, но мне всё же хочется узнать, почему вы ждали столько лет?

- Всё очень просто, генерал, мы не обычные муты, а генетические солдаты. Правда, наше формирование ещё не закончилось. Мы прототип тех генетических солдат, которых

насчитывается уже свыше ста тысяч. Это солдаты примерно такого же роста, как я и капитан Ирис Вереск. Капитан Василёк Верес тоже генетический солдат, но несколько иного вида, он мут-гигант, а мы просто большие муты.

Генералы, сидящие перед телекамерой в паре сотен метров от нашего зала, стали оживлённо переговариваться.

- Майор, вы хотите сказать, что ваша новая армия состоит из каких-то других мутов? - удивлённо спросил генерал - Какие они из себя и что умеют делать? Относительно вас мне доложили, что вы вчетвером способны заменить в бою целый батальон.

Это была уже самая настоящая лесть и я улыбнулся:

- Если вы того пожелаете, генерал, то мы согласны на ваших глазах провести завершающую трансмутацию, она займёт не более суток времени, но я заранее предупреждаю вас, в итоге мы останемся такими же рослыми мутами, но станем куда больше похожи на людей. Даже капитан Василёк Вереск, который, наконец, расстанется с братом. Таких солдат, как он, сейчас немного, менее трёхсот, но через два года подрастёт и закончит обучение в военных училищах наша молодёжь и их будет уже почти восемь тысяч.

Мои слова не оставили генерала Воробьёва равнодушным, он сосредоточенно кивнул с сказал вполголоса:

- Что вам для этого потребуется?

Я с готовностью ответил:

- Только одно, разрешите посланникам генерала приехать сюда и привезти тот мутаген, который положит начало завершающей трансмутации. После этого мне уже не нужно будет разговаривать с вами с помощью декодера, но моя акустическая пушка, находящаяся у меня во рту, никуда не денется. Она лишь станет мощнее и превратится в такое оружие, с помощью которого я смогу вырубать пилотов воздушных крепостей, летящих на высоте в два, три километра. Если среди солдат из числа зараженных людей вы сможете найти добровольцев, то они тоже смогут превратиться в мутов нового поколения, таких, какими скоро станут все муты без исключения и тогда вы убедитесь в том, что время уродов и монстров прошло. Если же кто-то из молодых офицеров отважится испытать на себе ту вакцину, о которой я сказал генералу Верзилину, то он убедится заодно и в том, что на него никак не подействует наш новый мутаген. Ему придётся ждать лет до семидесяти пяти, а то и восьмидесяти, чтобы стать мутом и начать новую жизнь. Среди на, господин генерал, насчитывается немало таких мутов, возраст которых уже перевалил за сто семьдесят лет, но никто из них даже и не думает о смерти.

Генералы возбуждённо заговорил, а некоторые даже вскочили с кресел, настолько их поразило моё известие. Генерал Воропаев резко оборвал их и сказал мне с улыбкой:

- Хорошо, господи майор, мы так и сделаем, а сейчас нам нужно провести совещание и решить ряд вопросов.

Совещание длилось довольно долго, целых три с половиной часа. За это время приехали наши старые знакомые, друзья Профессора, и мы успели подготовиться к предстоящей трансмутации. В это время в зале для совещаний шла жаркая полемика. Всем генералам хотелось посмотреть на то, как два ловека превратятся в мутов какого-то нового поколения, а для этого нужно было найти добровольцев и они, к их удивлению, нашлись в количестве даже больше, чем двое. Семь пожилых мужчин согласились превратиться в мутов вместе с женами в обмен на то, что их детям и внукам будет позволено жить в Новой Москве и они станут там квалифицированными рабочими. На это генерал Воропаев ответил с солдатской прямотой:

- Да, хоть старшими офицерами!

С добровольцем из числа чистюль всё и вовсе решилось просто. Первым решил испытать на себе действие вакцины генерал Верзилин, а когда все вопросы были решены, мы приступили к делу. Эксперимент было решено провести в том же зале, куда нас привели. Друзья Профессора привезли с собой вполне достаточное количество как мутагена, так и вакцины. Ловеки выглядели испуганными, но не смотря на страх, которые они старались загнать поглубже, решили таким образом дать своим детям и внукам шанс стать чистыми людьми. Чтобы приободрить их, я попросил одного из помощников Профессора раздеться по пояс, что тот и сделал. Лицо у него было моложавым и весьма красивым, коротко стриженные волосы тёмно-русого цвета и вовсе делали его совершенно непохожим на мута. Поведя широкими плечами, полковник Утёс широко улыбнулся, показывая белые зубы:

- Друзья мои, снаружи я мало чем отличаюсь от обычного человека и мутом являюсь только внутри, а потому раз в десять крепче любого человека и жить собираюсь очень долго, хотя мне и без того уже стукнуло сто сорок шесть лет. Поэтому вам нечего бояться.

Один из ловеков позволил себе усомниться:

- Но вы же не проверяли этот свой препарат на людях, так ведь? Если так, то с каждым из нас может всё, что угодно случиться. Что нам нужно сделать? Наверное снять с себя одежду?

Беря пневмошприц и вставляя в него ампулу с сиреневым

мутагеном, старый друг Профессора махнул рукой:

- Ничего этого не требуется. Сейчас я сделаю вам инъекцию и вы просто сядете в это кресло перед телекамерой. Поверьте, вы в результате внешне почти не изменитесь, только сделаетесь на вид минимум вдвое моложе. Все перемены будут носить сугубо внутренний характер, но на ваши семейные отношения это никак не отразится. Правда, ещё одного ребёнка ваша жена сможет зачать только года через три, когда полностью завершится гормональная перестройка.

Когда полковник Утёс сделал высокому, уже седеющему, но широкоплечему и крепкому мужчине инъекцию, то сказал, садясь:

- Наташа, боли я никакой не чувствую, только по всему телу приятное такое тепло разливается.

Когда его жена села в кресло, они взялись за руки и через пару минут уснули. Вскоре наступила наша очередь и наши друзья вооружились уже обычными шприцами куда большего размера. Первому делали укол мне, для чего пришлось пустить в ход электродрель, чтобы просверлить мою кожу. В моё тело не закачали ещё и литра мутагена, как меня уже сморил сон. Этот мутаген имел мало общего с тем, который образовался в следствии термоядерных взрывов. То было сложное органическое соединение из нескольких десятков аминокислот, которое походило на лукошко с несколькими десятками фрагментов ДНК. Попадая в кровь через лёгкие и кожу, они заставляли людей и животных трансмутировать. При этом процесс трансмутации был болезненным и неприятным и к тому же занимал до трёх суток.

В данном же случае всё происходило и быстрее, и мягче. Когда я очнулся, ловеки, превратившиеся в мутов, уже покинули зал. Все семь пар чувствовали себя превосходно. Они даже и не ожидали, что всё произойдёт так безболезненно и быстро. Внешне они действительно мало изменились, разве что их тела сделались более подтянутыми, но сила у них сразу же увеличилась раза в три. Лёжа на нескольких матрацах, постеленных на каменный пол, я не спеша поднялся и первое, на что обратил внимание, так это на то, что моё зрение весьма основательно изменилось. Я наконец-то стал видеть свет, вот только он был очень яркий и ослеплял меня. Полковник Утёс протянул мне большие, овальные чёрные очки с плотно прилегающей к глазам эластичной окантовкой оправ:

- Держи, Лют, теперь ты сможешь смотреть на мир, как и все нормальные муты, но и прежних своих способностей ты тоже не утерял. Впрочем, ночью ты сможешь снимать очки.

Надевая очки с эластичным ремнём вместо дужек, я коснулся руками волос и меня поразила их шелковистость, а также то, что

мои руки сделались куда более чувствительными. Взглянув на них, я сразу понял, что моя кожа по-прежнему была очень светлой. Протянув руку вперёд, я сразу же увидел, что моя рука раза в два светлее лица полковника. Если раньше я определял цвета по степени свечения поверхностей, то теперь мир вокруг меня стал удивительно ярким и красочным. Посмотрев на Ириса, я невольно улыбнулся, таким он сделался красавцем. Широко улыбаясь мне в ответ, мой друг сказал:

- Лютик, мне теперь уже не нужен декодер, но ты знаешь, теперь в моей глотке тоже имеется полноценная звуковая пушка, а не та жалкая скрежеталка, что была раньше.

Полковник усмехнулся:

- Не волнуйся, Ир, у Люта теперь также помимо излучателей акустических волн имеются нормальные голосовые связки.

- Что там с Васильком и Маком? - спросил я - Как они?

- Нормально, просыпаются, - ответил учёный, - они ещё три часа назад разделились. - и насмешливо спросил: - А ножками пройти и помочь друзьям что, для тебя в тягость? Генерал Верзилин тоже в полном порядке. Даже посвежел после вакцины. Она ведь в числе всего прочего ещё и подстёгивает у людей метаболизм и даже включает механизм регенерации, но не на полную мощность, как у нас.

Повернувшись, я увидел Мака, а за ним Василька. Бибитиба после трансмутации сделался почти такого же роста, как и я, зато наш Муня явно уменьшился в размерах. Он лежал на животе и шумно дышал. Верхняя часть его спины выглядела так, словно он никогда не был сиамским близнецом. А ещё он обрёл нормальные, человеческие пропорции, но его рост был по-прежнему больше шести метров. Теперь ему требовалась совсем другая одежда, а пока что и на нём, и на Маке были надеты одни только трусы. Полковник, прочитав мои мысли, невозмутимым голосом сказал:

- Лют, Мак одного роста с тобой, так что сможет воспользоваться твоим гардеробом, а для Василька уже заканчивают шить новенький мундир. В руководстве людей произошли перемены, причем весьма значительные. Верх окончательно одержала партия войны до полной победы и теперь у них новый президент - генерал Верзилин. Поэтому переговоры ты будешь вести теперь с ним.

Пожав плечами, мундир всё же сделался мне немного великоват, я со вздохом ответил:

- Ничего страшного, полковник. Генерал Верзилин вполне вменяемый человек и то, что они выбрали его президентом, нам даже на руку. В любом случае уже через несколько часов всё

выяснится.

Не знаю что происходило за пределами той военной базы, где мы прошли через трансмутацию, но переговоры начались только в шесть часов вечера. К этому времени мы полностью освоились и уяснили, что перемены пошли нам на пользу. Особенно Василька и Маку, они выглядели просто красавчиками. На этот раз переговоры проходили, что называется, глаза в глаза. В нас так и не заподозрили телепатов. Новый президент резко сократил число людей, допущенных на переговоры. Он пригласил на них только троих человек, нового министра обороны и двух своих помощников, главу учёных и министра промышленности, в руках которого "находились ключи" от всех подземных складов. Все четверо были членами партии войны, которая резко усилила свои позиции после нашего ультиматума. Ещё в одном большом зале установили огромный, высокий стол, к которому приставили платформу для нового президента и его помощников и потому мы могли сидеть друг напротив. Едва мы сели за стол, как генерал Верзилин сразу же задал конкретный вопрос:

- Господин майор, какой именно шаг мы должны сделать навстречу вашему руководству, чтобы не утерять своих позиций в армии? Поверьте, я настроен на серьезный разговор.

Сдержанно кивнув, я ответил:

- Господин президент, одного единственного шага будет недостаточно и вот почему. Рука об руку с теми людьми, которые живут вне подземных городов, мы сражаемся уже почти столетие. Они наши боевые товарищи и мы знаем о них почти всё. О вас же мы не знаем практически ничего, кроме того, что офицерский состав, навязанный нам, считает нас тупыми скотами и пушечным мясом. Не будь мы такими живучими, потери среди нас были бы просто катастрофическими, но и это не самое главное препятствие. Армия больше не станет исполнять их приказов. У нас есть кем заменить ваших офицеров. Этот процесс уже начался, но в мою задачу входит совсем другое. Командование поручило мне провести с вами переговоры и выяснить, готовы ли вы сражаться до полной победы?

Генерал Верзилин шумно вздохнул:

- Мы-то готовы, вот только у нас нет веры в то, что мы способны одержать победу над нашим врагом. Что ни говори, но нам противостоит всё население этой планеты и я не верю ни в одно из тех заявлений, которыми наш враг пытается нас расколоть.

- Мы можем победить, господин президент, - улыбнулся я в ответ, - но лишь в том случае, если станем единым сообществом людей и мутов. Извините, но мне не нравится слово мутанты, оно

сродни слову уроды, а таковы среди нас давно уже нет. Уродливые мутации нами полностью исцелены и уже через пару лет мы, муты, будем выглядеть внешне точно так же, как и вы, люди. Добыть победу будет нелегко, но, поверьте, у нас нет иного выбора. Наш враг не остановится до тех пор, пока на этой территории не будет уничтожено всё живое и он к этому готовится. К счастью мы опережаем его, но всего лишь на четыре, максимум пять лет и если они успеют завершить работы по созданию так называемого лекарства против мутаций, а попросту биологического оружия нового поколения, то мы все погибнем.

Новый президент нахмурился.

- Именно поэтому мы так торопимся создать ракетно-ядерный меч. Только так мы можем заставить их остановиться.

- Они никогда не остановятся, господин президент, - сказал я печальным голосом, - и всё дело тут в том, что довольно большое число людей из высших кругов Запада и не только его одного стали мутантами намного, лет на пятнадцать, а то и двадцать раньше нас.

- Что? - удивлённо воскликнул генерал Верзилин - Но этого же не может быть! О чём вы говорите, майор Вереск.

Кивнув, я сказал слегка повысив голос:

- Господа, хотя вы не склонны в это поверить, но всё именно так и есть. Стопроцентной уверенности в этом у нас нет, но судя по всему сегодня на островах Новой Зеландии живёт не менее ста пятидесяти миллионов почти точно таких же мутов, как и те, которых вы недавно видели. Члены небольшой команды полковника Утёса, насколько вы помните, внешне ничем не отличаются от людей, но тем не менее они все муты, причём самому молодому уже более ста двадцати лет.

- Но как это могло случиться? - удивился министр по делам науки - Ведь мутаген образовался в результате термоядерных взрывов в Атомном треугольнике.

- Мы полагаем, что таким образом он был создан искусственно, господа, - кивнув, сказал я, - но перед тем в Америке был создан совершенно иной мутаген, который запускал такой процесс трансмутаций, которые не превращали человека в урода, а лишь делали его могучим, вечно молодым долгожителем. Поэтому те люди, которые долгое время уничтожали Россию, возможно, всё ещё живы. Если это действительно так, то лично я этому только рад. Будет кого предать суду и расстрелять. А сомневаться в этом не приходится.

Генерал Верзилин оживился:

- Ваше руководство сделало такие выводы на основании показаний перебежчиков? - и улыбнулся - Мы ведь тоже не знаем о вас почти ничего, майор, но, по всей видимости, нам нужно начать узнавать друг друга. Поверьте, не мы склонны доверять пропаганде врага и если вы действительно близки к созданию какого-то очень мощного оружия, то и мы не отступим, но нам необходимо знать, что это за оружие и как оно повлияет на наших детей и внуков?

А вот это был самый сложный вопрос, на который даже у Профессора не было однозначного ответа. Не было его и у меня. Зато имелась подсказка Василька и Мака:

- Лют, они считают, что продлить жизнь с помощью трансмутации это большое благо, но при этом хотят, чтобы их дети и внуки остались людьми, а это очень сильно всё осложняет.

Тем самым мои друзья склонили чашу весов в пользу очень длительного, возможно растянутого на несколько столетий, переходного периода, шаг к которому, к тому же, повлечёт за собой большие человеческие жертвы. Причём именно человеческие, но это коснётся не нас, а всех тех людей, который живут по другую сторону стены. В данной ситуации не имело никакого смысла хитрить и я сказал:

- Господин президент, господа министры, некоторые перебежчики видели господ, окопавшихся на островах Новой Зеландии, которые превращены в неприступную крепость. Это ответ на первый вопрос, а вот ответ на второй, да, у нас имеется такое оружие, но будет ли оно применено - выбирать вам. Мы действительно обладаем куда более мощным мутагеном, который приведет к более мягким трансмутациям, чем те, которые начались в первый же день Гнилой войны. Благодаря этому мутагену вся биосфера планеты трансмутирует всего за сутки. Если мы сумеем добраться до той лаборатории, где был создан прототип того древнего мутагена, то наш новый мутаген, который легко поддаётся модернизации, сам уничтожит всех древних мутантов, но при этом пощадит детей младше пятнадцати лет. При этом вы и все ваши люди будете от него полностью защищены, но вам придётся привыкать к новой биосфере, а она, поверьте, уже не будет такой ужасной и кровожадной, как прежняя. Возможно, что второй вариант вам не понравится, так как он предусматривает переход от обороны к наступлению и ожесточённой войне, в которой люди во внешнем мире, в первую очередь солдаты, понесут большие потери. Поймите, господа, когда в бой пойдут такие парни, как капитан Большой Бор, или мы, врага не спасут уже никакие оборонительные сооружения. Он может сбивать звуковым лучом даже самолёты, летящие на

высоте в десять километров, не говоря уже про бронетехнику. Правда, перейти в контрнаступление мы сможем не ранее, чем через три года.

Генерал Верзилин быстро переглянулся со своими помощниками и задал мне вполне ожидаемый вопрос:

- Майор, как вы относитесь к тому, чтобы вместо ракет доставлять ваши копатели пробуривали тоннели в глубокий тыл врага? Это произвело бы на него неизгладимое впечатление.

- Господин президент, сейчас нам нужно в первую очередь выиграть время, а для этого нужно вступить с врагом в переговоры, хорошенько его запутать и сделать так, чтобы мы четверо оказались на его территории. - сказал я - Нам известно, что американские учёные мечтают заполучить в свои руки мутов последней генерации, а мы хотим добраться до секретного научно-исследовательского центра. Вот в этом направлении нам и нужно действовать, но сначала вы должны решить, каким будет ваш выбор.

Президент подземной России развел руками:

- Майор, тут и гадать нечего, мы категорически против тотальной трансмутации биосферы и нас самих. Одно дело стать мутом на старости лет, и другое в молодые годы. Вы можете считать меня чудовищем, но мне плевать на то, сколько солдат пиндосов и евроэсэсовцев погибнет в этой войне. Тем более, что как на востоке, так и на западе нам будут противостоять орды исламистов, наших древних врагов, да и всех остальных я не склонен жалеть. В том числе и тех офицеров, которые некогда причиняли вам столько неприятностей. Те из них, на которых вы укажете, будут разжалованы в рядовые и будут направлены в штрафные батальоны. Если они, чтобы выжить, захотят стать мутами, то я не против. Тех же офицеров, которые не запятнали своей чести, мы предлагаем вам использовать, как военных специалистов. Поймите, майор, в наших рядах сохранилось то, что принято называть военной наукой и если мы перейдём в наступление, то давайте станем полагаться на неё, а не на тоннельную партизанщину.

В принципе президент Верзилин был полностью прав. В плане классической военной науки наши генералы проигрывали его генералам в сухую. К этому времени я уже знал, что у наших будущих союзников существовала очень сложная система отбора кандидатов на высшие должности в армии и что те офицеры, которые задержались в войсках больше, чем на три года, считались чуть ли не полными кретинами, которых нужно держать от руководящих должностей как можно дальше и потому, оттрубив на "передовой" свои десять лет они по сути становились

иждивенцами, если, конечно, не соглашались сменить профессию, что случалось довольно часто. Да, ничего не скажешь, о своём враге мы знали куда больше, чем о ближайшем соседе.

Новый президент был полностью прав, когда говорил, что как на восточном, так и на западном фронте против нас в основном воюют исламисты. Все, кроме иранцев. Ирану, как и Китаю, удалось сохранить хоть какую-то видимость независимости только потому, что они имели на вооружении ракеты с термоядерными боеголовками и люто ненавидели пиндосов, а потому были готовы в любой момент применить против них все свои ракеты. Да, это оружие находилось под тотальным запретом, но оно у них было и потому ни Иран, ни Китай не были оккупированы войсками НАТО. На западе нам противостояли турки и арабы, а на востоке пакистанцы и афганцы. Наверное потому, что они были морозоустойчивыми. Впрочем, кто только против нас не воевал, по большей части сидя за пультами дистанционного управления движущихся крепостей. На нашу территорию вторгались одни только вертолёты, штурмовики, бомбардировщики и ещё тяжелые воздушные крейсеры-конвертопланы, которые мы сбивали довольно часто, но редко кто из летчиков попадал в наши руки живым. Обычно срабатывала система уничтожения экипажа.

В кои веки раз нам повезло по крупному. Нам удалось захватить в плен экипаж воздушного крейсера и теперь настала очередь задать вопрос о его дальнейшей судьбе, но я всё же не стал торопиться и потому, сдержано кивнул, согласился с президентом:

- Не стану спорить, господин президент. Особенно в отношении вашего генералитета. Да и знания ваших офицеров младшего и среднего комсостава нам тоже пригодятся, но условие будет очень жестким. Или штрафбат, а это означает весьма скорую смерть, или они становятся жесткими мутами и больше не станут отсиживаться в самых отдалённых норах. Что же касается людей с поверхности, то они все вернутся домой. Извините, но нам надоело быть при них няньками. Что же, предварительные итоги наших переговоров таковы, господин президент. Мы готовы к равноправному союзу трёх народов Новой России и первым делом обеспечим людям стопроцентную защиту от внезапной трансмутации. Это позволит вам смело выходить на поверхность, а наземникам и мутам новой генерации даст возможность не только посещать ваши подземные города, но и жить в них. Что вы на это скажете, господин президент?

Генерал Верзилин улыбнулся:

- Лют, я скажу только одно, если муты действительно

согласны не применять мутаген в опасных для нашей природы масштабах, то я прикажу относиться к вам, как к старшим братьям, а приказы у нас принято исполнять всем независимо от должностей и званий.

- В таком случае, генерал, готовьтесь к скорому прибытию в Новую Москву нашего руководства. - сказал я с улыбкой - Главные аспекты будущего договора мы с вами обсудили, но еще до его подписания начнётся вакцинация населения. В первую очередь молодежи в подземных городах и людей на поверхности. Транспорты с вакциной отправятся в путь из Атомного края уже через пять минут.

Новый президент улыбнулся:

- Неужели всё произойдёт так быстро, Лют? Но вы же ещё не связались со своим руководством.

Указав рукой на Мака, сидевшего слева от меня, я сказал:

- Капитан Бор - моя связь с нашим руководством. У него с ним постоянный телепатический контакт, а сейчас я хотел бы обсудить с вами один очень важный вопрос наедине.

Глава 6. Демонстрация возможностей

Первыми, отдав честь, зал покинули мои друзья, после чего из-за стола встали помощники президента Верзилина. Пристально посмотрев на меня, он улыбнулся и спросил:

- Майор, у вас есть какие-то просьбы личного характера?

- Можно сказать и так, генерал, - ответил я, - но на самом деле всё гораздо сложнее. Дело в том, что я разведчик, как и трое моих друзей, и нам любой ценой нужно попасть в Америку. Только там мы сможем узнать, как в атмосфере был создан тот химический реактор, в котором пиндосы изготовили миллионы тонн мутагена. Ещё мы хотим узнать, почему они это сделали. Понимаете, уничтожать нас с помощью трансмутаций было слишком рискованно, но они пошли именно этим путём. Поэтому, господин президент, мы с вами должны придумать способ, как сделать так, чтобы пиндосы утащили нас к себе.

- Сложная задача, - промолвил президент, - даже не представляю, как это можно сделать. Наиболее реальным мне представляется только один вариант, мы должны сделать вид, что готовы пойти с ними хотя бы на контакт и в дальнейшем вступить в переговоры. Можно было бы поступить проще, предоставить захваченным в плен лётчикам пиндосов возможность сбежать, прихватив вас, но я не думаю, что они такие идиоты, чтобы поверить в это.

- Да, действовать нужно как можно аккуратнее, - согласился я с насмешливой улыбкой, - а потому, генерал, я прошу вас разрешить мне приступить к разработке такой операции, в ходе

которой мы покажем врагу, что его пропагандистские усилия увенчались успехом, но при этом продемонстрируем ему ваше ядерное оружие. Надеюсь вы понимаете, что по отношению к врагу любой обман и коварство не просто допустимы, а должны всячески приветствоваться?

Президент Верзилин тоже улыбнулся:

- Лют, я с чистым сердцем пойду на любые договоренности с врагом, лишь бы его уничтожить. Вы правы, они никогда не оставят нас в покое и если у нас есть шанс нанести Америке и Европе, а вместе с ними всему остальному миру такой урон, от которого они уже никогда не оправятся, то вопрос решен. Правда, меня волнует и другое. Вы в состоянии сделать это? Что вы сможете противопоставить той военной силе, которой обладает наш враг? Сможет ли сотня тысяч таких огромных парней, как вы, и восемь тысяч гигантов противостоять их гигантской бронированной армаде?

Начался разговор по существу и я ответил:

- Генерал, вы забыли о том, что помимо нас через три года в бой пойдёт не менее восьми миллионов жестких мутов. Да, муты-гиганты и большие муты это главная ударная сила, которая будет действовать небольшими группами на поверхности, но из-под земли по врагу ударят наши пехотные дивизии, а один наш солдат равен по своей силе пяти, семи солдатам врага. Облачённые в органическую броню и вооруженные одним только стрелковым оружием и гранатами, они способны штурмовать их сухопутные крепости, но с ними справятся летающие муты, способные генерировать ЭМ-импульсы. Но и помимо летунов такие парни, как я, муты-альбиносы, тоже способны поражать вражескую технику мощными, узко направленными ЭМ-импульсами, а такие муты-химики, как капитан Ирис Вереск, могут вырабатывать в своих дополнительных желудках не только мощные боевые отравляющие вещества, но мутагены несколько видов. Полагаю, что вам было бы интересно посмотреть на что мы вообще способны?

- Не откажусь увидеть вас в деле, майор, - ещё шире улыбнулся генерал Верзилин, - когда вы сможете показать нам, на свою мощь?

- Думаю, что лучше всего сделать это завтра утром, - кивнув ответил я президенту и добавил, - не хочу, чтобы ночью вас мучили кошмары. Но для этого нам понадобится самый мощный полигон. Сегодня ночью привезут наше личное оружие, а завтра, после того, как вы окончательно убедитесь в том, что на нас можно положиться, мы с вами окончательно решим, как нам следует поступить с нашими пленными. В любом случае их

должны допросить наши телепаты, а они у нас теперь двух видов, прежние - глазастики, и муты последней генерации, ничем не отличающиеся от людей. Первые сделают вид, что они так и не смогли докопаться ни до чего существенного, а вторые вытряхнут из пиндосов всю информацию до последней мыслишки и даже выведают, к какой груди их прикладывали в младенчестве.

На этом наш разговор завершился. Лично я был полностью удовлетворён переговорами, а то, что люди выбрали долгий путь, ничего не меняло. В любом случае не разгромив врага, мы не сможем сделать наш Атомный край таким, каким мечтаем его видеть. Расширять его на восток и на запад мы нее будем, а вот идти на юг, в Среднюю Азию, практически полностью опустошенную войной вплоть до горных хребтов Памира, нам никто не запретит. Зато мы сможем переносить к себе все мутировавшие растения и прочую живность, чтобы подвергнуть её завершающей, окончательной трансмутации. Об этом мы и проговорили почти до полуночи, а наутро, после завтрака, мы отправились на полигон, расположенный в семидесяти километрах от военной базы. Ночью нам привезли еще несколько контейнеров, в том числе с нашим личным оружием и бронежилетами.

На полигон вместе с нами приехало больше сотни человек военных и учёных, занимающихся разработками новых видов оружия и средств защиты. Их в первую очередь заинтересовали наши брониками из сверхпрочной органической брони, сферы на голову с прозрачными забралами и огромные револьверы. Самые большие, калибром в сорок пять миллиметров, настоящие шестизарядные пушки длиной почти в метр, были у Василька. Наши имели в длину семьдесят сантиметров и стреляли снарядами калибром в двадцать четыре миллиметра. Полуавтоматические револьверы, изготовленные по спецзаказу в Китае, были простыми и надёжными. Говорят, что за основу был взят какой-то американский Кольт "Питон", но мы называли их "Волынами". Так про это оружие, снаряды к которому изготавливали у нас на нескольких заводах, сказал Профессор, а мы не стали придумывать другого.

Большая "Волына" весьма грозное оружие, посылающее снаряд на расстояние в четыре километра. Легкобронированную технику она чуть ли не в клочья разносит, но и малая тоже хороша. Впрочем, это всего лишь наше личное оружие, так как никакое другое для этой цели нам не подходит. Тем не менее и оно вызвало огромный интерес у военных. Им сразу же захотелось посмотреть, как мы будем стрелять из своих громадных, по меркам обычных людей, револьверов. Полигон, на который мы

приехали, был не подземный и потому на нём можно было стрелять даже из пушек куда большего калибра, чем наша "карманная артиллерия". Это была узкая балка, которую сначала накрыли маскировочными сетями, а потом и вовсе перекрыли разномастными стальными балками и железобетонными плитами.

Неподалёку находился подземный военный завод, который по большей части занимался ремонтом и восстановлением стрелкового оружия и лёгкой артиллерии, а потому нуждался в полигоне. Когда-то в балке рос мощный ельник, но теперь от него остались одни обугленные пеньки. А ещё ложбину разнообразило несколько десятков гранитных валунов, вросших в землю вот по ним-то мы и начали палить с обоих стволов. Грохотали наши револьверы так, что если бы ни антифоны, то зрителям пришлось бы тяжко, но, не смотря на калибр, урон гранитным валунам был нанесён не такой уж и большой. Ни один не раскололся, зато нам удалось поразить генералов и оружейников тем, что мы мало того, что метко стреляли из своих "Волын" пушечного калибра, так ещё и не падали на задницу от отдачи.

Расстреляв из каждого револьвера по полторы дюжины снарядов, у нас было с собой по шесть клипов со снарядами на каждого, я указал Василько на далеко не самый большой валун:

- Расколи его ультразвуком.

Мой друг поинтересовался у меня с сомнением в голосе:

- Ты думаешь у меня получится, Лют?

- Надо же когда-нибудь испытать твою акустическую пушку, Василёк, так что давай, парень, дерзай. - усмехнулся я и предупредил сопровождающих: - Господа, не волнуйтесь, капитан Вереск ударит по валуну очень узким лучом, иначе у него ничего не получится.

Так всё и вышло. Нашему Муне пришлось семь раз приводить в действие свой горловой резонатор и всё без толку, пока Мак не рассердился и ударил его изо всей силы кулаком в бедро. Выше он просто не мог дотянуться. После этого Василёк, получив от меня подробную инструкцию, покрутил головой и сделал всё, как надо. На этот раз валун с леденящим душу треском раскололся. Мощь глотки Муни была такова, что своим удачным акустическим ударом он вызвал маленькое, локальное землетрясение. Наши сопровождающие восторженно ахнули, кто-то даже принялся аплодировать, но это было только начало. Указывая пальцами на остальные валуны, я принялся колоть их попеременно то ультра, то инфразвуком, а то и комбинированной акустической атакой. От последней они и вовсе взрывались с совершенно тошнотворным даже для нас звуком. Покончив с

валунами, я повернулся к генералам и конструкторам и сказал:

- Господа, для капитана Вереска это первая проба сил. Его братья тоже обладают такими способностями, но им их ещё развивать и развивать. Теперь вы покажем вам, какими способностями обладает капитан Ирис Вереск, наши природный химик.

По нашей просьбе на полигон привезли десяток бычков и как только все, включая нас троих, надели противогазы, мой друг дохнул на них парализующим газом, те попадали, а он невозмутимо сказал:

- Через двенадцать часов они очнутся без каких-либо последствий, господа, но я могу синтезировать куда более опасные отравляющие вещества. От некоторых не спасут даже противогазы. Вы можете снять маски, этот парализующий газ разлагается уже через три минуты. Он не имеет ни цвета, ни запаха, но самое главное, ещё ни у кого после него не болела голова.

Президент Верзилин, снимая противогаз, улыбнулся:

- Вам цены нет, капитан. Парализующий газ это идеальное оружие. Жаль только, что от него можно защититься.

Машины с бычками уехали и им на смену на полигон привезли несколько десятков различных электронных устройств и в том числе радиоприёмники. Наступило время показать нашим союзникам, на что способны муты-альбиносы вроде меня. По моей просьбе их расставили на столах, поставленных на всю ширину полигона, а это метров семьдесят, в полукилометре от меня. Когда всё было готово, я шагнул вперёд, сдвинул ладони, образовав экран-излучатель и быстро провёл невидимым лучом ЭМ-импульса справа налево. Лежащая на столах электроника заискрила и крякнулась, а я предложил:

- Господа, давайте пройдём к столам и посмотрим, во что превратились все эти устройства. Думаю, что в утиль, ведь я же не зря попросил привести сюда то старьё, с которым не жалко расстаться.

Мнение специалистов было единодушным - мой ЭМ-импульс попалил всю электронику, даже защищенную от ЭМ-импульса, так основательно, что она годилась только на переплавку. В завершении мы показали свою физическую силу, до боевых единоборств дело так и не дошло, и отправились на этот раз уже в Новую Москву. Там нас разместили хотя и на окраине подземного города, но зато на том его уровне, где жила местная элита. Нас снова поселили в спортзале, на этот раз школьном. Вообще-то это была не обычная школа, а лицей, так что детей младше пятнадцати лет мы там не увидели. Власти Новой

Москвы поразили меня уже тем, что без особых колебаний позволили нам находиться рядом со своими будущими учёными. В подземный город мы приехали в половине четвёртого и потому сразу же оказались в гуще лицеистов. Хорошо, что юноши и девушки, одетые не слишком богато и нарядно, держали дистанцию.

Ребят больше всего заинтересовали наши револьверы, зато девочки спрашивали, что мы больше всего любим из еды и напитков. Меня очень удивило, что все лицеисты уже знали, что муты создали вакцину против мутаций и стали их союзниками в грядущей войне с пиндосами. Все наши вещи уже находились внутри спортзала, перед которым находилось нечто вроде школьного "двора". Мы сели прямо на пол, в этом месте он был из мраморизованного известняка, и принялись отвечать на вопросы юных москвичей. Первым делом мы достали из кобур и показали им свои "Волыны". Наши револьверы были такими тяжелыми, что крепкие, спортивного телосложения пареньки могли поднять их только вдвоём. Про стволы Василька и вовсе нечего было говорить. Они и для нас были тяжеловаты, по полтораста килограмм каждый. Больше всего ребят удивляло, что они видят перед собой трёх братьев-близнецов. Им в это даже не верилось.

Странно, но они нас совсем не боялись, хотя даже сидя на полу мы были выше некоторых девочек. После наших "Волын" их больше всего интересовало, почему я ношу почти непрозрачные, чёрные очки, сняв их, я с улыбкой пояснил:

- Просто у меня весьма специфическое зрение, ребята. Я способен видеть далеко за пределами спектра видимого света в обе стороны и потому вижу то, что другие люди видеть не способны. Например электромагнитные поля, космические лучи или рентгеновское излучение. А с этими очками я вижу всё почти точно так же, как и вы.

Когда я снова надел очки, одна девочка, запрыгнув на мою ногу, стала их поправлять и, коснувшись волос, удивилась:

- Лютик, у вас такие жесткие волосы.

Широко улыбаясь, я ответил:

- Странно, а мне они кажутся шелковистыми. Правда, расчёска у меня всё же изготовлена из легированной стали, но вы говорите так потому, что не видели моей причёски раньше. Ещё совсем недавно у меня на голове были вместо волос плоские роговые иглы, да и всё тело было покрыто роговыми щитками, но сейчас они спрятаны под моей кожей. Она у меня тоже очень прочная.

Девочка соскочила с моего бедра и сказала друзьям:

- Волосы у Лютика действительно очень жесткие, зато кожа

на лице необыкновенно нежная, бархатистая и тёплая. Лютик, а это правда, что трансмутация способна подарить человеку бессмертие?

- На счёт бессмертия ничего не могу сказать, но одно мне давно уже стало ясно, ещё никто из мутов первого поколения не то что не умер естественной смертью, а даже толком не состарился. Так что поживём ещё лет сто пятьдесят и тогда увидим.

- Господин майор, а вы навсегда останетесь такими огромными или после очередной трансмутации сможете стать такого же роста, как и все люди? - спросил меня какой-то парнишка.

- Вообще-то эту трансмутацию вполне можно считать окончательной, - ответил я, - поверьте, мутагены могут быть такими разнообразными, что в будущем, ребята, когда закончится человеческий этап вашей жизни, вы сможете стать какими угодно мутами. Мы тоже. Нам не составит особого труда за всего лишь за сутки уменьшиться в росте метров до двух с четвертью, но сейчас мы нужны вам именно такими. Вы ведь понимаете, о чём я говорю?

Дружный гомон голосов быстро подтвердил, что ребята уже знали о наших намерениях воевать с пиндосами до победного конца. Мы долго общались с будущими биологами, такой уклон был у этого лицея, и вскоре убедились, что их интересует абсолютно всё, чем живут муты. Пару часов спустя в город прибыл Профессор со своим "штабом", а также несколько сотен наших медиков, и всем ребятам, а это были ученики старших классов в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет, сделали прививки.

Решив не принимать участия в переговорах, я уже на следующее утро, хорошенько подумав о "последствиях", предложил юным биологам как следует "изучить" больших мутов. Так что мы задержались в лицее на две недели, но куда больше времени проводили в городе, чем в биолаборатории. Лицеисты показали его нам полностью, от самых нижних, технических горизонтов, до самых верхних, где находились теплицы. Это были прекрасные пятнадцать дней, которые весьма наглядно показали нам, как же мы плохо знали людей. После этого мы забрали пленных и отправились в Новую Казань. С нами выехала группа офицеров из военной разведки. К тому времени почти все вопросы уже были решены и теперь армия стремительно преображалась. Как это ни удивительно, но многие люди из числа офицеров добровольно решили стать жесткими мутами, а потому во многих частях командиры остались на своих местах, но это

была уже новая армия.

Наш враг так ничего и не заподозрил. За все минувшие дни было совершено не более пятидесяти выгрузок наземных крепостей и на этот раз с ними было покончено намного быстрее, но ни один воздушный крейсер так и не удалось захватить. Иначе, как временным затишьем, это назвать было нельзя. К тому же затишьем перед бурей, что выяснилось после допроса пленных телепатами, во время которого наши телепаты старой "формации", показали себя редкостными ослами, так как читали далеко не все мысли пиндосов. Поскольку они тут же говорили об этом в микрофоны, то пленные, а это были офицеры в чине от капитана до полковника, обрадовались. До этого они стойко противостояли сыворотке правды, а потому из них так ничего полезного и не выудили. Зато глубокий телепатический допрос показал, что уже довольно скоро ход войны может измениться.

Пиндосы намеревались примерно через год бросить против нас тяжелую пехоту, закованную в мощнейшие, бронированные экзоскелеты. Это были настоящие монстры высотой в пять метров, способные двигаться по полю боя со скоростью в семьдесят километров в час и не то что бы летать, но совершать гигантские прыжки на семьсот, восемьсот метров. Вместе с тем они могли плавать под водой и погружаться на глубину в полкилометра. Электроники в них было до чёрта и даже беглый "взгляд" на неё показывал, что большие белые муты её спалят. Да и против акустической атаки им тоже не устоять, но об этом мы им не собирались говорить. Мы решили отсрочить наступление их "железных дивизий" очень жестким способом.

В плен угодили не простые летчики, а чистокровные пиндосы из Сто семнадцатой тяжелой воздушной дивизии. Больше половины из них были рослыми, хорошо накачанными неграми, но и латиносы тоже вымахали им под стать. Их с первого же дня держали в одиночных камерах и они ничего не знали о судьбе своих товарищей. Поэтому настроение у всех было подавленное, но больше всего пиндосов угнетало то, что их лишили малейшей возможности покончить с собой. Полагаю, что не зря, так как наши телепаты получили от них богатейшие разведданные, но пиндосы считали, что как раз этого не произошло. Когда я сказал перед выездом из Москвы в Казань нашим коллегам, военным разведчикам, которые, как и мы, носа не высовывали за Стену, что намерен обменять пленных на что-нибудь полезное, они озадачено крякнули, а один, полковник Николаев, спросил:

- Лют, по-моему из этого ничего не выйдет.

- Вот увидишь, Борис, - сказал я, - всё пройдёт, как по маслу и вот почему. Мы покажем пиндосам то, что они обязательно

захотят донести до сведения своего начальства. Ты ведь уже знаешь, что в наши руки попали отнюдь не рядовые лётчики. Они ждут не дождутся, когда за ними пошлют какой-нибудь десант, вот мы и предложим им связаться со своим руководством, чтобы они договорились о процедуре их обмена, скажем, на электронные комплектующие и те материалы, которые нужны нашим вооруженцам, как воздух. Поэтому из Казани мы сразу же отправимся в Ямантау.

Когда-то под этой горой был построен целый подземный город, в котором могло укрыться от термоядерной атаки до полумиллиона человек, но перед Гнилой войной его полностью разграбили. Тем не менее в нём укрылось намного больше людей, приехавших туда за несколько дней, некоторые вообще прибыли в последние часы, до термоядерного удара по Атомному треугольнику. От смерти они спаслись, а вот от трансмутаций нет, но свыше миллиона человек из почти полутора стали мутами и остались в живых. Ямантау был первым подземным городом мутов, но он так и не стал нашей столицей. Сейчас это наш главный промышленный комплекс, хотя промышленностью то, что находится в недрах горы Ямантау, назвать трудно.

В Казани пленных погрузили в тоннельные автозаки и мы не задерживаясь отправились в путь. Сначала мы ехали по относительно небольшому тоннелю, а затем въехали в магистральный, соединявший Ямантау с бывшей Уфой с её пятном сплошной мутации природы, ставшей нашим чуть ли не самым главным садом и огородом. Сам город, уничтоженный бомбардировками, практически исчез с лица Земли, но уже через несколько лет там пышно разрослась новая растительность. После того, как наши отцы и деды расчистили землю от завалов из кирпича и бетона, и собрали весь металлолом, мутировавшие растения, овощные культуры, плодовые деревья и ягодные кусты, почему-то именно здесь стали вырастать до гигантских размеров. Ягоды смородины достигали тут в размере футбольного мяча, а картофелины вырастали величиной с небольшой автомобиль, вот только обычному человеку в наш чудо-огород лучше не соваться.

Поэтому, когда мы въехали в магистральный тоннель, пленные пиндосы вытаращили глаза, когда увидели овощи, фрукты и ягоды гигантских размеров, лежащие в кузовах грузовиков, которые мы обгоняли. Полковник Николаев, ехавший в одной машине со мной, зачарованно глядя на яблоки диаметром больше полуметра, спросил:

- Лют, наверное только муты могут их есть?

- Не угадал, - ответил я и, изловчившись, стащил огромное спелое яблоко, - теперь, Боря, ты можешь смело трескать наши

продукты, но учти, - добавил я разламывая яблоко, - косточки и всякие там зёрнышки, это святое. Понимаешь, Борис, там наверху образовалась удивительная экосистема. Она почти разумная, а потому каждого младенца нужно обязательно вернуть домой, к его мамаше. Ну, это, конечно громко сказано, яблоня, вырастившая это яблоко, примет любое семечко, но мы именно так и делаем, чтобы не сердить растения.

Достав из планшета пластиковый пакет, я извлек из яблока две половинки его сердцевины с семенами размером с куриное яйцо, упаковал их и мы принялись трескать вкуснейшее, сладкое и сочное яблоко. Его вкус очень понравился Борису. Отдуваясь, он спросил:

- Лют, а это правда, что в Бешеный огород человеку не стоит даже пытаться войти? Я слышал, что растения там очень опасные.

- Да я и сам туда ни за что не сунусь, - ответил я своему новому другу, с которым был знаком уже дней десять, - там даже Васильку делать нечего, Боря. Бешеный огород признаёт только тех мутов, которых знает с первого дня. Ну, и ещё их детей и внуков. Наши учёные говорят, что он ещё совсем ребёнок, но уже сейчас способен обеспечить своими дарами добрую половину мутов. Поэтому не удивляйся тому, что именно его мы охраняем так тщательно. После того, как пиндосы разбомбили Уфу, на эту землю не упало ни одной бомбы, ведь Бешеный огород защищают наши самый могучие летуны. Его если чем можно взять, то только ракетой с термоядерной боеголовкой, а их пиндосы против нас к счастью не применяют.

Добравшись до Ямантау, мы сразу же отправились на наш главный полигон, расположенный в недрах горы Малый Ямантау. Это был подземный зал длиной в семьсот пятьдесят, шириной в пятьсот и высотой в двести пятьдесят метров. Наверное это была самая огромная рукотворная пещера в мире. Нашим вооруженцам она была нужна для того, чтобы испытывать в ней реактивные двигатели для летунов и стрелковое оружие. Мы же хотели продемонстрировать на этом полигоне пиндосам свою мощь. В Ямантау все было готово. На полигон прибыло две сотни молодых солдат, облачённых в тяжелые боекостюмы. Все они были парнями два метра роста и выше. Помимо солдат тяжелой пехоты позади них выстроилась сотня действительно больших мутов, самый маленький из которых был с меня ростом.

Но и это ещё семечки, позади них стояли муты-гиганты, молодые парни почти семиметрового роста. Мы решили показать пленным всего два отдельных штурмовых отряда, в каждом из которых несли службу по десять мутов-альбиносов. На мой взгляд все они, в отличие от обычных мутов-ветеранов, были еще

салагами, но в бой эти парни рвались так, что удержать их в Атомном крае становилось делом весьма и весьма сложным. Поэтому Профессор принял решение отправить на передовую всех тех ребят, которым уже исполнился двадцать один год, да и то лишь потому, что я заверил его, что в течение ближайших трёх лет мы сможем так запудрить пиндосам мозги, что они если и будут на нас нападать, то лишь изредка, не пуская в ход свои основные ударные сила, а они у них, как мы теперь знали, уже имелись. В общем я решил показать им всю тщетность их жалких потуг начать с нами тотальную войну.

Бойцы тяжелой пехоты были вооружены пулемётами с вращающимися блоками стволов калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. Это была наша собственная разработка. От китайцев мы получали только блок стволов, зарядное устройство и электронную систему наведения, после чего уже наши мастера превращали этот пулемёт в ранцевую стрелковую систему, позволяющую вести стрельбу с плеча в положении стоя или с колена, а также со спины в положении лёжа. Весь комплекс вместе с девятью сотнями патронов весил триста семьдесят килограммов, а потому обычный человек не мог из него не то что стрелять, а просто носить его на себе. Наши же парни справлялись с этим оружием играючи. Жаль только, что мы могли вооружить такими пулемётами лишь пятую часть нашей армии. Большие муты были вооружены револьверами "Волына", а также шестиствольными авиационными пушками калибра двадцать четыре миллиметра и ручными ракетомётами. Точно так же были вооружены и муты-гиганты, но они несли на себе втрое больший боекомплект.

В качестве мишеней я приказал использовать бронеплиты со сбитых воздушных крейсеров, так как именно из прочнейшего бериллиево-титанового наносплава, отличавшегося необычайной лёгкостью, были изготовлены тяжелые экзоскелеты врага. Все наши парни также были облачены в рыжевато-бурую органическую броню, вот только она была намного прочнее пиндосовской. Пленным было приказано подняться на трибуну. Перед этим нескольким лётчикам были вручены их собственные видеокамеры. Мы сели по бокам и выше пиндосов, но и перед ними открывался практически весь, не такой уж и большой, полигон. Мишеней у нас было мало, всего три десятка, так как каждый кусок берллиево-титановой наноброни шел в дело, из неё вырезали наиболее ответственные детали стрелковых комплексов.

Первыми отстрелялись из крупнокалиберных пулемётов, причём очень метко, ветераны. Когда техники принесли пораженные ими мишени, пиндосы пришли в ужас. Их словно

кислотой проело и в центре каждой зияла дыра размером с мой кулак. Потом десять больших мутов изрешетили точно таким же образом ещё десять мишеней, но на этот раз техники были раза в три злее из-за большего размера дыр. В завершении стрелкового шоу десять юных мутов-гигантов показали пиндосам, что такое сдвоенная снайперская стрельба из двух "Волын" на дистанции двести пятьдесят метров. В правой руке у каждого была "Волына", заряженная снарядом из обеднённого урана, а в левой со снарядом-ударником из сплава карбида вольфрама, кобальта и карбида титана. Хотя парни стреляли "патронами" повышенной мощности, никто из них не "сел" на задницу. На этот раз технари были довольны, так как в центре каждой мишени толщиной в сто двадцать миллиметров зияла аккуратная круглая дыра. Не до смеха было лишь пиндосам.

Следующим пунктом нашей программы шло испытание на прочность брони солдат тяжелой пехоты. Ветераны стали тянуть жребий и вскоре перед Васильком встало двенадцать здоровенных мужиков. Они изготовились и капитан Вереск принялся методично расстреливать их самыми обычными стальными болванками, какие применяли против нас пиндосы, так как в подавляющем большинстве все их крепости были оснащены электромагнитными пушками. На ногах не смог устоять никто. Всех парней смело, словно вихрем, но уже через три, четыре секунды они поднимались на ноги, разворачивались и открывали огонь по мишеням. Когда они отстрелялись и подошли к трибуне, пленные с ужасом увидели, что на их нагрудных кирасах лишь образовались не такие уж и глубокие вмятины.

Броня больших мутов спокойно выдерживала выстрел из ракетомёта ракетой с кумулятивной боеголовкой, но если честно, то это было не самое эффективное оружие против наземных движущихся крепостей и воздушных крейсеров. Применять же для уничтожения одного единственного мута сверхмалые термоядерные боеприпасы не стали бы даже пиндосы, у которых всяческого добра, как у дурака махорки. У нас же они и вовсе были на вес золота или чего-либо куда дороже, чем этот драгоценный металл. После этого оба отряда показали нашим пленным, как быстро и ловко они могут перемещаться на поле боя, а в завершение муты-гиганты продемонстрировали им свою колоссальную физическую силу. Не думаю, что их железные монстры смогут рывком поднять каменную глыбу весом в пять тонн и зашвырнуть её на пятьдесят метров.

Переночевав в Ямантау, мы поехали в Бешенный сад, где из специального укрытия показали пиндосам, как мутировавшие яблони, груши и вишни раздирают своими ветвями-щупальцами

освежеванные туши молодых гор-быков. Посмотрев на плотоядные деревья и прочие растения, которые не смотря ни на что приносили столь вкусные плоды, наши пленные начали мысленно молиться, так как решили, что кого-то из них отдадут на съедение этим жутким монстрам, но они ошиблись. Иначе зачем нам тогда было снова вручать им видеокамеры? Нет, это всё была только демонстрация и она на этом не завершилась, так как вслед за этим мы показали американским лётчикам из элитной дивизии наши живые подводные лодки, в которые превратились осётры, а их водители объяснили им, что они могут погружаться практически на любую глубина и способны доставить груз массой в двадцать тонн в какую угодно точку мирового океана. Может быть не так быстро, как субмарины пиндосов, зато совершенно незаметно, так как путь на север для нас был полностью открыт.

Мы ничего при этом не объясняли и не рассказывали. Просто показывали всё то, чем были богаты. В том числе и колонны наших солдат, которые в быстром темпе шагали по широкой, тридцать метров, подземной магистрали на запад. Наша новая армия выдвигалась на позиции, а точнее распределялась по всей стране, чтобы прикрыть наземные сельскохозяйственные плантации и подземные города. Видели они также множество репортёров, а тем, в свою очередь, было разрешено снимать пленных и брать у нас интервью, из которых пиндосы узнали, что мы намерены обменять их на двадцать восемь воздушных крепостей с битком нагруженными контейнерами. Только после этого они повеселели и стали тишком переговариваться друг с другом, но их "экскурсия" ещё не закончилась.

Следующим номером нашей культурно-развлекательной программы была встреча двух "братских" родов войск, лётчиков, способных пилотировать гигантские реактивные конвертопланы и летунов, которые освоили технику полёта с реактивными двигателями. Впрочем, эти долговязые, до пяти метров в высоту, парни с огромными животами, в которые помещалось до двух тонн воды, и овальными складчатыми мантиями, возвышавшимися у них над головой на три метра и волочившимися ещё на пять по полу, вовсе не собирались показывать им своё лётное мастерство. Как и я, летуны тоже были прирождёнными "электриками" и умели стрелять с обеих рук мощными электромагнитными импульсами. Перед полётом они превращали свои пелерины в дисковидный дирижабль длиной в сорок, пятьдесят метров, после чего засасывали в себя воду и могли лететь в двух режимах, медленно, с силой выбрасывая воздух через щели ниже хрящеобразных рёбер, и втрое быстрее,

разлагая воду на водород и кислород, чтобы она сгорая в их заднице создавала реактивную тягу.

Да, но ведь теперь очень многие старые летуны, которые, похоже, не имели приделов роста, цепляли к своим ногам по реактивному двигателю и потому их скорость с максимальных ста семидесяти километров увеличилась до шестисот, что позволяло им за считанные минуты подняться на высоту в тридцать пять километров и по двое, трое суток парить в небе. Три года назад летуны стали получать сверхлегкое навигационное оборудование и радары, что превращало их в весьма грозную силу против вражеских самолётов. Поскольку их было очень трудно заметить в небе и еще труднее сбить, через какое-то время пиндосы обязательно потеряют тотальное превосходство в воздухе и тогда им придется туго. Жаль только, что против их спутников мы пока что не имели никакого оружия, но и эта проблема скоро будет решена. В любом случае пленные задумались.

Глава 7. Космический ракетоносец "Джордж Вашингтон"

Последнее, что увидели пленные пиндосы - подземный завод, на котором собирались термоядерные устройства. То, что мы предложили нашим теперь уже настоящим союзникам нестандартное средство доставки, полностью сняло все их трудности. Более того, мы предложили им ещё и надёжную антирадиационную защиту, а вместе с ней такую систему подрыва термоядерных зарядов, которая гарантировала нанесение мощнейшего удара по самым крупным городам Северной Америки и, главное - Новой Зеландии. Это были простейшие ретрансляторы ультразвука, которые нужно было всего лишь установить один от другого на расстоянии в двадцать-двадцать пять километров на подходящих вершинах подводных гор. Если учесть, что скорость звука в воде может достигать на больших глубинах двух километров в секунду, то такая система подрыва полностью снимала все вопросы.

Перед этим пленным лётчикам показали копателей-подводников и сказали, что они способны погружаться на любые глубины, что было чистой правдой. В Новую Москву они уже не вернулись. Мы перевезли пленных в Новую Пензу и уже оттуда я отправился в Бешеный огород. На западном побережье Новой Земли спешно завершали работы по подготовке к испытанию нашего термоядерного устройства. Ученые-ядерщики заверили нас, что мощность взрыва будет не менее трех мегатонн и что пиндосы его моментально зафиксируют. О грядущем взрыве говорилось с такой уверенностью, что я невольно стал думать о том, как придумать ещё что-нибудь настолько масштабное, чтобы пиндосы взвыли. Испытания могли состояться уже через пять

дней, так как с десяток термоядерных устройств уже были полностью готовы к взрыву, но я попросил ядерщиков не торопиться с ними.

Увы, но только не нам с нашими нищенскими ресурсами было пугать весь остальной мир и всё-таки мне пришла в голову одна безумная идея. Сам Бешенный огород меня не интересовал, а потому я сразу же поехал на нашу подземную авиабазу, где жили летуны и другие муты, которые их обслуживали. Едва выбравшись из кузова тоннельного грузовика, я сразу направился в штаб, чтобы поговорить там с полковником Нырком Громом. Годков ему было даже побольше, чем Профессору, но у мутов все просто и потому я сразу же спросил:

- Нырок, на какую высоту ты сможешь поднять меня?

Полковник Гром был верзилой за пять метров ростом, но был чуть ли не вдвое легче меня. Озадаченно почесав свой почти орлиный нос длинным и гибким указательным пальцем, а их у летунов свободных всего два, так как остальные три имеют в длину метров по восемь и служат для того, чтобы раскрывать перепончатые, как у летучей мыши, крылья, Нырок грубовато поинтересовался:

- И на кой хрен ты мне в воздухе сдался, Лютик?

- Чтобы выследить в космосе пиндосовский спутник и сбить его, Нырок. - ответил я - Понимаешь, я их вижу даже с Земли, но не могу ударить широким лучом ЭМ-импульса, атмосфера его сильно ослабляет, а если мы поднимемся на высоту километров в тридцать вместе с десятком, другим летунов, то тогда сможем сбить не то что спутник-шпион, а даже патрульный ракетоносец пиндосов.

В большом зале, где находилось еще десятка полтора летунов, сразу же сделалось тихо. Нырок наклонился ко мне и спросил:

- Сколько ты весишь, Лютик? Хотя неважно, про свой вес ты можешь забыть. Я могу отправиться в полёт с минимумом воды. Обычно я беру два куба с четвертью, но обойдусь и полутора кубами.

Я тут же улыбнулся:

- Нырок, я полечу голым, с одной только кислородной маской. Ты же сможешь обеспечить меня кислородом в полёте?

- Глупости! - резко возразил полковник Гром - Ты не летун и потому обязательно замерзнешь. Выше тридцати километров даже я стараюсь не залетать, а на этой высоте температура воздуха минус сорок шесть градусов, но сначала нужно преодолеть куда более холодные зоны. Ничего, это мелочи жизни. Вырастить термоскафандр с электроподогревом ты все равно не

сможешь, но его ведь могут для нас пошить люди? Так ведь, майор Бор? Ладно, пошли на взлетную площадку, подумаем над тем, как тебя ко мне привязать.

На авиабазу я специально уехал один, у братьев Вересков и без меня хватало хлопот, но поскольку мы были связаны ментально, Василёк тут же переговорил с Профессором и не успел я подняться на плоскую, мощёную камнем верхушку громадного, но невысокого холма, там появилась целая группа офицеров, людей и мутов, поднявшихся на холм на двух электромобилях. Подойдя ко мне, они широко заулыбались. Вместе со мной и полковником Громом на вершину холма поднялось ещё десятка три летунов. Весь холм был утыкан пятидесятиметровыми опорами, поддерживающими маскировочную сеть, и усеян продолговатыми, овальными, глубокими лунками. К каждой была подведена водопроводная труба.

В отличие от копателей у летунов не сильно изменились пропорции тела, разве что у них были куда более широкие плечи и грудная клетка походила на треугольник. В результате трансмутации у них на спине выросли кожистые, полупрозрачные мешки для водорода, по бокам из-под рук до самых щиколоток крылья, спереди кожистые мешки для воды. Ещё их тела сделались голубого цвета спереди и буровато-зелёного сзади, и ещё длинные хвосты с прочными хрящами вместо костей. Они были частью их водородных аэростатов.

Проще всего им было взлетать в воздух с поверхности какого-нибудь водоёма, озера или реки с плавным и медленным течением, но об этом не приходилось даже и мечтать. Поэтому летуны ложились на свой водяной мешок, из которого выливали воду полностью только тогда, когда ложились спать, поместив его в лунку, закачивали в себя воду, разлагали её на кислород и водород, а на последнем этапе, когда уже почти поднимались в воздух, снова закачивали воду и уже после этого, раздув свой аэростат почти до максимума, медленно вылетали из-под маскировочной сети. Это я видел неоднократно у себя дома, в Фиолетовом кратере, и когда полковник Гром стал придирчиво оглядывать меня, я насмешливо сказал ему:

- Не ломай голову понапрасну, Нырок, я давно уже всё продумал, - сбросив с плеч рюкзак, я стал объяснять, раздеваясь до трусов, так как первый полёт всё равно будут тренировочным, - ты сейчас спокойно заляжешь в свою лунку и когда поднимешься в воздух, то немного пролетишь вперёд и парни притянут тебя к земле. Я же надену на себя сбрую и лягу на землю. Её верхнюю часть пристегнут к твоей шее, а нижнюю к реактивному пристяжному двигателю. Думаю, что так и тебе будет удобно

лететь и я смогу целиться, когда ты перевернёшься кверху пузом. Тебе ведь не привыкать к этому.

Нырок гулко и раскатисто рассмеялся:

- Лют, это нашим женщинам к не привыкать так парить, но ты знаешь, иногда и я летаю спиной вниз, так что всё в порядке.

Через полчаса полковник Гром был готов отправиться в полёт, но его ухватили за крылья десятка полтора людей, четверо мутов подняли меня вверх и прижали к его водному пузырю, двое навесили на шею летуна широкий хомут, подбитый мехом, а ещё двое привязали ремни к креплениям реактивного двигателя от беспилотника, который находился у него между ног. Он, как бы стоял на отходящих от него консолей. Из-под рёбер, где находились естественные воздушные дюзы летунов, к нему шли серебристые шланги воздушных нагнетателей. Нырок закачал в хрящи рук и ног водород, отчего сделался намного массивнее на вид, открыл верхние дыхала своих мощнейших лёгких, способных поспорить не то что с кузнечными мехами, а даже с мощным нагнетателем воздуха. Как только он поднялся ещё выше, кто-то из летунов надел ему на голову гермошлем и я, отдав парням внизу честь, отправился в первый в своей жизни полёт.

Летун, быстро набирая скорость, вылетел через щель из-под маскировочной сети и с набором высоты полетел на восток. Уже через три минуты мы поднялись на высоту в полтора километра. Над нами плыло по небу огромное кучевое облако, занимавшее собой чуть ли не половину площади Бешенного огорода. Под ним-то полковник Гром и стал показывать мне, на что способны летуны, а летать они умели на славу. Вскоре он резко взмыл вверх и мы полетели над облаком. Хотя Василёк находился в нескольких сотнях километров от нас, он давал мне возможность без малейших помех вести телепатическую беседу с Нырком и другими летунами, поднявшимися в небо. Вскоре я заметил, что к нам приближаются три беспилотника и вырубил их электронику узко направленным лучом ЭМ-импульса. Полковник даже мысленно крякнул от удивления:

- Ты отличный стрелок, Лют, и глаза у тебя зоркие. Если бы Василёк не передал мне то, что видишь ты, я вы их ни за что не разглядел с такой дистанции. До них же было километров двадцать пять.

- Тридцать два, Нырок, - уточнил я, - и Проф мне только что сказал, что пора вас начать модифицировать.

Полковник Гром недовольно проворчал в ответ:

- Глупости говоришь, парень. Мы с самого первого дня были идеальными летунами, так что нам никакие модификации не нужны.

- Ныряй в облако, старый пень, и затаись в нём, - огрызнулся я в ответ и добавил, - пора тебе посмотреть на небо моими глазами.

Через пару минут я уже не висел на сбруе, а лежал на водяном мешке. Для того, чтобы настроиться на электромагнитное видение, мне даже не требовалось снимать очки. Поэтому уже очень скоро картина мира передо мной изменилась. Я видел, как струятся высоко в небе потоки солнечного ветра, отраженные магнитным полем. Видел циркуляции в самом магнитном поле, а также возмущения в ионосфере, вызываемые космической пылью. Вместе с солнцем я видел также звёзды. Видел я и спутники врага, точнее всю их электрическую начинку. Добавив рентгена, я стал видеть и сами спутники, но они были очень маленькими, так как пролетали на высоте шестьсот, семьсот километров и выше. Картинка была очень чёткой, так как на этой высоте было меньше пыли и электромагнитных наводок. Рядом с нами парили другие летуны, которые также видели всё, что им передавал Василёк. Через несколько минут пораженный Нырок Гром сказал:

- А вот такие глаза нам точно не помешают, Лют. Надеюсь, Профессор сможет разработать для нас такой мутаген? Со всем остальным, о чём ты думаешь, я категорически не согласен.

- Ага, как же, - рассмеялся я, - ребята, Проф говорит, что он может избавить вас от крыльев, водяного брюха и водородного горба, но летать вы при этом будете ничуть не хуже. Просто у каждого будет персональная летающая корова, которая станет поднимать вас в воздух. В общем вы будете надевать её на себя, как ранец. Понимаете, когда Мак и Василёк рассказали ему о моей затее, он быстро провёл мозговой штурм и его команда выяснила, что не менее семидесяти процентов летунов сможет обрести точно такое же зрение, как и у меня, а это совершенно новый этап для вас, как для военлётов. В результате вы станете, как и я, белыми большими мутами, но при этом останетесь всё теми же летунами, но летать станете в паре с коровами.

- Не знаю, Лют, может Проф и прав, но если честно, я всё же не в восторге от его идеи, - задумчиво и уже куда спокойнее ответил мне Нырок, - хотя с другой стороны летающие коровы прекрасные телепаты и очень дружелюбные животные. К тому же они очень сообразительные и частенько помогают нам в борьбе с беспилотниками, но самое главное, они чертовски живучие и могут летать по полмесяца кряду, питаясь одним только воздушным планктоном, которого полно в дождевых тучах. Мы так, к сожалению, не умеем.

- А вам это и не нужно, старина, - усмехнулся я, - вы же муты,

а не летающие коровы. Думаю, что уже через полгода вы начнёте одомашнивать этих воздушных бродяг. В небе над Атомным краем от них скоро тесно станет, но они ведь летают над всей Россией, а если учесть, что воздушный планктон с дождём на землю не падает, то с мутами полетят куда угодно. Так, на сегодня хватит, летим домой.

Домой полетели только Нырок и я, а остальные летуны взмыли высоко в небо и продолжили барражировать воздушное пространство над Бешенным огородом, который, между прочим, выделял в атмосферу всё больше и больше воздушного планктона. Он тоже стоял у нас на учёте, причём в первую очередь в качестве оружия, химического и бактериологического. Я попросил Нырка спуститься вниз вовсе не потому, что мне надоело летать. Дело в том, что Профессор, обсудив всё со своими коллегами, срочно выехал из Новой Москвы к нам на авиабазу. С его прибытием, а вместе с ним приехало ещё человек сто людей и три сотни мутов, началась куда более серьёзная подготовка, чем я поначалу ожидал. Уже через три дня для меня пошили удобный высотный термоскафандр, изготовили отличный гермошлем и четыре баллона для сжатого воздуха, но что самое главное, передо мной поставили куда более важную задачу, из-за которой был на довольно продолжительный срок отложен взрыв на Новой Земле.

Его было решено произвести ровно через сутки после того, как мы собьём едва ли не самый главный космический корабль врага, боевой, ударный ракетоносец класса "Космический громовержец", а это тебе не какой-то там патрульный ракетоносец. Таких громадин у пиндосов было всего семь и они пролетали над нашей территорией через каждые три часа, но всякий раз по другому маршруту, заходя с востока и двигаясь на запад. Хотя у людей имелось всего несколько десятков телескопов, в ходе многолетних наблюдений все они были довольно хорошо изучены. Чтобы сбить один из этих термоядерных ракетопланов, похожих на стратегический бомбардировщик типа летающее крыло, только с размахом крыльев метров в четыреста, в середине ноября мы должны ждать его на Дальнем Востоке.

Если мы успеем долететь до Сахалина к половине второго дня и изготовиться к атаке, то один из "Космических громовержцев" пролетит над нами на высоте всего в двести десять километров, а это просто прекрасная дистанция для ЭМ-импульса, ведь до этой громадины будет не более ста восьмидесяти километров. Его, конечно, можно будет перехватить в любой другой точке, но баллистики утверждали, что в таком

случае космический корабль упадёт вместе с грузом ракет в тундре под Нарьян-Маром и со стопроцентной гарантией достанется нам пусть и в виде обломков, но и это ещё не факт. Корпуса даже у воздушных крейсеров невероятно прочные, так что тогда говорить про боевой космический корабль? Правда, у наносплава был большой недостаток, он почти не защищал технику от ЭМ-импульса.

Если сразу после падения "Космического громовержца", минут эдак через тридцать, будет взорвано на Новой Земле ещё и термоядерное устройство, то пиндосам точно не захочется рисковать и максимум, что они сделают, это станут наблюдать за нами из космоса. Да, но если мы собьём космический ракетоносец, то вместе с ним скорее всего выйдут из строя ещё и минимум четыре, а то и все семь спутников. Всё будет зависеть от мощности нашей ЭМ-импульсной атаки. А потому было принято решение, что вместе со мной и полковником Громом в этот рейд далеко за пределы Новой России отправится ещё пятьдесят пять самых старых и опытных летунов, обладающих ещё и самой большой мощностью. Ровно за двое суток, под вечер, мы вылетели на задание. Первое время мы летели под плотным слоем облаков, затянувших почти всю Сибирь, но сразу за Байкалом, никем не замеченные, поднялись на высоту в тридцать два километра.

Начиная с этого момента нам везло. На больших высотах дул попутный ветер и мы прибыли в район Сахалина на четырнадцать часов раньше, сэкономив и воду, и ракетное топливо. Поднявшись над островом на высоту в тридцать четыре километра, запасы воды позволяли, мы сразу же построились в боевой ордер в два ряда таким образом, чтобы излучающая дорожка имела в длину четырнадцать километров. Подняться выше нас заставил опять таки ветер, точнее его почти полное отсутствие на этой высоте. Паря почти неподвижно, мы принялись ждать, попутно ведя наблюдения. Моя команда находилась в это время на нашей Байкальской базе, а потому у нас имелась устойчивая связь с центром, но братья Вересни могли и не ехать туда.

Снизу мы были практически невидимы, ведь полупрозрачные аэростаты летунов не отражали радиоволн, а сверху нас очень удачно прикрывали серебристые облака, которые нисколько не мешали мне наблюдать за космосом. Две недели тренировок не прошли даром. У меня значительно, раз в пять, увеличилась острота зрения и теперь я мог видеть даже небольшие и весьма отдалённые космические объекты. Первыми были по большей части космическим мусором, а вторые спутниками на очень высоких орбитах. За четырнадцать часом их пролетело надо мной огромное множество и все они были зафиксированы нашей

космической разведкой. Ребята в Новой Москве ликовали, так как я умудрялся разглядеть спутники и космические корабли очень подробно и даже заглядывал внутрь, что особенно важно. При этом я ни на минуту не забывал о нашей главной цели.

Наконец я увидел приближающийся ракетоносец. Одновременно с ним по куда более высокой орбите к нам летела ещё и огромная, километра четыре в поперечнике, космическая станция, похожая на колесо от телеги. Да и помимо неё в зону поражения ЭМ-импульса, а мы намеревались стрелять изо всех сил, попадало ещё двадцать семь объектов из которых четыре точно были пилотируемым космическими кораблями с людьми на борту. О том, что на борту космической станции находилось не менее трёх тысяч человек, и вовсе не приходилось говорить. Мне их не было жалко. Мы ведь тоже несли потери и к тому же много десятилетий подряд. Поэтому никто из нас даже не сомневался в том, что мы должны, просто обязаны нанести по врагу сокрушительный удар, что и было сделано чётко и слажено.

На первый взгляд ничего не произошло, хотя мы с пулемётной частотой излучали ЭМ-импульсы в течение целых пяти секунд. Когда же ракетоносец пролетел над нами со снижением, таковы были параметры его орбиты перед грядущим манёвром, который его экипажу уже не было суждено выполнить, я стал внимательно рассматривать космическую станцию и летевшие от неё во все стороны корабли. Почти вся электроника на них сдохла и на их борту явно царила паника. Прямой угрозы жизни людей наша атака из себя не представляла, но судя по всему как космические корабли, так и станцию можно было списать в утиль. Что же, теперь у пиндосов появится весьма важная и серьёзная задача - спасать своих космонавтов.

Куда больше от нашей атаки пострадали спутники, некоторые из которых сразу же стали кувыркаться. Они, похоже, выполняли в момент атаки какие-то манёвры и вместо секундного импульса маневровые двигатели будут теперь работать до тех пор, пока не израсходуют топливо. Что же, тем самым они только добавят пиндосам хлопот. Им нужно будет пересчитывать заново параметры всех орбит, чтобы избежать столкновения с грудой металла размером с большегрузный автомобиль, да ещё и оснащённой огромными крыльями солнечных батарей. Более того, три спутника очень удачно направились к Земле и где они теперь упадут нам было неведомо. Однако, самое главное заключалось в том, что нас так никто и не заметил. У меня имелся с собой небольшой, широкополосный сканер и я очень обрадовался, когда услышал по радио взволнованные крики:

- Мэй дэй, мэй дэй, говорит командир корабля "Джордж

Вашингтон"! У нас на борту нештатная ситуация, вырубилась электроника и погорела вся проводка. Мы полого спускаемся... О, дьявол, скорее падаем на Землю. Парни, не могу включить маневровые дюзы и скорректировать орбиту. Мы падаем, храни господь наши души. По-моему это был мощный электромагнитный импульс.

Это были последние слова, которые я услышал с борта ракетоносца "Джордж Вашингтон". На его борту сложилась катастрофическая ситуация, ведь уже через несколько секунд космический корабль должен был приступить к выполнению маневра, чтобы полететь по заранее запланированному маршруту на высоте в двести десять километров, то есть скорректировав орбиту. Мы не дали экипажу "Джорджа Вашингтона" выполнить этот маневр и теперь он будет полого снижаться до тех пор, пока не совершит жесткую посадку перед Нарьян-Маром, точнее его руинами, ещё толком не разобранными. Над этим северным городом на берегу Печоры вот уже третий день бушевала метель и он был накрыт плотным слоем облаков. Там собралось множество народа. Одних только мутов-гигантов туда прибыло больше двух тысяч, но самое главное, туда пригнали огромное стадо воздушных коров и прибыло почти пять тысяч летунов.

Если ракетоносец не развалится на куски, они поднимут его и перенесут по воздуху в одну из ложбин Тиманского кряжа, где уже была готова площадка и маскировочная сеть над нею. Заполучить для изучения пиндосовский космический корабль стало для наших учёных задачей первостепенной важности и особенно ликовали люди. Инженеры и техники клялись, что они обязательно его отремонтируют и тогда у нас будет свой боевой космический корабль. Честно говоря, я не разделял их радости. Как по мне, так лучше распилить его на куски и пустить в дело, на производство оружия, но с другой стороны они, возможно, и правы. Думаю, что теперь, когда летуны поняли, что им не стоит цепляться за старое и пора начать использовать в качестве дирижаблей летающих коров, которые, кстати, произошли от домашних свиней, в то время, как дикие кабаны превратились в гора-быков, они согласятся пойти на корректирующую трансмутацию и начнут сбивать не только самолёты врага, но и его спутники.

Проследив за полётом ракетоносца, я стал пристально вглядываться в космическую станцию и вскоре понял, что это был военный космический объект, оснащённый шестью какими-то огромными излучателями, направленными вниз. Её нам не удалось вырубить полностью, хотя шороху мы навели прилично. С борта станции непрерывным потоком шли какие-то донесения, но

я не мог их расшифровать и потому, подумав немного, предложил летунам:

- Ребята, давайте добьём эту сволочь. Не нравится она мне.

- А, уж, как мне не нравится. - хохотнул в ответ Нырок и "зычно" скомандовал: - Парни, хорошенько прицелились, огонь!

После второго ЭМ-импульса все огоньки на станции погасли, она погрузилась в темноту и замолкла. Паника, судя по всему, резко увеличилась, а мы полетели домой. Нас так никто и не заметил. Зато пиндосам было хорошо видно сверху, как летит к Земле их огромный боевой космический корабль. Мы этого не видели своими глазами, но наши наблюдатели, выстроившиеся в ряд вдоль траектории падения "Джорджа Вашингтона", рассмотрели всё в деталях. Когда космический крейсер вошел в плотные слои атмосферы, явно автоматически включилась плазменная защита корпуса, так как он стал сверкать, словно электросварка, чего не могло быть без неё. Что же, это нас всех только порадовало. Всё прошло, как по писанному. Полого снижаясь, космический корабль, достигнув зоны метели, принялся подпрыгивать на ней, как колесо на булыжной мостовой и потому приземление было куда более мягким, чем считали наши баллистики.

По заснеженной тундре он скользил километров двадцать пять, пока не остановился, уткнувшись носом небольшой пригорок на сухом месте. Из Нарьян-Мара к нему помчалось сквозь метель множество народа. Муты-гиганты, которым не были страшны никакие сугробы, бежали, неся на своих плечах копателей, стальные решетчатые конструкции, бухты канатов и белые маскировочные полотнища. Первыми до ракетоносца добрались всё же большие муты. Именно они определили, что экипаж, а это было семьдесят три человека, жив. На всякий случай они нанесли по ним превентивный акустический удар, чтобы пиндосы даже не пытались корчить из себя крутых героев. После этого началась операция по переброске ракетоносца за Тиманский кряж и заметанию следов. Там уже вовсю готовились к его приёму. На месте было решено ничего не делать, даже не стремиться проникнуть внутрь. На нашу новую космическую базу "Тиман" прибыли сотни копателей с вращёнными в руки-резцы алмазами, которые могли бурить тоннели даже в граните, но там породы были послабее.

От ложбины реки Мезень до горы Четласский камень они должны были пробить самый широкий тоннель, чтобы под ней можно было спрятать наш будущий подземный космодром. Нам очень повезло, так как от бывшей Ухты до развалин Архангельска и Северодвинска, где чуть ли не под самой стеной мы резали на

металл старые корабли, был проложен широкий магистральный тоннель, идущий к Новой Москве. Это существенно облегчало нашу задачу. Мне, между тем, следовало поторопиться, хотя на базу "Тиман" уже были доставлены большие муты, обладающие точно таким же зрением, как и у меня. Мне, в отличие от них, уже приходилось иметь дело с техникой пиндосов и потому я лучше них мог найти способ, как открыть люк космического корабля не повреждая его корпус. Поэтому на обратном пути мы развивали максимальную скорость и через восемь часов были на месте.

За это время копатели прорыли под ракетоносцем десятки тоннелей, в них вставили стальные несущие конструкции, привязали к ним сотни прочных канатов и космический корабль, накрытый белым полотнищем, не смотря на метель был поднят в воздух. Уже через три часа после нашего прибытия на базу "Тиман" он был доставлен туда и опущен на множество высоких кильблоков, чтобы его можно было осмотреть снизу. На мой взгляд рабочие, построившие это укрытие всего за двенадцать дней, совершили куда больший подвиг, чем мы, не говоря уже про тех рабочих, копателей и летунов, которые обеспечили переброску огромного космического корабля на базу "Тиман", а ведь это было только начало. Как только ракетоносец опустили на кильблоки высотой в пять метров, я сразу же поднялся на верхнюю плоскость и принялся искать вместе с молодёжью стыковочный модуль, о чём меня попросили инженеры.

Москвичи не ошиблись. Едва я нашел стыковочный модуль и, пользуясь прочной фомкой, откинул защитную панель размером пять с половиной на шесть метров, тут же выяснилось, что его можно открыть снаружи. Так он был устроен. Через пять минут, слегка поднатужившись, я смог посветить вниз фонарём. Нам открылся вид на цилиндрический внутренний тамбур, в котором также имелся ручной механизм для открытия шлюза. Внутрь вражеского космического корабля я вошел первым. Вдруг кто-нибудь очнётся и начнёт палить во все стороны или того хуже, возьмёт и застрелится. Спрыгнув вниз, я оказался в круглом, длинном тоннеле-коридоре диаметром метров в пятнадцать, по обе стороны вдоль которого располагались в три этажа овальные люки, к которым вели лесенки-поручни. Точно такие же шли вдоль всего коридора, проходящего ровно посередине корабля от носа до кормы, но не на всю длину, а примерно на половину.

Первым делом я пошел в сторону кормы, где находился между маршевыми двигателями здоровенный трюм, как я понял, битком забитый контейнерами. Двинувшись в обратную сторону, я принялся открывать люки и заглядывать в каждый отсек, но только в двух обнаружил семнадцать членов экипажа, сидевших в

противоперегрузочных креслах. Одна группа из девяти человек находилась в столовой, а вторая в тренировочном зале с множеством эспандеров. Повсюду было темно, но только не для меня. Не горели даже фонари аварийного освещения и всё потому, что мы попалили на корабле все электрические сети, но это не привело к короткому замыканию и пожару. Сами то провода уцелели, а вот все контактные группы и прочие реле накрылись, но их можно было отремонтировать. Электроника и то пострадала меньше, о чём я сразу же доложил инженерам.

Похоже, мы по большей части обесточили корабль и тем самым превратили его в мёртвый кусок металла, но повреждения наши инженеры даже на первый взгляд сочли несущественными. Вскоре я добрался до пилотской рубки и увидел, что командир экипажа и вся вахта были облачены в массивные скафандры повышенной защиты. По всей видимости командир корабля до последней минуты держал связь с Землёй с помощью мощной рации, встроенной в его скафандр, но я не думаю, что это ему хоть чем-то могло помочь. Иллюминаторов на корпусе корабля не было ни одного, а без электричества сколько не пялься в обзорные экраны, ничего не увидишь. Зато без них корпус ракетоплана был намного прочнее и потому он не разбился.

Не смотря на то, что пиндосы были в скафандрах, инфразвуком их молодёжь вырубила самым капитальным образом и их приводить в чувство их пришлось часа три. Для них было большим шоком узнать, что они попали в плен к русским. Странно, но пиндосы всё ещё называли нас именно так, хотя и добавляли при этом множество весьма нелестных эпитетов типа грязные русские твари и похуже. Ну-ну, тем веселее будет нашим ребятам проводить полное телепатическое сканирование их пиндосовских мозгов. Между прочим, все члены экипажа были метисами, неграми и латиносами. Они считали себя элитой американской нации, в которой уже почти не было белых людей, и были очень горды собой, но не сейчас, а раньше. Наверное потому, что они и в мыслях не держали ничего подобного, им было так трудно поверить во всё произошедшее, но что было, то было.

Убедившись, что всё в полном порядке, я выбрался наверх и уставился в небо. Пиндосы изменили орбиты нескольких десятков своих спутников и нацелились их радарами на место падения. Похоже, что они прошляпили тот момент, когда наши летуны перенесли ракетоносец с места падения за Тиманский кряж. Не думаю, что они смогут когда-нибудь найти его. Маскировочная сеть надёжно укрыла место временной стоянки этого огромного космического крейсера, одна только высота которого была

шестьдесят семь метров. Посмотрев на небо, я направился к корме, к которой уже была приставлена огромная лестница. Внизу, под кораблём уже начали выравнивать дорогу, ведущую к подземному ангару. Из него большие муты сплошным потоком выносили громадные мешки с грунтом, спускались в тоннель и относили его куда-то, чтобы не демаскировать это место. Скорее всего добытый грунт будет пущен в дело, ведь в нём было много титана, а может быть просто спустят в какую-нибудь реку.

Оглядевшись вокруг, я увидел большой балок и направился туда. Там я смог наконец поесть, после чего завалился спать. Когда же я проснулся, меня ждало множество новостей, но обо всём мои друзья рассказывали мне по дороге на ту базу, где находились пленные лётчики. Самой приятной новостью оказалось то, что нам посчастливилось захватить новейший тяжелый космоплан пиндосов, который впервые заступил на боевое дежурство пять дней назад и был сбит нами на своем восемнадцатом витке. Трюмы космического корабля были забиты под завязку, так как через неделю ему предстояло доставить груз на орбитальную станцию и груз очень для нас ценный, три автоматические линии, которые пиндосы собирались отправить на Марс. Судя по всему, теперь мы сможем изготавливать не только мощные аккумуляторные батареи, но и современное стрелковое оружие, так как по сути это был небольшой завод.

Помимо этого нам досталось двести шестьдесят четыре тяжелые ракеты со сверхмощными неядерными боеголовками. Из этого добра наших инженеров больше всего интересовали реактивные двигатели ракет, работавшие на жидком водороде. Такого добра, как водород, у нас вполне хватало, а наши летуны, едва взглянув на двигатели, сразу же сказали, что смогут с ними справиться, если, конечно, те не будут работать на полную мощность. Что же, овчинка явно стоила выделки, если учесть, что вся эта операция по сути встала нам в жалкие гроши. Однако, всё же самую большую ценность представляли из себя те знания, которыми обладали пиндосы, ведь среди них было семнадцать учёных. Их сразу же увезли в Новую Москву.

Командир ракетоносца "Джордж Вашингтон", сорокасемилетний генерал Джеймс Мастерсон, пришел в ужас, узнав, что находится в плену, а его корабль получил в общем-то незначительные повреждения, которые наши инженеры брались устранить всего за каких-то полгода. Как выяснилось, этот новейший космический корабль был вдобавок ко всему ещё и невидимым для радаров, но только не для моего зрения, как это в итоге выяснилось. Пиндосы, проанализировав наши действия в борьбе против их авиации, пришли к выводу, что у нас имеются

на вооружении радары и что мы сможем рано или поздно изготовить свои собственные зенитные ракеты, которые смогут сбивать их космические ракетоносцы и всё потому, что для успешного бомбометания они должны снижаться до высоты в восемьдесят километров и производить с неё пуски ракет, которые и были по сути авиабомбами, оснащёнными навигационными компьютерами.

Что же, узнав об этом, я только и мог, что лишний раз порадоваться нашей удаче. Шансы у нас были крайне малы, но мы добились самого главного и это был вовсе не сбитый ракетоносец. Как уже выяснили наши разведчики, которые сутками напролёт вели перехват вражеских сообщения по радио, вторым ударом нам удалось полностью вывести из строя боевую космическую станцию пиндосов, оснащённую волновыми пушками. Телепаты уже выяснили, что ими они могли сжигать внизу всё живое на площади в несколько десятков квадратных километров. Судя по данным радиоперехвата, мы мало того, что спалили всю электронику, так ещё и разрушали волновые пушки и без малого чуть ли не уничтожили термоядерный реактор, их питающий, а потому станция восстановлению не подлежит и теперь с неё в срочном порядке эвакуировали весь персонал. Большая часть людей также пострадала от нашего ЭМ-импульса, но ни мне, ни кому-либо ещё и в голову не пришло кого-то жалеть. С этого момента космос перестал быть для пиндосов самым безопасным местом в мире.

Глава 8. Возобновление ядерных испытаний на Новой Земле

Чтобы не нервировать командира воздушного крейсера лишний раз, очень уж он боялся Василька, я решил поговорить с ним с глазу на глаз. К моменту нашего разговора на Новой Земле всё уже было готово к взрыву термоядерного устройства. Копатели прорыли от полуострова Панькова в сторону Баренцева моря наклонный тоннель длиной в сто шестьдесят семь километров по направлению к Штокмановскому газовому месторождению, в конце которого, на глубине в тысячу сто пятьдесят метров от уровня моря, было установлено термоядерное устройство, а сам тоннель был забетонирован, чтобы продукты распада не вырвались на поверхность. Учёные говорили, что на в зависимости от мощности взрыва, в этом месте образуется вдобавок к тому, что глубина там и без того двести девяноста метров, провал глубиной от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти метров, в результате чего от Новой Земли в сторону Кольского полуострова, захваченного врагами, Норвегии, Гренландии, Исландии и Англии пойдет волна, которая достигнет также берегов Северной Америки.

Пусть и невысокая на мелководье, максимум в пять метров при взрыве в три мегатонны или немного больше, она причинит евроэсэсовцам и пиндосам большие беды. Самый большой урон будет нанесён норвежцами. Викинги вовсю добывали газ на Штокмане, установив там почти две сотни платформ, так что гореть им вскоре в огне. Достанется им также и на Кольском полуострове, причём так, что они очень сильно пожалеют о том, что посягнули на исконно русские земли и природные богатства России. Что же, как по мне, в этом как раз и заключается высшая справедливость. Будут знать воры, что за все свои преступления надобно платить.

Взрыв будет произведён по моей команде, которую я должен буду отдать во время разговора с полковником Гарри Бергманом. Этот сорокапятилетний верзила был лучшим другом, так он во всяком случае считал, генерала Роберта Симпсона, командовавшего Сто семнадцатой тяжелой воздушной дивизией. Именно с ним должен был установить связь командир тяжелого воздушного крейсера, а выглядел он неважно. За время моего отсутствия он осунулся, его лицо с тёмно-коричневой кожей посерело, а глаза были красными. Всю ночь полковника мучили кошмары, наведённые нашими телепатами. Полковнику снилось, что его пожирают плотоядные хищные яблони и груши, которые в данный момент свернули в клубок все свои ветви, приникли к земле и мирно спали после сытной осенней кормёжки.

Чтобы полковник не чувствовал себя слишком уж неловко в просторном пункте наблюдения и связи, специально оборудованном для этого ответственного разговора, я заранее сел в низкое кресло, стоящее позади большого стола. К тому же мою монументальную фигуру скрадывала мягкая полутень. Полковнику Бергману было приказано для встречи со мной надеть чистенький, отутюженный мундир с надраенными пуговицами, который был на борту крепости, и побриться, что он и сделал. Наручников на него не надевали, это было излишне, пиндосы носа боялись высунуть на поверхность и потому даже не помышляли о побеге. Из-за того, что по всей территории было разбросано множество маскировочных сетей, они считали что чуть ли не по всей нашей территории распространились мутации, а это было далеко не так. Что же, хотя бы в этом деле мы преуспели настолько, что ввели врага в заблуждение самым капитальным образом.

Как только полковник вошел в помещение, я негромко сказал на ломанном английском с сильным акцентом:

- Доброе утро, полковник. Надеюсь вы помните меня, я майор Лютик Бор, специальный уполномоченный президента Новой

России. Присаживайтесь в кресло и не удивляйтесь, что оно придвинуто к пульту дальней связи. Сегодня у вас будет возможность поговорить со своим руководством. Скажу сразу, мы намерены обменять вас на двадцать восемь тяжелых воздушных крейсеров с контейнерами, в которые будут загружены все те материалы, комплектующие и готовые изделия, перечень которых записан на диск, лежащий перед вами. В противном случае вы навсегда останетесь здесь. Навсегда это означает лет на сто пятьдесят, как минимум, так как в возрасте семидесяти пяти, а то и восьмидесяти лет вы будете принудительно подвергнуты трансмутации и проживёте ещё минимум сто лет. Вы поняли, полковник, что я вам сказал или мне повторить это ещё раз?

Лицо полковника сделалось синевато-серым с коричневатым отливом, так сильно он побледнел. Сглотнув слюну, он простонал:

- Господин майор, наше руководство никогда не пойдёт на это.

- Ещё как пойдёт, полковник Бергман, - усмехнулся я, - для начала я хочу показать вам одну видеозапись. Полагаю, что она покажется вам весьма интересной. А потом мы продолжим наш разговор.

Передо мной на столе лежала специальная клавиатура для больших мутов, изготовленная из рогового пластика. Поэтому я не рисковал расколотить её своими пальцами. Она не разлетелась бы на куски вздумай я использовать её в качестве дубины. Хотя работать на компьютере было для меня в новинку, я, поглядывая на проекционный экран, находившийся за пультом полковника, быстро нашел нужный файл и включил видеозапись пролёта ракетоплана над Россией. Она длилась восемь с половиной минут, но самыми эффектными были те кадры, которые летуны засняли на видео с высоты в десять километров в последние полторы минуты. На них было видно, как ракетоносец "Джордж Вашингтон" нырнул в облака, несколько раз подпрыгнул на них, а затем почти минуту скользил по снегу, оставляя после себя неглубокую борозду. Самые последние кадры были сняты с помощью приборов ночного видения, а перед тем при свете звёзд и не слишком яркого полярного сияния. Полковник с ужасом спросил:

- Что это было, господин майор? Извините, но это фальшивка.

- Уверяю вас, полковник, вы видели, как из космоса свалился сбитый нами ваш новейший тяжелый ракетоносец "Джордж Вашингтон", но вы можете не волноваться, все члены экипажа живы и здоровы. - ответил я чернокожему пиндосу не без злорадства - Мы перенесли ваш космоплан с места падения на

нашу военную базу и максимум через полгода у нас появится свой собственный новейший космоплан, который не способны засечь ваши радары. Кстати, попутно нами была уничтожена орбитальная космическая станция, которую вы называли "Смертельная карусель", а также ещё двадцать два спутника и четыре орбитальных космических корабля. Некоторые спутники уже упали на Землю, а весь остальной хлам свалится несколько позднее. Будет справедливо, если они упадут на ваши города. Некоторые из них огромные и потому смогут причинить вам большой ущерб. А теперь давайте посмотрим тридцатиминутный ролик.

Во втором фильме было заснято то, как я открыл защитную панель и спустился внутрь ракетоплана. После этого полковник смог полюбоваться на то, как наши учёные, люди и муты, среди которых было немало больших, осматривают космический корабль. Не забыли мы и про его экипаж, который специально построили, заковав в кандалы, на верхней плоскости космоплана перед декорациями, изображающими кусок взлетно-посадочной полосы и широченный вход, ведущий внутрь неизвестно какого горного массива. Не думаю, что пиндосы смогут распознать подделку. Очень уж хорошо был изготовлен задник, которого так и не увидели члены экипажа. Как только этот ролик закончился, я сказал:

- А теперь, полковник, вы увидите в режиме реального времени то, как мы произведём подземный термоядерный взрыв неподалёку от острова Южный, это один из островов архипелага Новая Земля. Взрыв будет произведён под дном Баренцева моря в ста сороках километрах от Штокмановского месторождения газа, так что поверьте, он обещает быть очень впечатляющим. По нашим прикидкам мы таким образом уничтожим там всю инфраструктуру по добыче газа. Мощность нашего термоядерного устройства по идее должна составить три мегатонны, но кто его знает, как всё будет на самом деле. Надеюсь, что этот подземный взрыв будет иметь достаточную мощность, чтобы волна достигла берегов Северной Америки. А теперь, полковник, всё внимание на экран. Господа, сбросьте осветительные бомбы и произведите испытания нашей первой термоядерной боеголовки.

Полковник Бергман нервно вздрогнул:

- Вы чудовище, майор... Ведь из-за этого могут погибнуть ни в чём не повинные люди.

На экране появилась белая пустыня, ровная, как стол. Зима в этом году была очень холодная и потому льды уже сковали Баренцево море в этом районе, но самое главное, небо было чистым и ясным. Льды на многие километры осветило несколько

десятков осветительных бомб, парящих на парашютах. Съёмка велась с нескольких беспилотников, которые нашим инженерам удалось починить и запустить в небо. До взрыва оставалось ещё несколько секунд и я успел сказать:

- Полковник, вот уже почти девяносто лет, а если быть предельно точным, то более ста тридцати лет вы только тем и занимаетесь, что уничтожаете ни в чём неповинных людей не только в нашей стране, но и во всём мире. Впрочем, вы, пиндосы, делаете это уже больше двухсот лет, а потому пора бы и вам почувствовать, что такое война.

Как только я умолк, было взорвано термоядерное устройство, отчего в помещении вспыхнули красные огни, а секунду спустя лёд, мгновенно превратился в белое, искрящееся крошево и вспучился огромным пологим, круглым холмом. Через ледяное крошево в небо взметнулись струи вспененной воды и вскоре стали быстро оседать вниз. Над местом взрыва образовалась огромная воронка, которая сначала всосала в себя ледяное крошево, перемешанное с водой, а затем привела в движение окружающие его льды. Ещё через несколько секунд, осветительные авиабомбы ещё только опускались вниз, но картинка всё это время дрожала и дёргалась, в небо взметнулся фонтан воды и ледяного крошева, от которого во все стороны пошла волна, состоящая сначала из ледяных торосов, но по мере удаления от эпицентра взрыва, льды просто изгибались под ещё мощью и трескались, но уже не вставали на дыбы.

Осветительные бомбы одна за другой падали в воду, но продолжали гореть и в ней, а потому сверху было видно, что в этом месте образовалось нечто жуткое на вид. Вспыхнула вторая серия осветительных бомб и в их свете было видно коричнева-то бурая, пенящаяся жижа, но никаких огненных фонтанов в небо так и не ударило. Затем осветительные бомбы вспыхнули на расстоянии в сто километров от места взрыва и в их свете было видно, как по направлению к Кольскому полуострову и Норвегии движется, набирая скорость, высоченная волна. Полковник схватился за голову. В эту самую минуту он подумал: - "Чизес Крайст, ведь она скоро домчится до Америки и может ударить даже по Нью-Йорку!". Вскоре экран погас и я будничным тоном предложил пиндосу:

- А теперь, полковник, выходите на связь со своим непосредственным командиром и постарайтесь объяснить ему, если мы не обменяем вас на то, в чём мы нуждаемся больше всего, то через две недели точно такое же термоядерное устройство будет взорвано под каким-нибудь городом на западном побережье Америки. Каким именно, я не стану говорить

вам, чтобы создать очень волнующую интригу...

Тут меня перебил чей-то громкий голос по внутренней связи:

- Лют, ты мне не поверишь, но наши учёные сказали, что мощность взрыва явно превысила десять мегатонн. Это победа, старик! Ты просто не представляешь себе, чего нам удалось достичь.

Выслушав этот радостный возглас, я продолжил давить на врага с удвоенной силой:

- Как вы понимаете, полковник, хотя небо для нас пока что закрыто, под водой мы можем доставить термоядерную боеголовку мощностью в десять мегатонн куда угодно, а наши подводные копальщики смогут прорыть тоннель хоть до Канзас-Сити, так что настало время платить по счетам. Теперь вы уязвимы для нас, а мы для вас по-прежнему нет. Своими варварскими бомбардировками вы мало того, что загнали нас под землю, так ещё и уничтожили множество ни в чём неповинных людей, а потому мне плевать не только на всех пиндосов, но и на тех ублюдков, которые молча смотрели на то, как вы превратили нас на свою беду в мутантов. Ещё больше мне плевать на всяких там норвежских азиатов, захвативших наш Кольский полуостров и вскоре вы увидите, как они сгорают за живо на платформах Штокмановского месторождения. Поверьте, это будет для них вполне заслуженная кара и я точно не стану проливать по ним слёзы. Так что свяжитесь для начала со своим дружком Бобби Симпсоном, а потом расскажете обо всём, что мы показали вам, кому угодно. И вот ещё что, полковник, до тех пор, пока ваше руководство будет раскачиваться, мы будем ежедневно сбивать любые спутники и космические корабли, пролетающие над нашей страной, не говоря уже про самолёты.

Полковник Бергман молча кивнул и придвинулся к пульту связи. С ним у него не могло выйти никаких проблем, так как наши инженеры поступили очень просто, сняв его с борта воздушного крейсера. Он был вспомогательным и к тому же то ли четвёртым, то ли пятым. Точно такой же пульт связи стоял в кабинете Верзилина, но сегодня мне было поручено, а точнее я сам взял на себя обязанность провести первичные переговоры на сколь угодно высоком уровне, чтобы как следует разозлить пиндосов на будущее. Это ведь было самое начало большой оперативной игры, которой я так и не удосужился придумать кодового названия, хотя начальство и требовало этого от меня для сводок. Полковник решил не испытывать судьбу понапрасну и сразу же вызвал своего комдива по экстренной связи. Тот ответил практически мгновенно, причём появился на экране собственной персоной и быстро спросил:

- Гарри, где ты находишься и что это всё значит?

- Бобби, молчи и слушай меня внимательно. - ответил полковник Бергман - Русские только что взорвали под дном Баренцева моря сверхмощную термоядерную бомбу. Полагаю, что цунами уже обрушилось на месторождение газа в Баренцевом море и вот-вот достигнет берегов Кольского полуострова, это произойдёт с минуты на минуту и в дальнейшем достанется уже Норвегии. Поэтому срочно объяви всем, что прибрежные районы Северной Атлантики вскоре может постигнуть страшное бедствие, а потом приготовься выслушать нечто куда более страшное и ужасное. Тебе понадобится всё твоё мужество.

- Понял, - коротко сказал генерал, - дай мне хотя бы три минуты, Гарри. Или пусть их мне дадут те, кто приставил к твоей голове револьвер с взведённым курком. Господа, три минуты.

Услышав это я рассмеялся и встал из-за стола. К счастью обе "Волыны" были при мне и когда полковник снова связался со своим командиром, встал позади него, достал револьвер из кобуры, приставил его к голове командира воздушного крейсера и с весёлой насмешкой сказал уже почти без акцента на вполне приличном английском:

- Генерал Симпсон, вы просто не представляете, какого калибра револьвер мы приставили к виску всего окружающего нас мира. Тот, который я держу в руках, по сравнению с ним - игрушка, но я, пожалуй, не стану вам мешать. Полковнику Бергману есть о чём вам рассказать, а я посижу и послушаю, как вы будете беседовать. В разговор я вступлю только тогда, когда вы свяжете меня с вашим президентом или кто там в вашей банде убийц и воров является главарём.

Спустив курок, в барабане "Волыны", между прочим, не было ни одного патрона, я снова вернулся на своё место, а полковник ещё более взволнованным голосом принялся тараторить:

- Генерал, положение скверное. Нас возили на подземный военный завод и я лично видел несколько десятков термоядерных боеголовок. Русские не станут использовать для их доставки ракеты. У них для этого имеются огромные живые подводные лодки, а ещё среди них есть множество мутантов, способных с огромной скоростью бурить тоннели даже в граните. Бобби, старина, мы все в ужасе. Раньше мы всегда думали, что их осталось всего несколько миллионов, но это не так, русских намного больше. Насколько я понял, они уже восстановили и даже превысили свою численность. Они живут в огромных подземных городах и живут, скажу я тебе, неплохо. Во всяком случае я не видел здесь ни одного нищего или бродягу, а нас куда только не возили. Но не об этом сейчас речь, Бобби. Мне велено

сказать тебе, что они хотят обменять нас на двадцать восемь тяжелых воздушных грузовиков с контейнерами, битком набитыми тем, что они закажут и если этого не произойдёт, они обещают взорвать всё западное побережье. Если они каким-то образом умудрились свести с орбиты и захватить наш новейший космический ракетоносец "Джордж Вашингтон" и взять в плен всю его команду вместе с Джимми Мастерсоном, то поверь, они смогут нанести по Америке удар сокрушительной силы. Бобби, по-моему они окончательно сошли с ума и готовы уничтожить весь мир, если мы от них не отцепимся, но боюсь, что в таком случае начиная с этого часа их требования будут с каждым днём всё увеличиваться и увеличиваться и деться нам будет теперь некуда.

Полковник явно был близок к истерике и генерал одёрнул его:

- Гарри, возьми себя в руки. Вот что я тебе скажу, парень, отодвинься от пульта и дай мне возможность поговорить с тем огромным верзилой, который угрожал тебе Кольтом "Питон".

Гарри Бергман затравленно посмотрел на меня. Мысли его были только об одном: - "Чизес Крайст, лучше бы меня убили!" Поднявшись из низкого кресла, я придвинул к пульту второе, повыше, но пиндоса отпускать не стал, сказав ему:

- Полковник, вы будете помогать мне. Отрегулируйте видеокамеру пульта так, чтобы я полностью попадал в кадр. Если потребуется, я могу отодвинуться назад. Сейчас вам подадут кофе или вы хотите выпить чего-нибудь покрепче?

Полковник, сдвинувшись ещё сильнее вбок, ответил:

- Было бы неплохо и того, и другого. Признаться, господин майор, я уже стал забывать, что такое вкус кофе. Вам действительно нужно отодвинуться назад метра на три. Здесь две видеокамеры, так что я сейчас настрою одну на вас, а другую на себя, но вы всё равно будете в кадре намного больше, чем я, как это и есть на самом деле.

В голосе полковника слышались угодливые нотки и я фыркнул:

- Зато я вообще не знаю, что такое вкус кофе.

- Генерал, позвольте представить вам майора Лютика Бора, он полномочный представитель президента Верзилина, - пропустив мимо ушей мои слова, сказал пиндос, на душе у которого сразу же полегчало и добавил, - он уроженец Атомного края и относится к числу так называемых больших жестких мутов. Помимо этого среди русских очень много обычных жестких мутов, которые примерно на голову выше меня, но среди них есть ещё и муты-гиганты, это парни ростом от шести до семи метров. Все

муты, за исключением тех, которые могут жить под землёй, под водой и в небе, практически ничем, кроме своей огромной физической силы, не отличаются от людей. А теперь извините, генерал, я умолкаю и не стану вам мешать.

Генерал Симпсон уставился на меня тяжелым взглядом:

- Доброе утро, господин майор...

- У нас уже полдень, генерал, - возразил я пиндосу, - вы получили подтверждение, что мы произвели подземный взрыв?

Командующий авиадивизией вздохнул:

- Да, получил, сейчас я смотрю на экран телевизора и вижу, как огромная волна обрушилась на Кольский полуостров и как в Баренцевом море полыхают огромные пожары на газовых платформах. Это страшное зрелище и уже сейчас мне ясно, что от ваших преступных действий погибнут десятки, если не сотни тысяч людей.

- Мне отрадно слышать, что будут убиты многие тысячи наших злейших врагов, оккупировавших наши земли. - сказал я со злорадной усмешкой - Что же, это вполне закономерный итог, рано или поздно такое должно было произойти, но по сравнению с тем, что может произойти через каких-то две недели, цунами точно сравниться не сможет. Поэтому, генерал, я советую вам немедленно связаться с Белым домом. Заявлять ультиматум лично вам, мне не имеет никакого смысла, поэтому я требую, чтобы вы соединили меня с вашим президентом. Или вам нужны ещё какие-то доказательства, что наши требования нужно выполнять незамедлительно?

Генерал немедленно окрысился:

- Президент Северной Америки и весь мир не примет от вас ультиматума, майор. Россия умирающая, нищая страна и она не может нам ничем угрожать. Всё, что вы говорите - блеф.

Широко осклабившись, я сказал угрожающим тоном:

- Не вам об этом судить, генерал. Немедленно свяжитесь с Белым домом и доложите президенту о том, что полномочный представитель президента Новой России собирается предъявить ультиматум Америке, а вместе с ней всему миру, но что самое главное, вашим хозяевам, окопавшимся в Новой Зеландии. До них мы тоже дотянемся, как и до любой другой точки земного шара. В порядке подтверждения того, что мы настроены очень серьёзно, я немедленно отдам приказ начать сбивать все космические аппараты, которые пролетают над территорией нашей страны. Как знать, может быть под удар попадёт какой-нибудь пилотируемый корабль с туристами на борту, который возвращается с луны. Говорят, что поездка на Луну стоит очень дорого и она по карману только самым богатым людям. Что же,

буду надеяться, что один из наших залпов превратит такой корабль в мёртвый кусок железа и вы не сможете никого спасти. Парни, огонь!

Высоко в небе в этот момент находилось всего девять групп самых мощных летунов-энергетиков. Стрелять они должны изо всех сил, причём кучно и куда ни попадя, авось повезёт и сшибут пару, тройку спутников. Жаль только, что больше пяти, семи выстрелов они произвести не смогут, иначе им самим тогда несдобровать. Генерал немедленно пошел на попятную:

- Стойте, стойте, майор, отмените свой приказ, я немедленно свяжусь с Вашингтоном и доложу о вас президенту.

- Поздно, генерал, первый выстрел уже произведён, - мрачно сказал я пиндосу, - и он полностью лежит на вашей совести. Но со вторым мы немного повременим. Парни, сделаем небольшой перерыв.

Генерал Симпсон тем временем быстро связался с Белым домом. Похоже, что на связь вышел не сам президент, а его помощник, раз генерал прорычал негодующим тоном:

- Дженнингс, немедленно свяжите меня с президентом. Русские только что снова начали сбивать наши космические аппараты. Со мной на связи находится полномочный представитель их президента и он хочет разговаривать только с президентом Америки. Майор Бор только что отдал приказ сбивать всё, что летает над ними. Поторопитесь, Дженнингс, но сначала позвоните в штаб военно-космических сил и узнайте, со сколькими спутниками и кораблями потеряна связь.

Видимо летунам всё же удалось поразить какие-то цели в космосе, раз на экране появилась ещё одна черномазая рожа:

- Майор Бор, я президент Северной Америки Руфус Батлер. Вы хотите поговорить со мной о чём-то?

Усмехнувшись, я проворчал:

- Не льстите себе, президент, я вышел на связь с вами вовсе не для того, чтобы разговаривать с вам о чём-либо. В мою задачу входит только одно, предъявить Америке и всему остальному миру жесткий ультиматум. Вы проиграли Грязную войну, которую развязали против России больше ста лет назад. Вы не можете нас уничтожить, так как боитесь применять термоядерное оружие. Новые взрывы приведут к трансмутациям во всём мире и вы боитесь этого больше всего. Нам на это плевать. У нас имеется вполне достаточное количество термоядерных боеголовок и таких средств доставки, которые вы не в состоянии отследить. Помимо этого мы можем сбивать ваши космические аппараты. Со сколькими спутниками вы потеряли связь?

Президент Батлер нервно махнул рукой:

- Это неважно, майор. Наш ущерб был незначительным. Похоже, что у вас имеются какие-то проблемы с наведением вашего оружия на цель, а это означает, что оно несовершенно. Зато мы и без термоядерной бомбардировки можем осуществить вторжение.

Громко рассмеявшись, я воскликнул:

- Глупости! Полковник Симпсон, покажите вашему президенту тот ролик, который ваши люди отсняли на полигоне, а вы, Руфус, будьте готовы к очень неприятному для себя открытию.

Полковник включил компьютер, быстро нашел нужный ролик и стал перегонять его в Белый дом. В ходе просмотра десятиминутного ролика глаза Руфуса Батлера округлялись всё больше и больше, когда же видеофильм закончился, я сказал ему невозмутимым тоном:

- Президент Батлер, таких солдат у нас вполне хватит на то, чтобы не только переломать всех ваших жестяных карликов, но и завоевать весь мир. Если вы хотите именно этого, то даже не надейтесь на такую форму военного противостояния. Нам куда проще взорвать в различных районах земного шара три десятка термоядерных зарядов мощностью в десять мегатонн каждый, чтобы уровень радиации повысился до таких пределов, когда всё живое на Земле начнёт стремительно трансмутировать. Среди нас, русских, сейчас только половина мутантов и хотя мы, муты, чувствуем себя превосходно, мы вовсе не собираемся делать точно такими же мутами наших братьев. Этот вопрос у нас давно уже решен. Для всего живого нами создана вакцина против мутаций, а потому трансмутации за пределами Новой России нам ничем не угрожают, зато вам придётся пройти через тот ад, через который когда-то прошли наши предки, которые живы и по сию пору. Более того, мы сумели взять процесс трансмутации под контроль, а вы об этом даже не смеете мечтать. Вы проиграли свою Гнилую войну и потому вам ничего не остаётся, как принять наш ультиматум, а он таков. Вы немедленно прекращаете против нас все боевые действия. С этого момента ни один самолёт или космический аппарат не имеет права пролетать над нашей территорией. Ровно через две недели мы произведём обмен двадцати восьми военнопленных на двадцать восемь новейших больших воздушных крейсеров, которые доставят нам грузы согласно того списка, который вам сейчас передаст полковник Симпсон. Судьба остальных военнопленных будет решена позднее. Они нам пока что нужны, но вы можете сообщить их родным и близким, что все они здоровы. Далее, вы начнете выплачивать нам контрибуцию в том виде и объеме, в котором

это будет оговорено на ваших переговорах с нашим президентом, но это ещё не всё. Ваша генетическая полиция отныне объявляется преступной организацией и будет преследоваться нами, если она продолжит сжигать людей заживо. Мы больше не будем принимать у себя ваших мутов и депортируем всех тех, кто не в состоянии принять наши идеалы и наш образ жизни. Вы же выделите пригодные для жизни места, где они смогут жить и работать. В эти места будут направлены наши отряды, которые помогут им адаптироваться к произошедшим с ними переменам. Для начала это всё, президент и я не советую вам хоть что-либо оспаривать. Всем нашим пленным уже сделаны прививки от мутаций, но ваши учёные ничего не обнаружат в их крови, так что можете даже не стараться, но мы готовы рассмотреть в будущем вопрос о поставках вам вакцины против мутаций, но вам придётся очень сильно напрячься. Бесплатно вы её никогда не получите, зато плата будет запредельно высока. Всё остальные материалы, которые мы считаем нужным вам передать, вы получите вместе с вашими лётчиками. И вот что ещё, президент Батлер, чтобы доказать вам, что мы можем сбивать ваши космические аппараты с изрядной меткостью, наша космическая охота продолжится. Вы, пиндосы, очень спесивы и поэтому угомонить вас можно только одним единственным способом, хорошенько врезав по морде.

Физиономия Руфуса Батлера отразила такую бурю эмоция, что их было невозможно описать словами. Сглотнув слюну он спросил:

- Майор, для того, чтобы разговаривать так со мной, вы должны быть полностью уверены в своих силах. В обладаете этой силой?

- Президент Батлер, вы даже не представляете себе, о чём вообще идёт речь, - усмехнулся я, - когда-то вам вдолбили в голову, что в мутациях были виноваты русские и потому их нужно уничтожить всех до единого, но это не так. На самом деле всё было иначе. Ваши учёные разработали технологию создания мощного мутагена посредством серии термоядерных взрывов, но не учли одного единственного фактора. В самом центре того гигантского химического реактора, который образовался в результате взрыва двадцати семи боеголовок тяжелых ракет, находился склад с несколькими тысячами тонн кобальта, а по соседству склад с редкоземельными металлами, которые к тому моменту не успели вывезти за рубеж и продать. Эти материалы внесли свои коррективы и мутаген получился совсем не таким, о котором мечтали ваши предки. Зато теперь каждый следующий термоядерный взрыв создаст именно его и наши учёные считают, что в таком случае на свет появятся такие чудовища, которые вас

же самих и сожрут. Мы с ними справимся легко, у нас разработаны мутагены на любой вкус, а вот что будет с вами, мне очень хочется посмотреть. Так может быть ну их к чёртовой матери, эти идиотские переговоры? Давайте уж сразу откажемся от них и как можно скорее перейдём ко второму этапу, то есть к Судному дню для населения всей планеты.

- Майор, вы чудовище... - прохрипел президент.

- Кто бы это говорил, Руфус, - отмахнулся я от пиндоса, - настоящие чудовища живут в Новой Зеландии и мечтают как можно скорее построить города на Марсе, но до этого им ещё очень далеко. Имей они такую возможность сейчас, нам и трудиться не пришлось бы. Они без нас сбросили бы на ваши тупые головы сотни ракет с термоядерными боеголовками. Кстати, Руфус, вы в курсе того, что все они мутанты? Сейчас в это помещение войдут двое мутов и вы полюбуетесь на них. Возможно, что они напомнят вам кого-то из ваших знакомых, в присутствии которых вам не разрешают не то что сидеть, а даже поднимать на них глаза. Лилия, Дрок, войдите.

На мой зов в комнату вошли двое мутов, супруги Лес. Хотя они были лет на пятьдесят старше меня, на вид им нельзя было дать больше двадцати пяти. Одетые в штатское, стройные и гибкие, они выглядели точь-в-точь, как боги-олимпийцы. Красивые и загорелые. Лилия принесла полковнику Симпсону бокал виски со льдом и чашку кофе, а Дрок вручил мне большой фужер с яблочным соком. Они покрасовались перед изумлённым президентом и ушли, а тот спросил:

- Разве это муты? Они же совсем на них не похожи.

- Да, мистер президент, - подтвердил полковник, - это муты. Не обольщайтесь на их счёт. Они оба старше меня вдвое и у них уже трое детей. Не знаю как капитан Лилия Лес, а майор Дрок Лес это точно мощнейшая боевая машина. Нас каждый день выводят в спортзал, мистер президент, а потому я своими собственными глазами видел, как майор Лес без малейшего напряжения поднимает штангу весом в три четверти тонны. Думаю, что это для него далеко не предел.

- Правильно думаете, полковник, - усмехнулся я, - Дрок намного сильнее, чем это кажется. К тому же он ветеран. Десять лет сражался на фронте, но это были оборонительные бои. Если мы начнем наступать, то война закончится намного быстрее. Правда, тогда нам нечего будет с вас взять, кроме обломков, так как вся планета будет лежать в руинах. Президент Батлер, я думаю, что вам нужно собрать совещание и хорошенько всё обсудить. Полковник, перегоните вашему президенту информацию с того диска, который лежит перед вами. Советую

вам не испытывать нашего терпения и как можно скорее связаться в президентом Верзилиным. Ваши новозеландские хозяева загнали сами себя в западню и даже если уничтожат вас всех, с нами они ничего не смогут сделать, а мы уже сейчас готовы нанести по ним мощный удар, причем такой, что никто из них не уцелеет.

Глава 9. Затишье перед новой бурей

С того дня, как я заявил президенту Америки ультиматум, прошло почти два с половиной года, а мне так и не удалось продвинуться в той оперативной игре, на которую мы были нацелены, ни на шаг. Хорошо ещё, что о ней кроме генерала Верзилина, Профессора и нас, никто не знал, а то бы мы выглядели круглыми идиотами. Вот уже почти тридцать месяцев мы жили фактически в новом мире. Во-первых, на нас уже никто не нападал, во-вторых, генетическая полиция была расформирована и никто не сжигал тех людей, у которых появились первые признаки трансмутации, а, в-третьих, объём поставок из-за Стены постоянно нарастал. Не произошло только одного, хозяева Земли так и не побудили пиндосов к тому, чтобы их учёные начали всерьёз изучать проблемы трансмутации живых существ, их процесс и возможные последствия для всего живого на планете.

Пиндосы и евроэсэсовцы не стали относиться к нам лучше, но, прекрасно понимая, что мы обладаем термоядерным оружием, решили, что от нас лучше откупиться, чем превратиться в мутов. Все поставки осуществлялись только по воздуху и только с помощью дистанционно управляемых воздушных крейсеров. Они приземлялись в одном единственном месте, рядом с бывшим Тамбовом, и уже оттуда развозились под землёй по всем городам. Количество спутников-шпионов, пролетающих над нами, пиндосы резко ограничили и даже увели на юг несколько боевых станций. Над нами, наконец, перестали летать беспилотники, но все люди прекрасно понимали, что на этом война не закончена. В этом, к счастью, никого не нужно было убеждать. Наученные горьким опытом целого столетия враждебного отношения к себе, русский народ наконец понял, что мир придёт на нашу землю только в том случае, если мы одержим полную победу.

Поэтому мы удвоенными темпами готовились к войне и наш враг ничего не мог с этим поделать. Когда я говорил президенту пиндосов, что мы хотим избавиться от многих мутов, то не просто лукавил, а безбожно врал. Мы не избавлялись от них, а формировали ударные отряды и отправляли их в глубокий тыл врага. Острова Куба, Гаити, Ирландия, Мадагаскар и Калимантан были, как мы того и требовали от пиндосов, превращены в

резервации для мутов внешнего мира. Первый признак начавшейся трансмутации, это высокая температура при отличном самочувствии, которую пару недель ещё можно сбить препаратами, но после того, когда температура тела подскакивает до тридцати девяти с половиной градусов и начинается характерное покраснение губ, языка, полости рта и всех слизистых оболочек, жаропонижающие средства уже не действуют.

После этого кожа приобретает фиолетовый оттенок из-за того, что в организме начинает вырабатываться мутаген, а через три, четыре недели начинается стремительная мутация, но людей сжигали их огнемётов уже начиная с третьей недели, когда у них краснели белки глаз. По нашему жесткому требованию этому был положен конец. Со всех пяти островов за пару месяцев выселили всех людей и на них стали свозить всех, у кого начиналась трансмутация. Но ещё до того, как туда привезли первых мутов, на каждом острове высадился наш десант. У пиндосов хватило ума не уничтожать на этих островах всю инфраструктуру. С дисциплиной как у них, так и во всём остальном мире, находившемся под их пятой, всё было в полном порядке, вот только никто не был застрахован от трансмутаций.

Едва только будущий мут сходил с борта пассажирского конвертоплана, его сразу же спрашивали, кем он хочет стать немедленно, чтобы не рисковать впоследствии. Естественно, что все хотели стать нормальными жесткими мутами и потому из аэропорта они уезжали сутки спустя не веря своим новым ощущениям. Во внешнем мире с коммуникациями дело обстояло намного лучше, чем у нас, а потому очень многие люди тут же связывались со своими родными и близкими и начинали им доказывать, что вместо того, чтобы ждать подарка от природы или, не дождавшись его - умереть, будут куда лучше приехать к ним на остров. Из-за этого число жителей всех пяти островов стремительно росло не по дням, а по часам. Наши копатели, работая чуть ли не круглосуточно, уже через полгода соединили их с Новой Россией и по ним помчались электромобили.

Президент Верзилин приказал не отвлекаться на всякую ерунду вроде строительства городов на поверхности, а наш народ прекрасно знал, что нам ещё только предстоит добыть победу. Поэтому всем наши ресурсы были брошены на то, чтобы как можно лучше вооружить и оснастить армию. Истинные хозяева мира об этом, похоже, даже и не подозревали, но поскольку они приказали пиндосам создать на островах резервации мутов, в том, что ни о чём другом, кроме уничтожения нас, эти уроды не мечтают, сомневаться не приходилось. Поэтому мы обязательно

должны проникнуть в их тайные лаборатории. Скорее всего они разрабатывают какой-то новый мутаген и если это так, то им в любом случае понадобятся подопытные кролики.

Профессор и его команда разбирались в вопросах, касающихся мутагенов, намного лучше, чем они, но им по прежнему нужно было знать, как пиндосы создали почти девяносто лет назад гигантский химический реактор в небе над Атомным краем. Пиндосы напряженно готовились к новому этапу войны и что самое главное, учли все свои ошибки. Теперь они строили такую военную технику, которая максимально защищена от ЭМ-импульса, но и мы времени зря не теряли. У нас уже была наготове качественно новая, прекрасно экипированная армия, но что самое главное, Китай резко увеличил объем военных поставок и хотя это оружие и электронные системы наведения не были новейшими, в руках наших солдат это была грозная сила. Наконец, в середине лета прозвучал внятный и ясный сигнал.

Пиндосы предложили оформить временное перемирие для начала договором о ненападении, а также найти способ, как сократить войска и как контролировать друг друга, чтобы полностью исключить вероятность внезапного нападения одной стороны на другую. Как и прежде, я оставался полномочным представителем президента и был единственным гражданином России, кто регулярно вступал в контакт с внешним миром, но не очно, а с помощью средств связи. К этому моменту как я сам, так и моя разведгруппа снова изменились внешне и все благодаря новому, специальному мутагену Профессора.

На этот раз он превзошел сам себя и создал такой мутаген, который уменьшил нас в размерах, но при этом в весе мы почти не потеряли. Эта трансмутация чрезвычайно уплотнила наши тела и больше всего подействовала на Василька. Его рост уменьшился с шести метров семи сантиметров до двух тридцати восьми, но сделался ещё массивнее и теперь весил девятьсот восемьдесят килограммов. Мой рост так же стал меньше и был теперь всего два метра семнадцать сантиметров при пятистах сорока трёх килограммах веса. Мак с Ирисом "съёжились" точно также и это было сделано с одной единственной целью, не пугать пиндосов своими габаритами, если мы попадём к ним легально, а самое главное не дать им даже малейшей возможности исследовать нас хоть сколько-нибудь в своих лабораториях.

По сути мы стали новыми биологическими существами, так как даже у меня плотность тела была в пять раз больше, чем у обычного белкового существа, а у Василька так и вовсе в десять. В какой-то мере мы сделались трансформерами, ведь наши размеры могли быстро увеличиться на семьдесят процентов, почти до

прежних. Связано это было с тем, что только увеличившись мы могли есть обычную пищу. В своём же сверхплотном виде нам приходилось питаться специальными концентратами, весьма смахивающими по виду на речную гальку. А ещё мы малость заплыли жирком, только не мягким, а похожим на сверхпрочную резину. Это был наш НЗ, на котором мы могли запросто продержаться примерно четыре месяца на одной воде. Все наши прежние способности остались при нас, а мои друзья, как и я, даже стали "электрическими мутами". У нас ведь резко изменилась, точнее увеличилась биоэнергетика организма.

Из-за этого нам пришлось сменить наши мундиры на одежду, которой специально был придан гражданский вид - светлые брюки с лёгкими туфлями, короткие просторные куртки, свитера, под которыми были спрятаны бронежилеты скрытого ношения, и бейсболки, чтобы не слишком отличаться от пиндосов. Наша одежда была пошита из специального наноэластика, поставленного китайцами, который мог легко увеличиваться в размерах вместе с нами. В таком виде мы пребывали уже почти год и я начал было уже беспокоиться, думая, а не разгадали ли пиндосы наш план, но вчера утром со мной вышел на связь представительно нового президента Америки и принялся подводить меня к мысли, что нам не мешало бы начать выстраивать качественно новые отношения, чтобы прийти к мирному соглашению.

Внимательно выслушав его витийства, я сказал:

- Мистер Родригес, я всё понял. Признаться, вы застали меня своим предложением врасплох. Давайте сделаем так, я попрошу президента Верзилина собрать государственный совет, а завтра в полдень по Гринвичу мы продолжим наш разговор.

Совет Обороны заседал недолго и я получил карт-бланш на переговоры с пидосами уже через полчаса. В их миролюбие никто не поверил, как и в то, что они будут соблюдать хоть какие-либо договоренности. Западный мир уже нарушил столько договоров и соглашений, что верить ему мог только сумасшедший. Тем не менее мы были готовы подписать едва ли не какой угодно договор, вот только ни один из его пунктов никогда не будет соблюдаться ни полностью, ни частично. Мы по-прежнему были настроены только на полную победу и не думали ни о чем другом. В полдень по Гринвичу я связался с белым домом и снова увидел на экране Майкла Родригеса, одетого в строгий чёрный костюм с белой рубашкой и цветастым галстуком. Он широко заулыбался и поприветствовал меня:

- Добрый день, мистер Бор. Как прошло заседание вашего государственного совета? Какое решение он принял?

- Мистер Родригес, - усмехнулся я, изобразив на своём лице нечто вроде улыбки, - мне поручено провести с вами переговоры и выяснить, какой смысл вы вкладываете в слова "Нам нужно лучше узнать друг друга, что научиться доверять и сделать практические шаги к взаимному примирению". Так что я жду разъяснений.

- Вы что же, будете принимать решение единолично, мистер Бор, не консультируясь с вашим руководством? - Удивился пиндос.

Пожав плечами, я ответил:

- У президента и других, куда более важных, дел хватает, так что поверьте, именно так оно и будет. Итак, чего вы хотите?

К этому времени я уже имел большой опыт переговоров с самыми разными пиндосами и успел выяснить, что врать они здоровы и делают это не моргнув глазом. Прекрасно зная, что видя их рожи на экране телепаты не могут читать мысли, они уверовали в свою ментальную неуязвимость. Однако, новые трёхмерные китайские экраны давали на редкость чёткую картинку и вскоре я научился распознавать их враньё. Оно было практическим постоянным. Правды они не говорили никогда и их явно этому специально учили, но вазомоторы ведь всё равно у них работали и потому по мельчайшим признакам можно было понять, что их слова полностью расходятся с истинными мыслями. К тому же я и раньше довольно тонко чувствовал, когда мне врут. Мистер Родригес радостно заулыбался и брякнул:

- О, мистер Бор, будет чудесно, если вы допустите на вашу территорию группу наших учёных-биологов. Нас очень интересует, что же в действительности произошло в так называемой Уральской Республике девяносто лет назад и что вызвало появление на свет мутагена. Понимаете, наши учёные считают, что всё можно развернуть вспять и вернуть все мутировавшие существа к их исходному виду.

От таких слов я даже слегка опешил. Пиндос в первой части своего ответа сказал правду, но соврал в главном. Они даже и не помышляли о том, чтобы вернуть всё на круги своя, но я натянуть усмехнулся и угрюмо сказал:

- Очень в этом сомневаюсь, мистер Родригес. С чего это вам интересоваться нашими проблемами? К тому же это именно ваши учёные создали тот мутаген, который заставил все, как вы говорите, живые существа, среди которых было свыше пятидесяти миллионов ни в чём не повинных людей, трансмутировать. Мне странно это слышать.

- Но всё именно так и есть, мистер Бор, - принялся горячо убеждать меня в том, о чём пиндосы даже и не помышляли,

помощник и представитель президента Фоули, - наши учёные считают, что они в состоянии создать не просто антидот, а вакцину-антимутаген, которая развернёт процесс вспять. Разве вам не хочется снова стать человеком? Думаю, что ваши учёные мечтают о том же самом, иначе они не создали бы свою вакцину против мутаций, действие которой даёт стопроцентную защиту и нам очень жаль, что вы поставляете её нам в столь ограниченных количествах.

- О, да, конечно, - усмехнулся я, - а ещё нам пришлось взорвать два термоядерных устройства в Атлантике, чтобы заставить вас поставлять нам то, в чём мы из-за вас и вашей войны нуждаемся больше всего. Мистер Родригес, не пытайтесь спрятать свою сущность под овечьей шкурой. Вы как были волками, так ими и останетесь.

Пиндос натянуто улыбнулся и сухо сказал:

- Мистер Бор, хотя мы и не испытываем к вам излишне тёплых чувств, поверьте, я говорю вам об этом совершенно искренне. Не знаю, поверите ли вы мне, но мы готовы обменяться с вами группами учёных. Одна будет работать в Атомном крае, где они также хотят посетить ваши подземные города, а вторая сможет проехать по всей Америке начиная от Вашингтона. Естественно, что обе группы, во избежание всяческих эксцессов, должны будут сопровождать отряды военных. Пусть не сразу, но через какое-то время, мы сможем доверять друг другу немного больше и наше перемирие в конце концов приведёт к мирному соглашению. Согласитесь, мистер Бор, мы ведь вам почти ни в чём не отказывали в последние два с половиной года.

- И поставляли нам только то, что у вас давно уже сдано в утиль, мистер Родригес, - фыркнул я насмешливо и едко, - да и в этом случае мне приходилось буквально выбивать из вас эти поставки. Ладно, всё, что вы мне тут наговорили, сплошное враньё, но дело не в нём. Лично меня в вашем предложении заинтересовало только одно, то, что вы готовы допустить на территорию Америки группу наших специалистов и не станете препятствовать ей в выборе тех мест, которые она захочет посетить. Как вы себе это представляет?

- Мистер Бор, - оживился пиндос, - наши учёные также захотят иметь точно такую же степень свободы перемещения.

- Забудьте, - жестко ответил я этому вралю, - ваши учёные смогут посетить только те места, до которых они смогут добраться только на поверхности. Тут никаких ограничений не будет. Зато под землёй они станут путешествовать в закрытом транспорте и лишь при том условии, что на них не будет никаких приводных маяков. У нас, мистер Родригес, всего один

космический ракетоносец, а у вас их уже шестнадцать и все они находятся на боевом дежурстве. К тому же наш ракетоплан ни разу не покидал пределы Новой России и не поднимался выше пятидесяти километров, а ваши находятся на орбите и вы только о том и мечтаете, чтобы поразить наши подземные города, но мы не позволим вам их обнаружить. Понятно?

Не дрогнув ни единым мускулом лица, но явно кляня меня последними словами, пиндос стал мне возражать:

- Вы ошибаетесь, мистер Бор! Мы не намерены продолжать эту бессмысленную войну хотя бы потому, что она обходится нам слишком уж дорого. Поверьте, мы стремимся к миру. - я усмехнулся, а Майкл Родригес поспешил сменить тему - Мистер Бор, должен ли я рассматривать ваши слова, как готовность не только допустить группу учёных на вашу территорию, но и разрешить им пользоваться нашими транспортными средствами? Вы действительно согласны на это?

Отмахнувшись от пиндоса, как от назойливой мухи, я скорчил на редкость высокомерную гримасу и проворчал вполголоса:

- Считайте, что вы получили разрешение следующего рода, мистер Родригес. Группа ваших учёных, живой вес которых составит ровно три тонны, сможет подняться на борт транспортного конвертоплана любой грузоподъёмности вместе с наземным транспортом, запасами продовольствия и защитным снаряжением. В Атомном краю всё ещё довольно горячо, а в Фиолетовом кратере мы и вовсе поддерживаем высокий уровень радиации, который в восемьдесят раз выше, чем естественный радиоактивный фон. Это главный курорт мутов и там мы поправляем своё здоровье. В ответ на это наша группа наблюдателей, суммарный вес которой также не превысит трёх тонн, отправится в Северную Америку вместе с электромобилем. Их будет четверо, мистер Родригес, я и трое моих помощников и мы также будем иметь с собой запас продуктов. Ваши люди, если они того захотят, смогут получать от нас наши продукты питания в любом количестве. Единственное, чего мы не допустим, это того, чтобы вы ввезли на нашу территорию приводные маяки любого типа, оружие и взрывчатку. Ваших учёных будет всё время сопровождать отряд нашего спецназа, так что им ничто не сможет угрожать. Мы в охране не нуждаемся, но и нас могут сопровождать ваши спецназовцы. С собой мы возьмём всего два электромобиля, один бронированный джип, а второй тоже бронированный, но уже специализированный, это дом на колёсах. Вас устроит такой расклад, мистер Родригес, или у вас есть ещё какие-то особые пожелания? Давайте поскорее покончим с этим

делом.

Пиндос немедленно взмолился:

- Мистер Бор, не могли бы вы дать мне время на то, чтобы провести совещание? Признаться, мы даже не надеялись на то, что вы согласитесь допустить на свою территорию наших учёных и потому я не могу решить всех вопросов немедленно. У меня нет таких полномочий, которые имеются у вас. Если вы позволите, то я хотел бы находиться с вами на связи постоянно. - улыбнувшись, он добавил - К тому же я учёный-генетик и для меня эти исследования очень актуальны.

- Как вам будет угодно, мистер Родригес, - пожал я плечами в ответ, - лично я не учёный, но обладаю великолепной памятью и способен очень сжато, но ёмко делать доклады своему руководству. Совещайтесь, сколько вам нужно, а я продолжу свою работу и потому почти всё время, кроме ночных часов, вы сможете со мной связаться.

Не веря в такую удачу, я даже не спешил радоваться, но поскольку за нашими переговорами наблюдали сотни людей, мне пришлось выслушать множество поздравлений. Некоторые из моих друзей даже возмущались, когда я призывал их умерить восторги, ведь ещё ничто не было решено окончательно. Впрочем, уже через два часа пиндосы снова связались со мной и началась спешная подготовка к их экспедиции в Новую Россию, а её Атомный край. Три дня я скандалил с пиндосами, отказывая им то вправе использовать свою систему позиционирования, запрещая им немедленно перегонять все полученные в ходе исследований данные в Америку. Мне было важно знать, насколько велик их интерес к Атомному краю и потому всякий раз, когда пиндосы начинали возмущаться громко заявлял:

- В таком случае вы никогда не попадёте в Атомный край. Разве что кто-то из вас станет мутом и переберётся через Стену, но и в таком случае вы уже очень скоро окажетесь на одном из тех островов, на которых устроили для мутов резервации.

Поначалу на меня кричало начальство, но вскоре, сразу после того, как пиндосы согласились с моим требованием снять со всех транспортных средств, включая даже тяжелый конвертоплан системы позиционирования, сменило гнев на милость. Майкл Родригес, измученный моей неуступчивостью, призвал на помощь госсекретаря, Стивена Уоррена, но на деле вышло только хуже. Мои требования стали возрастать в геометрической прогрессии и судя по тому, что он, скрепя сердце, в конце концов соглашался, я понял, что на Белый дом с огромной силой давят киви, так мы прозвали новозеландских хозяев всего мира за исключением Новой России, Китая и Ирана. Что же, это было только нам на

руку и означало, что скорее всего из Америки нас постараются любым способом доставить именно туда, о чем мы даже мечтать боялись, а не то чтобы говорить из боязни сглазить. Именно туда мы мечтали попасть больше всего.

Под такую сурдинку за то, что мы обязались всего за месяц построить для пиндосов неподалёку от руин Владимира построить большую базу с огромным ангаром, я выбил из пиндосов пять новеньких тяжелых транспортных конвертопланов с множеством дефицитных для нас материалов, а также два мощных цементных завода. Визгу было дня на три, но поскольку я был непреклонен, но скорее всего настойчивость проявили всё же киви, мы получили всё, что было заказано, плюс месяц на дополнительную подготовку. Базу, надо сказать, мы отгрохали капитальную и что самое главное, битком напичкали её следящими устройствами, хотя лично я куда больше доверял нашим природным способностям. В середине июля прилетели пиндосы. Правда, без госсекретаря. Мы разрешили въехать в нашу страну тридцати восьми учёным и тридцати пяти членам экипажа конвертоплана со всем барахлом, харчами и техникой.

Первым делом, как только громадный конвертоплан, способный приземляться чуть ли не где угодно, въехал в ангар, я приказал пиндосам выкатить из него всю их наземную технику. Это были здоровенные, мощные бронированные внедорожники на восьми колёсах, похожие на черепах. Скептически осмотрев их, я спросил:

- Мистер Родригес, неужели вы и в самом деле собираетесь разъезжать на этих хреновинах по Атомному краю?

Тот моментально возмутился:

- Мистер Бор, это самые мощные исследовательские вездеходы, которые только когда-либо строились в Америке. Они могут одинаково хорошо преодолевать любые преграды как в пустыне, так и в арктических широтах. Поэтому ваш сарказм и издёвка неуместны.

Напротив пиндосов стояло полсотни мутов-гигантов, две сотни больших мутов, которым было поручено их охранять, а также полторы сотни мутов обычных, но таких же высоких, как и мы. Им надлежало обслуживать наших "гостей" и помогать в работе. Наши ребята, услышав ответ Майкла Родригеса, громко расхохотались, отчего и он сам, и все остальные пиндосы смутились, а я усмехнулся:

- И сколько же весит этот ваш чудо-вездеход?

Учёный-генетик с вызовом в голосе ответил:

- Этот вездеход марки "Форд" весит семь с половиной тонн, мистер Бор, из которых ровно четыре приходится на сверхлёгкую,

но невероятно прочную броню. Запас хода у него неограничен, так как его электродвигатели питает миниатюрный термоядерный реактор и, поверьте, он уже испытан в очень жестких условиях. По бездорожью он может ехать со скоростью в девяносто километров в час.

Снова послышался издевательский смех мутов, а я сказал:

- Профессор Родригес, там, куда вас доставят, самым опасным животным является гора-бык, а численность этих тварей, как мы не стараемся, мало по малу растёт. И вот что я вам скажу, сейчас в Атомном краю уже есть, что жрать, мутировавшие растения растут ведь быстро, а потому действительно больших гора-быков, которые весят тонн пятнадцать, развелось немало, но от них беспокойства не так много, как от особей высотой в шесть с половиной, семь метров и весом тонн эдак в двадцать. Так вот, мистер, гора-бык, атакуя врага, а для него врагом является всё, что он видит и особенно всё то, что ходит на двух ногах, развивает скорость в сто тридцать километров в час. От своего прародителя, дикого кабана, гора-бык унаследовал клинообразную голову с острым костяным рылом, которым он умудряется раскалывать гранитные валуны, и неизвестно почему у него не четыре, а целых восемь ног. Вашу жалкую таратайку эта всеядная хищная тварь, которая практически неуязвима, вскроет, как консервную банку, после чего с удовольствием сожрёт всё, что найдёт внутри неё только по той причине, что примет её за молочного поросёнка, способного в будущем стать ему конкурентом.

От моей отповеди у пиндосов глаза полезли на бок, но кое-кто мне не поверил и поспешил сказать:

- Мистер Бор, наши бронированные вездеходы оснащены так же очень мощной энергосиловой защитой, способной отбросить от себя стальную болванку массой в полтонны, выпущенную из электромагнитной пушкой со сверхзвуковой скоростью.

- На которую матёрый гора-бык плевать хотел, - насмешливо фыркнул я и злорадно улыбнулся, - потому что каждый гора-бык это ещё и ходячий термоядерный реактор. Ну, может быть его мощность будет всё же поменьше, но поверьте, она достаточно велика. Знаете, господа, чтобы не быть голословным, я предлагаю вам подняться в воздух и слетать в Атомный край. Там вы спустите вниз один из своих вездеходов, ведь ими, как я полагаю, можно управлять дистанционно, и посмотрите на то, во что его превратит гора-бык. Внутрь вездехода мы поместим в качестве приманки несколько телячьих туш и вышлем беспилотник, чтобы посмотреть на это увлекательное зрелище.

Так мы и сделали. Сборы в дорогу были капитальными, а

потому вы вылетели только на следующее утро, чтобы отправиться в горную долину реки Саргая. Когда-то там был Башкирский заповедник, в котором каким-то чудом сохранилось процентов тридцать биосферы и сейчас она уже довольно сильно разрослась. Именно там водились самые крупные гора-быки, причём в большом количестве. Вообще-то гора-бык точно не станет нападать на бронированный вездеход, так как это очень умная зверюга, но опытный телепат способен внушить ему, что он видит перед собой молодого конкурента, с которым нужно непременно расправиться. В полдень мы совершили посадку на большом речном плёсе, выгрузи вездеход и снова поднялись в воздух, чтобы понаблюдать за тем, как гора-бык станет разносить его на куски.

Василёк и без меня быстро нашел громадного гора-быка, за каким-то лешим проверявшим на прочность каменный обрыв. Весу в нём было тонн под тридцать. Саргая делала в этом месте поворот, огибая отрог горы и была мелководной и широкой. Отбежав от обрыва метров на двести, гора-бык круто разворачивался и, развивая немалую скорость, бросался вперёд, вздымая тучи брызг, после чего его острое, клиновидное спереди рубило высотой метра в четыре, из-за которого рыло гора-быка было похоже на носорога, с грохотом врезалось в камень, выбивая множество обломков. От каждого такого таранного удара гора-бык садился на задницу, после чего вскакивал и снова шел на обрыв в атаку, от которой рубило совершенно не страдало. Как только Василёк нацелил этого старого сумасброда на вездеход, он взревел с дикой мощью и помчался к нему круша на своём пути всё подряд. Даже самые громадные ходячие деревья отпрыгивали в сторону, чтобы уступить ему дорогу и правильно делали.

Как ни старался оператор вывести вездеход из-под смертельного удара, гора был настиг его и сходу разрубил на две части, после чего принялся, деловито пыхтя, трескать подряд всё, что хотя бы отдалённо напоминало собой органику. Он сожрал даже сиденье, коврики и обшивку, после чего на радостях навалял громадную кучу на обломки вездехода марки "Форд" и степенно удалился. Профессор Родригес, а это был рослый русоволосый атлет с серо-голубыми на четверть русский по крови по своей бабке, которому ещё не исполнилось и сорока лет, с ужасом глядя на экран, потрясённо спросил:

- Мистер Бор, как же вы сможете защитить нас от такого чудовища? Это же просто что-то невероятное, живой тяжелый танк.

- Не то слово, мистер Родригес, - ухмыльнулся я, - это самая совершенная машина для убийства. Жрёт всё подряд,

невосприимчива ни к каким ядам, чудовищно агрессивна и при этом совершенно неуязвима, но ещё гора-бык чертовски умён и хитёр, как чёрт, но на счету каждого из мутов-гигантов, которые будут вас сопровождать, имеется по три, четыре таких зверюги. Даже вам, господа, несомненно понравится мясо гора-быка. Если, конечно, вам сделали прививки, но если не сделали, то не беды, мы быстро восполним этот пробел. Про то, как можно убить гора-быка, я промолчу. Видите ли, если вы решите снова возобновить войну, то мы перейдём в атаку и тогда впереди наших войск пойдут эти живые танки. А теперь возвращаемся на базу и там нам придётся снова связаться с Белым домом. Мы в состоянии сделать так, что ни одному гора-быку даже в голову не придёт нападать на ваши бронированные вездеходы, но это будет стоить очень дорого. Впрочем, профессор, это уже не ваша забота.

Когда госсекретарь услышал, что за установление на вездеходы антибычьей защиты мы намерены потребовать с него по пять штук новейших десантных конвертопланов модели "Боинг бизон", способных принять на борт три десятка мутов-гигантов и плюс к ним ещё и полсотни больших мутов вместе с вездеходом, наши телепаты времени зря не теряли, то на него стало жалко смотреть. Экспедиция в Атомный край с каждой минутой становилась всё дороже и дороже, ведь всего они должны были перегнать нам шестьдесят таких летательных аппаратов, построенных специально для заброски к нам в тыл отрядов, облачённых в новые боевые скафандры-экзоскелеты, защищённые от ЭМ-импульса. Он попросил дать ему тайм-аут, а на следующее утро сказал, что мы получим конвертопланы вместе с их вооружением, но без компьютеров наведения. Да, нам, в общем-то и их электромагнитные пушки не были нужны и мы взяли их до кучи.

Сразу после этого наши техники принялись устанавливать на вездеходы панели и прочие обвесы, изготовленные из роговой брони гор-быков, про которые мы сказали, что на них пошли панцири молодых самок, к которым самцы не просто равнодушны, а панически их боятся, так как за такие вольности рассерженная мамаша запросто въедет гора-быку в задницу и не остановится до тех пор, пока не разделит его на две половинки. Враньё, конечно, но кто же в этом признается? Показали мы пиндосам и свои автомобили, а точнее просто были вынуждены предъявить для самого тщательного исследования, чтобы они убедились в том, что в них не было ни грамма взрывчатки. Наши инженеры и техники тоже ведь занимались тем же самым целых две недели. Это были, как прочитали телепаты в пиндосовских мозгах, довольно-таки элегантные самоделки, на которых стояли

узлы и некоторые детали, а также термоядерные реакторы снятые с американских автомобилей и космического ракетоносца.

Наши электроджип и большой двухэтажный туристический автобус с четырьмя каютами тоже были бронированными, вот только их броня имела органическое происхождение и отличалась просто невероятной, фантастической прочностью из-за добавок нанопорошков тугоплавких металлов и их карбидов, которые стали поставлять нам китайцы. Ходовая часть и даже резина также была изготовлена из аналогичных материалов. При этом трёхосный электроджип был даже легче, чем пятиосный автобус, весивший всего четырнадцать тонн. К тому времени наши конструкторы уже знали, что в Америке все дороги очень широкие, а автомобильная техника может достигать в высоту шести с половиной метров и потому сделали так, что нам не придётся ютиться в крохотных каморках. При длине автобуса в двадцать четыре метра, у каждого из нас на его борту имелась отличная каюта размером три на семь метров с общей кухней-столовой-гостиной.

Двое будут путешествовать по Америке на джипе, а двое в автобусе, а как и на чём будут ехать наши сопровождающие, нас не очень-то волновало. Никому из нас вообще даже в голову не приходило волноваться из-за пиндосов. Все те обязательства, которые брала на себя наша сторона, будут выполнены, ни кто из них в этой экспедиции не пострадает, а как в отношении нас четверых поступят пиндосы, мы уже очень скоро увидим. Пока что они чуть ли не по винтику заставили разобрать наши джип и автобус. Мы в этом плане и то были не так строги, но это вовсе не говорило о нашей безалаберности, так как всю пиндосовскую технику самым внимательным образом осматривали три с половиной десятка больших белых мутов с рентгеновским зрением и все они были профессиональными инженерами.